

Борис РЯБУХИН

ИЗБРАННОЕ

Драмы в стихах
Стихотворения
Переводы

Москва

2002

P2
P98

Рябухин Б.К.

Избранное: Драммы в стихах. Стихотворения. Переводы -- М.: , 2002. — с.,
1 л. портр.

Борис Рябухин - лауреат Международной литературной премии имени Николая Тихонова за 1999 год, автор девяти поэтических книг, среди которых особое место занимают исторические хроники в стихах “Степан Разин” и “Кондрат Булавин”. В книгу «Избранное» вошли эти драмы, лучшие стихотворения и переводы произведений поэтов многонациональной России, ближнего и дальнего зарубежья.

Без объявл.

P2

ISBN

2002 г.

© Рябухин Борис Константинович,

ДРАМЫ В СТИХАХ

СТЕПАН РАЗИН

*

КОНДРАТ БУЛАВИН

Степан Разин

*Моей матери Беловой Капитолине
Алексеевне посвящается*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Разин Степан Тимофеевич — донской атаман

Алена — крестьянка

Ус Василий Родионович — донской атаман

Фролка — брат С.Т. Разина

Шелудяк Федька — татарин

Лазарка — казак

Евтюшка — беглый крестьянин

Грузинкин Алешка — беглый стрелец

Маша — астраханка

Анисья — беглая крестьянка

Василий — раскольник

Феодосий — поп

Аксенка

Тимошка — крестьянин

Алексей Михайлович — царь

Долгорукий Юрий Алексеевич — боярин

Прозоровский Иван Семенович — астраханский наместник

Львов Семен Иванович — князь

Иосиф — астраханский митрополит

Никон — бывший московский патриарх

Яковлев Корнил — атаман Донского Войска

Турчанин — московский гость

Черкасский Андрей — сын кабардинского мурзы

Босой — юродивый

Палач

Кзаки, крестьяне, астраханцы, темниковцы, стрельцы, солдаты, офицеры, бояре, князья, священники, хор

Действие происходит в 1666—1671 годах

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

(Декабрь 1666 года)

Хор

Ой, да то не белый ковыль,
Вот и в поле стелется.
То студеным снегом метет
Белая метелица.

Ой, да загулял верховей,
Вот и лютым холодом,
Со своим любезным дружкой —
Ненасытным голодом.

Ой, да ясный сокол летел,
Вот и в поле дикое.
Встретил черный ворон его
Силою великою.

Ой, да как сошлись ясный день,
Вот и с ночкой темною.
Больно сокол ворона бил,
Называл вороною.

Ой, да ясный сокол упал,
Вот и нету силушки.
Промахнулся в честном бою,
Притомились крылышки.

Ой, да только сердце его,
Вот и грустью спрятано.
Думою одной голова
Крепко запечатана.

Ой, да я с собой позову,
Вот и стаю милую.
Виноват я, что не богат
Удалою силою.

Ой, да я со стаей своей,
Вот и встречусь с ворогом.
А тогда и я посмеюсь

Сам над черным вороном.

Черкасск. В казачьем кругу — Яковлев, Ус, Лазарка, Аксенка, старшины, казаки. Феодосии,

Яковлев

Вновь смута учинилась на Руси.
Верховым казакам всегда неймется.
И нынешней весной забунтовали.
Избрали атаманом Ваську Уса
Из Глухова и подались к Москве
Своею волей без согласия круга.

Лазарка

Все потому, что голод на Дону.
Ты нам скажи, надежа-атаман,
Почто досталось хлебного довольства
Всего по кусу каждому и денег
По тридцать лишь алтын? Чем прокормиться?

Яковлев

Да от меня ли все зависит? Нету
Казны от государя из Москвы.
Прогневался он из-за Васьки Уса.

К а з а к и

Знать не желаем!.. Сам-то сыт?..

Старшины

Остыньте!..
А заварили кашу — так хлебайте!..

Лазарка

Вам, домовитым казакам, вольготно
Висеть удавкою у нас на шее.
Надулись нашей кровью, как клопы.
Тудыть его в кочан! Вот и бунтуем.

Ус

Мы и пошли в надежде к государю,
Что он возьмет нас на казачью службу
И на довольство хлебное поставит.

Яковлев

О том станицу мы могли б послать.
Так нет, повел полтыщи голытьбы!
А государю на Москву пришло
Премного челобитных от бояр,
Дворян и вотчинников. Казаки,
Мол, деревнишки наши разоряют,
Насилия чинят и животину
И всякое брахлишко отымают.

Ус

Жрать нечего — разбоем и кормились.

Лазарка

Почто скажи, надежа-атаман,
Царь жалует боярина да князя,
А казаков не жалует ничем?

Яковлев (*Лазарке*)

Я вот скажу те — плетью вдоль спины!
Поменьше бы якшались с бунтарями.
Бунт усмиряют казаки обычно —
За то и воздает нам государь.

Лазарка

А плетью обух не перешибешь.
Тебя-то, видно, жалуют изрядно?

Яковлев

Изрядно! Верой-правдой я служу.
А вас пожалует наш государь
Петлей шелковой да свинцовым зельем.

Лазарка

Мы те гостинцы отдадим тебе.

Яковлев (*Усу*)

В Воронеже просил же воевода
Вернуться? Не послушался — и к Туле
Пошел.

Ус

Попробуй, войско осади.

Яковлев

Зачем же вы прибрали по дороге
Всех беглых — и холопов, и крестьян,
И Белгородского полка драгун?

Ус

Прибрали? Мы росли, как снежный ком.
И с пришлыми нас стало уж три тыщи!
И пикнуть не могли — сорвут башку...

(*Входят Шелудяк и Евтюшка.*)

Евтюшка (*Шелудяку*)

По всей Руси шатание большое.
Вот всероссийский сыск и объявили,
Чтоб беглых возвращать владельцам. Так?
Крестьян вооружают, чтоб ловить
Таких же бедняков в лесных засеках
Али раскольников в скитах.

Шелудяк

Оружье

И по-другому можно повернуть.

Евтюшка

А пристава над беглыми лютуют.

Поймают — да кнутом, да батогами,
Да цепью, да огнем — звереешь! Так?
Нет, на Руси холопства не избыть.
Вот я всю жизнь ургучил — все в нужде.
Одно богатство — старое куртишко.
Сначала, было, к князю я сбежал —
Все говорят, что у князей сытнее.
Подьячий из поместного приказа
Сыскал и посадил меня в тюрьму.
Морил голодной смертью. А владельца
Грозил иззуботычить волокитой.
Приехал пристав, в цепи заковал,
Повез меня с холопами другими
В боярское поместье. По дороге
Все палкой бил, да все по шее. Так?
Убили пристава и в лес сбежали.
Вот и решил податься в казаки.
Пришел на вольный Дон за Васькой Усом.
А здесь своей голытьбушки хватает.
Над атаманом даже суд чинят.

Шелудяк

Евтюшка, мне твоя беда знакома.
Я тоже беглый, из Москвы. Боярин
Засек ослопьями. Спина — в рубцах.
Мол, хоть крещеный ты, а все — татарин,
Я из тебя повыбью всю орду.
Боярина я в Волгу посадил.
За это пробовал бича.
(Задирает кафтан и показывает спину.)

Евтюшка

Злодей!
Татарин, что — не человек?

Шелудяк

Евтюшка,
Слышь, Разин собирается в поход.
К нему подайся. На него надежда.
Он с нами в кабаках горланит песни.
Богат, но не чурается прибылых.
И на Азов зовет.

Евтюшка

Спасибо, Федька...

Аксенка (в кругу)

А брешут, что ходили казаки
От Васьки Уса тайно в монастырь
До Никона. Мол, вольницу сберем,
Тебя отсюда быстро опростаем

И на святой престол посадим вновь.

Ус

Во, балаболка! Наговоры это.

Аксенка

А брешут также, будто государь,
Когда пришел из польского похода,
Узнал, что Никон-то сблудил с царевной..

Феодосий (*бьет его*)

Как смеешь ты порочить патриарха!
И в заточенье Никон свят для нас.

Аксенка (*поднимается с земли*)

Вот причастил, что в пору отпевать.

Феодосий

Но люди могут в грязь втоптать и святость.
А Никон утесненных понимал.
Челом бил государю за мирян,
Пока раскол не начал Аввакум.

Голоса

Сам виноват... Неслыханное дело —
Трехперстием креститься повелел!..
Молитвы, с детства ученные, правил!..

Феодосий

Тогда зачем же вы на Дон пришли?
Бежали б в Беломорье к Аввакуму
И гнили вместе с ним в холодной яме,
Аль по писанью вора жгли себя.
Мы по законам Никона живем.

Голоса

Что стоят все его законы?.. Если
Законник сам сидит в тюрьме?.. Бояре —
Еретики... И Аввакум предрек
Приход на Русь антихриста!..

Феодосий

А Никон
По старым книгам разрешил служить,
На староверов прекратил говенья,
Чтоб православья не сгубил раскол.
За то его бояре и прогнали
С престола патриаршего.

Старшины

За то...

Яковлев

Ну, будя вам с раскольниками лаять.
Нам Ваську Уса нужно наказать...
Князь Юрий Борятинский с ополчением
Под Тулою его остановил.

И вызвал из отряда десять лучших
Людей. И по указу государя
Велел всех беглецов переписать...

К а з а к и

Не сыщик Ус!.. Не пристав!.. Не Иуда!..

Яковлев

Послушают — простит он казаков
За то, что с Дона вышли самовольно.
В награду все получают по полтине
В Воронеже...

К а з а к и

Не дорога измена!..
Сулил полтин — а дыбами платил...

Яковлев

А не вернутся и не перепишут —
Зачинщиков повесят по дорогам,
А остальных сошлют в Сибирь...

К а з а к и

Поймай!..
Стращал нас государь!.. Хитрил!.. А Ус
Его обвел!.. И беглым волю дал!..
(*Входят Фролка и Грузинкин.*)

Фролка (*Грузинкину*)

Все, все на Дон за волею бегут —
Раскольники, крестьяне и стрельцы.

Грузинкин

Все потому, что по закону — с Дона
Не выдают.

Фролка

А вы, как саранча,
Пожрали все — и голод на Дону.
А государь и без того урезал
Довольствие служилым казакам.
И начались и распри, и разбой.
Голудвенные грабят домовитых.
А сами служат им за животы.
Холоп всегда останется холопом,
Какую волю ты ему не дай.

Евтюшка

Без нас и государь бы стал пахать.

Аксенка (*Евтюшке*)

Ты не мели! Повесят за ребро —
На государя сеешь недовольство!

Фролка

Здесь все свои — кому же доносить?

Г р у з и н к и н (*Аксенке*)

Аксенка, ты, случаем, сам — не сыщик?
Что ж, доноси! И отдадут именье
Тебе мое: саманный дом без крыши,
Коня хромого да горшок без дна.
(Смех.)

Аксенка (Грузинкину)
Я морду бить тебе пока не буду.
Скажу лишь: все мы царские холопы.
Одна нам воля — щупать баб-несушек.
(Смех.)

Яковлев
Ну, будя!.. Как попал в Москву ты, Васька?
Ус
Просил я круг походный: мол, отправьте
Тайком в Москву с станицей к государю.
Я буду бить ему челом, чтоб он,
Из-за войны с поляками, нас принял
На службу. И пришел в Москву. И подал
С надеждой челобитную в приказ.
Но на свою же голову...

Старшины
Дурную!..
Посол от воров — вор!..

Яковлев
За караулом
И Уса, и станицу повезли
До Брятинского.

Казаки
А Ус бежал!..
И нас увел!.. Не выдал!..

Яковлев
А не выдал,
Так будет выдан государю сам!
Согласны ль, казаки Донского Войска,
Отдать для наказания Ваську Уса
Москве?
(Пауза.)

Голоса
У нас закон — не выдавать!..
Потом повадно будет!.. Посылай
Станицу!.. Уса мы накажем сами!..
(Шум.)

Яковлев
Но государь великий люто зол
На нас за самовольство Васьки Уса.
Он требует, чтоб мы вернули беглых.

Грозит послать войска на Дон!

Старшины

Страшает!..

Сейчас не до того!.. Война с поляком!..

Простит!.. Накажем сами!.. Беглых сгоним!..

Ус

Да, их пусти на Русь! Где мы прошли,

От Дона до Москвы — пороховая

Дорога! Запали — и вспыхнет бунт!

Старшины

Утешил!.. Вот злодей!.. Чай, подбивали

На бунты?.. Похваляется дурном!..

Яковлев

Тогда плетьюми накажем Ваську Уса.

Согласны ли?

Старшины

Согласны!.. Любо!.. Любо!..

Яковлев (Усу)

Не сколько за поход тебя, а сколько

За то, что ты привел на Дон голодный

Еще три тыщи ртов, накажем люто.

(Из кабака выходит Разин с казаками.)

Старшины

Вон, Васька Ус, тебе готова смена...

Пойдет твоей дорогой Стенька Разин...

Один другого чище!..

Ус

Он пойдет.

Разин (казакам)

В колокола ударил Медный бунт

В Москве — ему тотчас отозвались

Сполошные колокола во Пскове,

И Новгород, и Курск забунтовали.

Крестьяне утеснителей сжигают,

Раскольники леса заполонили.

Все в государстве вооружены.

И все бегут, и все друг друга губят.

В огне Русь раскололась пополам!

Из недр ее наружу рвется воля.

Яковлев (Разину)

Ты что-то гордый стал после похода.

В казачий круг не ходишь.

Разин (Яковлеву)

Сам с усам.

Яковлев

Эх, Стенька, Стенька! Я-то все не верил,

Что царский-то посол да богомолец —
Не я ль тебе посольства хлопотал
И богомолье? — стакнулся с ворами...
Чай, зря тебе поход я разрешил.
Татар-то ты разбил у Млечных вод,
Да гонору прибавила победа.
Обычаев казацких стал чураться.
Мож, и служить не хочешь государю?

Разин

А то не знаешь, в чем моя обида?
Почто боярин Юрий Долгорукий
Ивана, брата моего, повесил?
Подлец! Он лучших казаков сгубил!

Старшины

Иван — такой же баламут, как ты...
Сражался храбро, да ушел тишком...
Казацкий полк из Польши отпустил?..
Достоин по закону казни смертной!..

Разин

Петли постыдней нет для храбреца!
А вам, старшине, только глотки драть.
Нас Долгорукий обвинил в измене?
Он сам изменник! На Москве бояре
Все изменили государю, все!

(Шум.)

Яковлев

Видать, готовишь ты башку на плаху?

Разин

Когда так было, чтобы на Москве
Весь царский род губили, как сейчас?
Скончались скоро и царица Марья
Ильинична, и государь царевич
Князь Симеон. Кому-то захотелось,
Как некогда Борису Годунову,
По царским трупам на престол взойти?

Голоса

Откуда знает он?.. Бывал в Москве...
С посольствами ходил от государя...
Толмач!.. Всегда Москва молвы полна...

Разин

Зажали нас в свои тиски бояре —
И Юрий Долгорукий, и Никита
Одоевский, дьяк думный Беклемешев
И голова стрелецкий Артамон
Матвеев. Притесняют казаков.
Лишь на указы скоры да удавки.

Лазарка (*Яковлеву*)

Ты нам скажи, надежа-атаман,
Почто не отомстили мы боярам
За смерть Ивана? Али, как за Ваську,
Самих себя же нам посечь плетьюми?

Яковлев

Так круг решил. Я сам решать не волен.

Разин

Я — волен! И за брата отомщу!

Старшины

Ну, что яришься?.. Тут взъяришься!.. Схлынь!..

Казаки

Уж невтерпеж!.. До края чашу горя
Наполнили бояре!.. Нам тесно!..

Разин

А невтерпеж — тогда пойдем в поход.
В Азове много зипунов достанем.

Казаки

Поход!.. Поход!..

Старшины

Ты, Стенька, не дури!..
И в мире мы с азовцами... Давно ли?..
Ты не мути опять нам Тихий Дон!..
Нам расхлебать бы самочинство Уса...

Яковлев

Ну хватит пререкаться с баламутом!
Кого пошлем с станицей к государю?

Старшины

Пусть Самаренин!.. Да Минаев!.. Любо!..

Яковлев

И Фролка Разин.

Фролка

А за что меня?

Яковлев

Пойдешь с повинной за Ивана-брата.
Глядишь, и Стеньке спеси поубавишь.
Из братьев трех всегда разумней младший.

Старшины

И Фролка!.. Повинится!.. Любо!.. Любо!..

Разин

Неужто, Фролка, поползешь в Москву
На брюхе землю жрать за казнь Ивана?

Фролка

Мне брата жалко, но повинен он.

Разин

Ну и лижи боярам зад! Получишь,

Как Ус, пинка! А я же буду мстить!

Яковлев

Отпишем государю: Ваську Уса
По приговору круга наказали
Жестоко, без пощады, чтоб иным
Впредь неповадно было. И не дали
Им жалованья. Наложили пени
Под смертной казнью всем, кто с ним ходил.
А беглых, мол, не приняли, согнали
На Русь всех без пощады.

Старшины

Любо!.. Любо!..

Яковлев

Плетей! И Ваську Уса на правеж!
Под караул его, несите козлы!
(Аксенка со старшиной уходят. Усу связывают руки и конвоируют из круга.)

Разин (Яковлеву)

Ты — пастырь, знаешь, чем кормить овец.
Вот и владей своим, овечьим, войском,
А я своим, казацким, править буду.

Яковлев

Да кто с тобою, выскочкой, пойдет?
Но вот мое решительное слово:
Не помышляй и думать о походе,
С азовцами мы ссоры не хотим.

Разин

Свет клином на Азове не сошелся.
Не только вниз по Дону можно плыть,
Против течения тоже. Только был бы
Попутный ветер... Слушай, казаки!
Мне Хрипунов и Шилов из посадских
Воронежских людей сулят ссудить
Свинец и порох. Да у нас у многих
Есть сродники в Воронеже. Помогут
В разлив струги до Волги дотянуть.
Возьмем Царицын и засядем там.
Все караваны будут наши!

Казаки

Любо!..

Разин

По Волге можем к Каспию спуститься.
Там потрясем купцов персидских!

Казаки

Любо!..

Разин

И на реку Яик податься можем.
Зовет меня дружок мой Федька Сука.

Кзаки

На Волгу!.. В Персию!.. Яик!.. Поход!..
А где взять снаряженье для похода?..

Разин

Не зря я воевал под Перекопой.
У домовитых тоже перейдем,
А часть дувана отдадим за ссуды,
Как водится.

Яковлев *(кричит)*

Изменники престолу!
О крестном целовании забыли?
Вас все равно достанет государь!
Очнитесь! Захотелось вам отведасть
Сухариков, что сушены в Москве
И крошены в Казани?

Разин

Не боись!
Не больно Ваську Уса-то достали.

Старшины

Во разорался!.. А поди и рад...
Пущай уводит рать голодных ртов...
Чай, ссуду легче, чем грабеж стерпеть...
Не то что Васька Ус — добавил беглых..

Ус

Добавил? Ты попробуй осади!
Как бешеные от Москвы бежали
Они на Дон — и я не смог сдержать.

Разин

Уж я смогу держать покрепче вожжи.
И казаков поболе соберу.
Со мной пойдут лихие атаманы:
Кривой Сергушка, Каторжный Алешка,
Черток Микитка, Турчанин, Поляк,
Хохлач, Токач, Шумливый, Чернойрец,
Лях, Серебряк и Паншинский...

Старшины

Старшины,
Да он, нечай, собрался бунтовать!..
Почище Васьки Уса!.. Не допустим!..

Яковлев

Ты что ж, решил от Дона отделиться?
Или бунчук тебе мой уступить?

Старшины

Уступит, щас!.. Он сына к бунчуку
Ревнует!.. Да и Стенька тож не промах..

Шелудяк

А что, и Разину настало время
Стать атаманом войсковым. Повыше
На голову он многих из старшин.
Ума палата. И в бою удачлив.
Орел! Огонь!

Яковлев (*Шелудяку*)

Распелся! Как невеста
На сносях хвалит жениха рябого.

(*Смех.*)

А твой рябой вдобавок слеп и глух.
И разум помутился от гордыни.
Законов над собой не признает.

Разин

Ты сам нарушил все законы Дона.

(*Аксенка со старшиной приносят козлы и плети.*)

Лазарка (*Разину*)

Никак плетей несут для Васьки Уса?

Да что ж это творится на Дону!

Тудыть его в кочан! Своих секут.

(*Уса кладут на козлы.*)

Яковлев

Аксенка, начинай! Да не жалея!

(*Аксенка со старшиной бьют Уса плетьюми.*)

Лазарка (*Разину*)

Неужто не заступимся?

Разин (*Лазарке*)

Погодь!

Аксенка (*бросает плеть*)

Да не могу я своего же бить!

Яковлев

Не можешь бить — так битый будешь сам.

Разин (*выхватывает плеть у старшины*)

А ну погодь! Еще один посмеет

Поднять на Уса руку — засеку!

Яковлев (*Разину*)

Что лаешь? Али тесен стал ошейник?

Так я тебе потуже затяну!

Старшина

Корнила не таких еще смирял.

Разин (*бьет его*)

Попридержи язык, пока он цел.

Старшина *(бросается на него)*

Ну, черт, рябой! Держи свою башку!

Лазарка *(бьет его)*

Ах, сволота, тудыть его в кочан!

За Стеньку Разина живьем сожру!

(Шум.)

Шелудяк *(сножом)*

Ну, кто здесь вздумал Стеньку забижать?

Яковлев

Остынь! Без свары! Разберемся миром.

(Шум стихает.)

Ус *(Разину)*

Уж я тебя уважу за подмогу.

Разин *(ножом разрезает веревку)*

Пойдешь со мной в поход за зипунами.

И ты, Аксенка,— воля любит смелых.

Ус *(встает с козел)* Н

Нас плети делают храбрей и злей.

Яковлев

Почто пошел ты, Стенька, против круга?

Разин *(кричит)*

По то! Удумал Дон посечь за волю!

Ты что же, крестный, всех нас предаешь?

Уже довольно услужил боярам:

Ивана — в петлю, Уса — плетью. Будя!

Такой ли нужен Дону войсковой?

Яковлев

Цыц! Обнаглел совсем. На атамана

Не смей мне голос повышать! А я

Тебе еще взамен отца родного.

Разин

Отец сейчас тебе бы плюнул в рожу!

Яковлев

Отец твой тоже сумасбродом был.

Не будь покойник Разя тем помянут.

Строптивую турчанку в жены взял.

Вот кровь неверная тебя и бесит.

Тума ты без ума! От волка — волк!

Разин *(кидается на него с ножом)*

Грех на душу возьму!

Ус *(хватает его)*

Остынь, Степан!

Яковлев *(кричит)*

Вон с глаз моих! Щенок! И с Дона вон!

Старшина

Хитер Корнил... Пусть спробует бояр!..

Нам будет и сытнее и вольготней!..
Ему и круг казацкий — не указ...
А на Руси там быстро сыщут беглых...
Уйдет в поход на Русь... Почище Уса!..

Разин

Что, казаки! Идти ли Волгой нам
С боярами на воле повстречаться?

К а з а к и

За зипунами!.. Любо!.. Любо!..

Разин

Или,
Как Васька Ус, пойдём к Москве на службу?
(Пауза.)

Знать, по весне отправимся на Волгу!

К а з а к и

Поход!.. Война боярам!.. Любо!.. Любо!..
(Шум.)

Яковлев

Он помутил вам очи и рассудок.
Его могила лишь остепенит.
Сломает шею и загубит вас.

Разин

И я клянусь, бояре нас попомнят!
И ты, Корнил!.. За мною, казаки!
(Половина круга идет за Разиным.)

С т а р ш и н а

И раскололся Дон... Везде раскол!..

Яковлев (кладет бунчук на землю)

Не буду атаманом войсковым!

Я не желаю гнева государя.

Пущай Самаренин, аль кто другой
Владеет бунчуком... Но знай же, Стенька,
В твоей победе — и твоя беда.

Р а з и н (оборачивается)

Ну что ж, я сделал выбор навсегда.

З а н а в е с .

Картина вторая

(Март 1668 года)

Хор

Ой, над крутой горой да над Яик-рекой
На небе зоренька да разгорелася.
На берегу сошлись все люди вольные
И песню слушали, и думу думали.

«Ой, как давным-давно жил атаман Нечай.
Ну и собрал себе он с мира вольницу.
Все по морям ходил и бусурман губил.
И на Хиву повел свою гольтьбушку.

Ой, на ту пору хан был на войне другой.
И захватил Нечай Хиву богатую.
Добычи много взял, да загулял казак
И поздно с праздника домой отправился.

Ой, как вернулся хан — и полетел вдогон,
И тяжело бежать — да жаль дуван бросать.
Так и погиб Нечай, а с ним — и вольница...
И лишь ковыль-трава по полю стелется».

Ферапонтов монастырь. Никон сидит в келье. К стене прислонен большой деревянный крест с надписью.

Никон

Царь — лишь луна, а солнце — патриарх!
Но государь забыл, что власть — от бога,
Что при архиерействе — меч духовный,
А при царе — мирской. И стал вступаться
В дела архиерейские, и в церковь
Ходить не стал. Гнев государя — страшен!
Но я не испугался. Видел с болью,
Что весь синклит и церковь на Руси
Латинскими догматами прельстились.
И третий Рим от ереси — в руинах!
И я решил тогда на чистом месте
Построить Новый Иерусалим —
Поодаль от Москвы. И государь
Поубоялся, что возьму я верх,
И патриаршества меня лишил.
И вот я сослан в этот монастырь
Простым монахом, аки вор последний...

Ах, Никон! Отчего так приключилось?
Давал бы ты богатые обеды
И вечерял с высокими людьми —
Не потерял бы дружбы из-за правды.
У власти стал — дуй в общую трубу.
Облизывай, как пес, того, кто душит
Тебя с улыбкой благолепной. Тьфу!..
А ересь вся идет от государя.
Он мнит себя главою православья.
И я ему невольно потакал,
Заставив Русь по-новому молиться.
В руках у сильного и мудрый может
Игрушкой стать, не ведая о том.
Гордыня государя обуяла.
Поставил самочинно Иосафа
В Москве на патриаршеский престол
И понукает им, как истуканом.
Собственноручно издает указы,
Русь перестроил на военный лад,
Всех запугал приказом Тайных дел
И породил иуд Сыскным приказом...
Но я спишусь с вселенским патриархом,
Я докричусь, как ни зажали рот,
О злодеяньях русского царя!
И предадут анафеме его.
И в огненной геенне богоборец
Сгорит!.. А патриаршеский престол
Собор вселенский мне вернет...
(Стук в дверь.)

Войдите! (Входят три монаха.)

1-й монах (крестится)

К тебе, сияющий великим солнцем,
Крепко стоящий патриарх, пришли
Мы поклониться.

Никон (протягивает руку)

Хоть я и в тюрьме,

Но овцы пастыря не забывают.

2-й монах (крестится, целует руку Никону)

Слезами мы исходим, находя
В беде святейшего из патриархов.

3-й монах (крестится, целует руку)

Велик великий и в простых одеждах.

Никон

Присядьте и с дороги отдохните,
Почтенные отцы. Куда ваш путь?

1-й монах (целует руку)

Идем на богомолье в Соловки.
(*Монахи садятся на лавку.*)

Никон

Там возмутились иноки.

3-й монах

Неужто?

В святой обители — и тоже бунт.

Никон (*встает*)

Что у тебя с рукой?

3-й монах (*снимает с ладони тряпицу*)

Да казаки

Напали и ножом ладонь проткнули.

Никон (*достает из ларца склянку*)

Сейчас по всей Руси гуляют воры...

Был мне глагол: «Отнято у тебя,

Мой Никон, патриаршество. За то

Дана тебе лекарственная чаша.

Лечи болящих!»

3-й монах

Отче, исцели!

Никон (*смазывает ему руку*)

Плоть легче исцелить, труднее — душу.

А ты что прячешь под полой?

1-й монах (*кладет на стол баклана*)

Баклана.

Охотник подал нам на пропитанье.

Никон

Язычники! Едите мясо в пост!

2-й монах (*протягивает икону*)

Не гневайся на нас, на окаянных!

Пограблены в пути. Оголодали...

Прими, святейший Никон, скромный дар,

Зосимы и Савватия икону.

Никон (*швыряет икону на стол*)

Латинскую икону не приму!

Сотрите эту эллинскую ересь!

2-й монах

Они же основали Соловки!

Никон

И Соловки сейчас — фиал раскола.

С законами моими не мирятся:

Трехперстием креститься не хотят,

Не принимают книг новопечатных.

Собор законы эти утвердил

И проклял староверов.

1-й монах

Аввакум

На цепь посажен и отправлен в ссылку
На Север, в Пустозерск.

Никон

Ох, бесноватый!

Русь помутил. В расколе он повинен.
Борзой заступник темной старой веры —
Языческой с латинской пополам.
Раскольников прельщает жечь себя.

1-й монах

Не первый он. Еще француз Вавила,
Василий Волосатый, Капитон
За веру начали прельщать людишек
В овинах запирались и сжигаться.

Никон

Французы на погибель нас толкают.
И Аввакум с их голоса вопит.
Всю душу русскую перевернул.
И пол-Руси от церкви отложилось.

3-й монах

Сегодня люди жгут себя за веру,
А раньше за неверие их жгли.

2-й монах (Никону)

Но ты же сам ту кашу заварил.
Ты ж христиан назвал еретиками
За то, что будто наше православье
От греческого чина отложилось
К костелу эллинскому. Так?

Никон

Не так!

Русь впала в ересь из-за темноты
Служителей священного престола
И тайной силы эллинской заразы.
Писание, молитвы и обряды
И знамение крестное иначат
В невежестве своем и нераденье.
Лишь я один, ревнитель православья,
Решился, не жалея живота,
Очистить душу русскую от скверны
И в лоно православия вернуть...

2-й монах

И пошатнулась вера на Руси,
И содрогнулась русская земля
От смут... Не терпит вера исправлений!

Никон

Негоже слышать мне такие речи!

Я чувствую — не богомольцы вы?

(Монахи снимают накидки, оказавшись Аксенкой, Евтюшкой и Шелудяком.)

Шелудяк *(кланяется Никону)*

Воистину, великий патриарх.

Крестьяне мы. Указом государя

На Невель посланы. А корму нет.

Пришли к тебе проситься во служенье.

Никон

Антихристы! Священные одежды

Мараете? И к шатости прельстились.

Вот я велю отдать вас приставам.

Шелудяк *(на коленях)*

Не гневайся, святейший, и помилуй!

Мы знаем, беглых укрываешь ты.

Евтюшка *(на коленях)*

Не отвергай заблудших во грехе!

Мы будем преданно тебе служить.

Аксенка *(на коленях)*

Священным светом нашу темноту

Души развей. А после — хоть на плаху.

Никон

Бог вам судья. Все братья во Христе.

(Шелудяк, Евтюшка и Аксенка встают с колен.)

Шелудяк

Мы верили, что не отвергнешь нас.

А потому, что сам ты из крестьян,

Из Нижнего мордвин Никита Минов.

На черном хлебе с мачехою вырос,

Учился на тычках за медяки.

И от хулы напрасной из скита

Бежал, да чуть не утонул.

Никон *(настороженно)*

И что же?

Евтюшка

Да горюшка хлебнул, пока-то стал

Стоять высоко, ездить широко

И деньги из окна бросать народу.

Понять тебе нетрудно утесненных.

Всегда за них просил ты государя.

Никон

Да, как не вознесись, но не избыть,

Видать, проклятья низкого рожденья.

Аксенка

Сам государь с народом, преклонясь,

Молил тебя стать патриархом.

Никон

Силой

Доставили меня в собор Успени.
Я согласился, видя плач народа
И слыша клятвы государя. Что же?
Вручил господь огонь и меч мне в руки,
Чтобы осилить темноту и ересь.
Но взбунтовали от нововведений.
То нарекли меня иконоборцем,
Когда стирал латинские иконы.
А то еретиком — за исправленья
Описок всех в Писании священном.
Каменьями убить меня хотели.
Кто ж за меня вступался — пострадал.

Аксенка

А правда ль, новгородский Питирим
И сарский Павел, и боярин Сытин
Грозилась отравить и удавить
Тебя, святейший?

Никон

В гневе люди слепы.

Забыли, что мы ходим все под богом.
Всю жизнь спешат меня похоронить.
Еще ребенком полугодовалым
Шесть месяцев не мог я глаз сомкнуть,
Не ждали, что и выживу. Но выжил!..
И даже стал московским патриархом.
И Алексей Михайлыч саморучно
Писал меня «великим государем»...
А после попрекнул, приревновал.
Луна решила солнцем верховодить.
Я не стерпел и свой престол оставил.
Народ в слезах меня не отпускал.
Но я решил: «Анафемою буду,
Коли останусь патриархом». Что же?
Когда-то и Григорий Богослов
От гнева государева бежал.

Аксенка

А говорят, за то тебя прогнали,
Что католицкой, лютеранской веры
Людишкам церковь посещать позволил.

Никон

Позволил? Я заставил перейти
Их в нашу веру. Храмы иноверцев
Позакрывал. Сжег пять возов бесовских
Немчинских музыкальных инструментов.
А в ереси меня же обвинили

Те, кто глазеет на латинский Запад,
Окольничьи Матвеев да Стрешнев.

Аксенка

А брешут, что окольничий Стрешнев
Ругается благословеньем божьим.
Кобель его, на задних лапах сидя,
Переднею народ «благословляет».
И патриархом Никоном его
Зовет Стрешнев.

Никон

Антихрист! Как посмел
Ты мне в лицо бросать такую ересь!

Шелудяк

Не лезь с поганым языком, Аксенка!

Никон

Раскольники-бояре! Лишь они
И ссорят вечно церковь с государем.
И рады, что с престола я низвергнут.
А без меня от римского костела
Начаток приняли своею волей.
Раздорами они загубят Русь.

Шелудяк (*заглядывает за дверь*)

У стен есть уши, а в тюрьме — тем паче.

Никон

Великий человек — весь на виду.
И соглядатаев за ним полно.
Особенно, когда в опале он.
Бессильный рад потешиться над сильным.
Когда я правил миром на престоле —
Дворов крестьянских тысяч с двадцать было,
Монастыри, приказы и дворяне.
Был питан, как телец на заколенье.
Теперь же кроме щей худых да квасу —
Нет пищи. Голодом меня морят.
Доносы государю посылают.

Шелудяк

Вернулся б ты в Москву.

Никон

Я возвращался.

К народу обратился с божьим словом.
Но силою окольничий Стрешнев
Меня, по повеленью государя,
Спровадил снова в монастырь. С глумленьем!

Аксенка

Для черных дел — и черные есть руки.

Евтюшка

Ты должен возвратиться на престол,
Пусть даже и придется крест принять.

Никон *(показывая на крест)*

Христос один нас кровью искупил,
Мне ж от грехов вас кровью не избавить.
Навечно погребен я здесь. И вот —
Надгробный крест живому патриарху.

Шелудяк *(Аксенке)*

Зачти!

Аксенка *(читает надпись на кресте)*

«Я, Никон, милостию божьей

Московский патриарх, поставил крест
Сей, бывши в заточении в тюрьме,
Здесь, в Ферапонтове монастыре,
За слово божье, за святую церковь».

Шелудяк

Что ж, так в монастыре и будешь гнить?

Никон

Вся Русь — как монастырь. Я ближе к богу —
И мне виднее воля провиденья.

Шелудяк

Неужто сердце кровью не исходит?
Сегодня Русью правит произвол
Изменников-бояр. Открой глаза!

Никон *(в сторону)*

Глаза открыты, да зажаты рты.

Евтюшка

Скажи нам, патриарх, по-христиански
С крестьянами бояре поступают?
Людишками в открытую торгуют.
Налогом, барщиной, оброком душат.
И вечно войны разоряют Русь.
Ведь что ни год — война. С поляком, с турком,
Со шведом. С кем еще не воевали?
И почему нас так не любят, русских?
А отбирают на войну кормильцев.
Так? И доколь терпеть?

Никон

Господь терпел —

И нам велел. А что не любят нас,
Так это за святую нашу веру.

Шелудяк

И вера наша нынче пошатнулась.
Затмение на пастырей нашло —
И разбежались от смятенья овцы.
Вся Русь в бегах и красных петухах.

Евтюшка

Уж и в бегах крестьянства не избыть.
По уложению царскому о сыске
Доносчик на доносчике сидит.
И волки-сыщики повсюду рыщут.

Аксенка

И беглые весь Дон заполонили,
И вышел он из берегов своих,
И хлынул бунтом голытьбы на Русь.

Никон

Вот, вот — самоуправство воевод!
Вот она воля-то к чему приводит.
Вся Русь — кипящий муравейник. Что же?
И этой смуты надо было ждать.

Шелудяк

Собрал бы ты людишек словом божьим,
Бояр и воевод бы приструнил.
Крестьяне бы в Москву тебя вернули.
И станет снова тихо на Руси.

Никон

Ах бунтовщик проклятый! Да казнить
Тебя за эти помыслы пристало.

Аксенка

Ты, Федька, в петлю голову не суй.
Еще не время.

Шелудяк *(кланяется Никону)*
Пощади, святейший!

Никон

Еще митрополитом новгородским
Я усмирял таких бунтовщиков.

Евтюшка

Бунтует Русь, она всегда бунтует —
Терпеть не может подневоли. Так?
А нынче вон поднялся Стенька Разин.
Готов он жизнь за волю положить,
Избавить черный люд своею кровью
От утеснений.

Шелудяк

Поднял он весь Дон
И голытьбу повел за зипунами.
Вольготно вдоль по Волге погулял
И на бояр нагнал такого страху!..
Как проходил Царицын этот Стенька
В стругах — по нем и пушка ни одна
Не стрельнула, запалом порох вышел.
Во чудеса!

Никон

Все воеводы — трусы.

Шелудяк

И астраханский воевода тоже
Не стал со Стенькой силою тягаться.
А он приплыл в Яицкий городок
И хитростью ворота отворил,
Переодев лазутчиков в монахов...

Никон

Как вы, мошенники, ко мне рядились?

Шелудяк

Казнил он воеводу и князей
И в городе казацкий распорядок
Устроил. Из Черкасского послов
Ни с чем вернул. Из Астрахани — хуже:
Всех в воду пометал послов.

Никон

Антихрист!

Шелудяк

Зазимовал в Яике до весны.
И начал чернь со всей Руси скликать,
Чтобы идти войною на бояр.

Никон

А что же вы-то к Стеньке не пошли?

Аксенка

Дак...

Никон

Что?

Евтюшка

Мы послужить хотим тебе.

Шелудяк

Ты обратился б к Разину, святейший,
Он заступился б за тебя. Бояре
Попомнили бы Никона.

Никон *(крестится)*

Избавь,

Господь, нас от заступников таких!
У казаков одно в уме — пограбить.
Что может Разин сделать для Руси?
Сразить, опустошить и осквернить!
Он вздумал Русь поднять? Кишка тонка!
Чай, не один так надорвался.

Евтюшка

К Стеньке

Стекается неведомая сила!

Никон

Меня уже прельщали казаки.
Но как в псалме Давидовом речется:
«Блажен, кто к нечестивым на совет
Не ходит, на путях не станет грешных,
В собранье развратителей не сядет».
Тех казаков изгнал я словом божьим
С великим государем как-нибудь
Мы и без черни сможем помириться.
Доныне государь мне шлет подарки
И молит у меня благословенья.

Аксенка

А не помиритесь?

Никон

Господь поможет.

Вот вырастет царевич Алексей,
Мой сын духовный, — я вернусь в Москву.

Шелудяк (всторону)

Такого государя нам и надо.

Аксенка

Он Речи Посполитой в короли
Обещан государем всенародно.

Никон

Ах, нечто так наследника блюдут?
Помри — бояре сцапают престол,
Иль басурманин вроде Годунова...
И Стенька-вор, поди, из басурман,
Раз не жалеет крови христианской.

Аксенка

Провидец ты, великий патриарх.
Турчанка — мать.

Евтюшка

Зато отец-то русский.

Аксенка

А ты б, Евтюшка, у нее спросил.

(Смех.)

Никон

Подобно все вершится в этом мире,
И в малом, и в великом. Боже правый!
Под турками томится Цареград,
И турок же идет на третий Рим.
Пророчил апокалипсис: падет
Проклятие звериного числа.
В год трех шестерок сняли сан с меня.
Пришли в Москву неправый суд чинить
Султанские невольники, мздоимцы,
Бродяги без престола, патриархи

Паисий и Макарий.

Аксенка (*в тон ему*)

Астраханский

Митрополит Иосиф их привел.

Никон

Когда-то он мне в верности поклялся.

Хвалил мои церковные законы.

А на соборе, как собака, лаял:

«Достоин за неистовства свои

Ты подначала крепкого и ссылки!»

Друзья-иуды, сколько же в вас яду!..

Сорвали облачение с меня,

Тайком, как воры, в монастырской церкви,

В отсутствие царя, народа, думы.

И увезли во мраке из Москвы.

Евтюшка

Дабы народ не заступился. Так?

Никон

И паства без меня осиротела,

И заблудилась Русь, и впала в ересь.

И волки пожирают всех овец.

Поймет ли кто мою святую боль!

Евтюшка

Святейший, кто услышит — тот поймет.

Никон

Не одного меня — и Златоуста

Изгнали так несправедно с престола.

За это бог послал такую кару —

На Русь явился дьявол!

Евтюшка

Нет, спаситель!

Никон (*не слушая его*)

Он кровью утолит свое тщеславье.

Нет пастыря спасти вас...

Евтюшка (*перебивает его*)

Пастырь — ты!

Шелудяк

Пора открыться нам, святейший Никон.

Мы — от Степана Разина гонцы.

Зовет тебя он на бояр войной.

Никон (*медленно направляется к двери*)

Я чуял... вашу воровскую статью.

Пойдите прочь! Не то я позову...

Шелудяк (*преграждает ему дорогу*)

Зови! А мы покличем казаков.

Нас двести человек сюда пришло.

Мы всех побьем и монастырь пограбим.

Никон *(отходит к столу)*

И вправду избыют. С них не убудет.

Приходится пред чернью унижаться.

Будь на престоле — я б ходил по ним.

Шелудяк

Ты говорил: «Священство выше царства».

Пойдем же с нами за святую церковь.

Никон

Нет, ни за что! Не оскверню себя.

Святое дело чистыми руками

Свершают. А у вас они в крови...

Слетелись, ненасытные бакланы,

Угодья праведные разорять.

Но государь вас быстро шуганет.

А Стеньку Разина он четвертует,

Как этого поганого баклана.

(Рубит ножом баклана.)

За кровь! За животы! Вот так! Вот так!

Шелудяк *(выхватывает у него нож)*

Вот так!.. Остынь, святейший. Бог с тобой.

Не ты ли нынче терпишь от бояр?

Никон *(поднимает окровавленные руки)*

О господи! Я вижу кровь народа!

Настала превеликая беда!

Я заклинаю вас — остановитесь!

И повинитесь перед государем!

Шелудяк

Нет, Никон, поздно. Разин бросил клич.

Есть вож у нас. Теперь нам нужен пастырь.

Не может Русь без бога и царя.

Никон

На воровскую прелесть не поддамся.

(Шелудяк, Аксенка и Евтюшка падают на колени.)

Шелудяк

Мы слезно молим, обратись к народу!

Никон

Я проклинаю вас! Изыдьте, бесы!

Евтюшка

Мы твоему престолу присягали.

И все, кто с нами, будут присягать.

Никон

О, господи, избавь от искушений!

Аксенка

С тобою мы готовы пострадать

За слово божье, за святую церковь.

Никон (*крестится*)

Чур! Чур меня!.. О господи, спаси!

Яко исчезнет дым, тако исчезнут.

И яко тает воск в лице огня,

Такс погибнут бесы от лица

Любящих бога...

Шелудяк (*встает, берет накидки*)

Хочешь иль не хочешь,

Но быть тебе в помощниках у нас.

Евтюшка (*встает*)

Поднимутся крестьяне на бояр —

Изменников с твоим благословеньем.

Никон

Не смейте мне марать святое имя!

Прочь, ироды!

Аксенка (*встает*)

Великий и в неволе

Велик... А донесешь — тебе же хуже.

Никон (*замахивается посохом*)

Торговцы кровью, прочь из храма!

Шелудяк (*направляется к двери*)

Тише!

Надумаешь — найди нас. Бог с тобой!

Ты будешь солнцем, государь — луной.

З а н а в е с .

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

(Август 1669 года)

Хор

Как тихонько сине море становилося,

Да Каспийское ничем не шелохнулося.

Резвый легонький стружочек злой мороз сковал.

На стружочке было семеро гулебчиков,

Атамана Стеньки Разина работничков.
Говорил им Стенька Разин, как в трубу трубил:

«Не робейте вы, казаченьки удалые,
Побивайте лед вы веслами еловыми,
Мы пробьемся в место тихое дуван делить.

Будет бархата на каждого по выросту,
Дорогой парчи придется по достоинству,
Золотой казны любому, сколько надобно».

Княжеский дом в Астрахани. Прозоровский, Львов и Иосиф сидят за столом.

Иосиф

Великое брожение на Руси
С тех пор, как пастыря она лишилась.

Прозоровский

Да, с Разиным бы цацкаться не надо.
Жена мне все талдычит: пореши
Ты вора Стеньку, то-то государю
Услужишь.

Львов

Как самим бы не пропасть.
Дразнить не стоит загнанного зверя.
Пока он сам не бросился — не тронь.

Прозоровский

Не тронь! А он прельщает астраханцев
На шатость. И стрельцы заволновались.
Скорей спровадить бы его на Дон.
Дьяк, чай поди, уж настрочил донос.

Иосиф (*Львову*)

И хорошо, что дьяка не позвал.

Голос за сценой

Степану Тимофеичу дорогу!

Прозоровский (*Львову*)

Идет. Ты для начала-то приветь.
(*Входит Степан Разин с рысьей шубой.*)

Разин (*крестится*)

Гостей богатых у крыльца встречает
Хозяин добрый. Иль я не богатый,
Иль ты не добрый, князь Семен Иваныч?

Львов (*обнимает его*)

Богатый гость! Дозволь тебя обнять.

Разин (*бросает шубу на лавку, кланяется*)

Поклон тебе, боярин Прозоровский.

Тебе, митрополит Иосиф, тоже.

Львов *(наливает в чарку вино)*

Прошу к столу. Чем бог послал. И выпьем
Во здравье государя Алексея
Михаилыча.

Разин *(чокается со всеми)*

Во здравие того,
Кто жалует нас милостью своею.

Прозоровский

Великого из всех великих.

Иосиф

Так же
Святейшего из всех святых от века.

Разин *(Прозоровскому)*

Хороший у тебя корабль «Орел»,
Боярин. С ним бы покори́л я шаха
Персидского... Да и тебя бы тоже.

Прозоровский *(закусывает)*

Пора тебе угомониться, Стенька.
На волоске висишь ведь, а ершишься.
Ты ж ссору учинил меж государем
И шахом. А тебя еще простили.

Разин

Что персов погромил — так это им
За оскорбления Руси.

Прозоровский

Пограбил
И Волгу, и Яицкий городок,
И море от Дербента до Баку...

Разин *(пьет)*

Все знаю, благодетели, все знаю.
За это вас и золотом осыпал.
Не знал бы — ни одной деньги не дал.

Прозоровский

Не дал бы ни одной деньги — подлец!
А мне вот эта шуба приглянулась.
Попробуй мне ее не дай.

Разин *(смеется)*

Не дам.

Прозоровский

Уж я тебе сумею сделать зло.

Разин *(серьезно)*

Боярин, чего хочешь попроси,
А эта шуба — память о дружке,
Кривом Сергуньке, павшем в Фарабате.

Львов

У нас закон: понравилось — отдай.

Разин (*Прозоровскому*)

Тебя один мой пленник — ханов сын,
За волю посильнее наградит.

Иосиф

Рассказывает людям этот пленник,
Что ты просил земли на поселенье
У шаха Персии, а тот не дал.
Что, служба на чужбине лучше нашей?

Разин

Жаль, не прибил я болтуна такого.
В своем отечестве пророка нет.
Так сказано в Писании?

Иосиф

Пророк!

И что же проповедуешь ты?

Разин

Волю!
Чем выше станешь, тем живешь свободней.
Тем меньше над тобою власть и сила.
И полной мерой радуешься жизни.
И человеком чувствуешь себя,
Каким господь над тварями поставил
Земными.

Прозоровский

Наверху вольготно — как же!
Когда нам пятки жгут бунтовщики,
А голову снимает государь.

Иосиф

Сам Никон патриаршества лишился!
А уж великим звался государем
Всея Руси и Белья и прочья.
Взлетишь повыше — падать побольней.

Разин (*Иосифу*)

Он говорят, старинный твой дружок?

Иосиф

Кто церковь предал — тот мой лютый враг!

Львов

Все лаемся, как верить, как молиться.
А бога позабыли.

Иосиф (*Разину*)

Вот и ты —
И был на богомолье в Соловках,
И носишь крест, — а в сердце бога нет.
Не токмо государю, но и церкви
Ущербу много причинил. Грешно!
Учуг мой рыбный ты поворовал?

Вязигу и икру всю утащил?

Разин

Не ведал, что творил, святой отец.
Оголодали. Я ж на учуге
Взамен оставил дорогую утварь
Церковную, и рухлядь, и ясырь.
Я даже росписи не сделал, зная,
Какой ты честный, праведный священник.

Иосиф

Зачем мне воровской дуван? Еще
Пред богом отвечать и государем.
Послал я челобитную в Москву,
Чтоб рухлядь, всю переписав, изъяли
И привезли в приказную избу.

Прозоровский (*удивленно*)

А я об этом ничего не знал.

Львов

Боимся, что доносы пишет дьяк,
А сами челобитные строчим.

Прозоровский (*Разину*)

Коль повинился и поклялся ты
Впредь государю праведно служить,
Ступай на Дон не мешкая!

Разин

А может,

Всем войском лучше мне пойти в Москву
С надежею на милость государя?

Прозоровский

Чего удумал? Хочешь повторить
Ты злое самочинство Васьки Уса?
Опять буровить Русь!

Разин (*смеется*)

Ты не бойсь,
Отправлю я станицу на Москву.
Пусть бьют перед великим государем
Челом и принесут вины за нас.
Да объяснят, что вышли мы в поход
За зипунами, потому что голод
И скудость на Дону большая. Пусть
Укажет государь, где нам служить
За наши прегрешенья, не жалея
Ни сил, ни живота.

Прозоровский

Вот это дело.

Я верю, что простит вас государь.

Иосиф

А он всегда прощает казаков,
Лишь только принесут они вины.
Как будто слабо наше государство.

Разин

Под казаками — чуть не пол-Руси!

Прозоровский (*строго*)

Но правит сила лучшей половины.

Забудь про шатость и разбой навеки!

И пушки сдай, что захватил на Волге

И в Персии. Дуван отдай и пленных.

А главное, верни дары, что вез

Купец персидский государю. Надо ж!

Присвоил государевы дары!

Тебе везли, с такою рожей... Понял?

Разин

Как не понять, когда у горла нож.

Дары отдам. Дуван — весь раздуванен.

Попробуй отними сейчас у тех,

Кто саблю добычу заработал.

А пленных отпускать — и я не волен,

Когда за одного лишь басурмана

Теряло войско по три казака.

И пушек я оставлю половину.

Они нужны нам, чтобы защищаться

От нападений кочевого люда,

Когда на Дон мы будем проходить.

Но как дойдем до места — непременно

Я пушечки тотчас верну.

Иосиф

Антихрист!

Еще он будет с нами торговаться!

А вот пошлем тебя в Москву в железах...

Львов

Святой отец, куреника отведай.

Они, чай, разберутся и без нас.

Прозоровский

Ты это, Стенька, брось! Ты не ершись!

Ведь как-никак, а ты у нас в плену...

Не будь твоих заслуг пред государем,

Тебя бы ни за что он не простил.

Мы, над людьми поставленные богом,

Договоримся, думаю, с тобой.

Ушло вас с Дона человек с шесть сотен.

А в Астрахань явилось вдвое больше.

Ты это... войско лучше распусти.

А мне переписать приблудших дай,

Чтоб беглых по закону нам сыскать.

Разин

Выходит, должен я предать своих
Дружков? Шалишь, боярин! Нет, не выйдет!
Они ж от злости Астрахань спалят.

Львов (*Прозоровскому*)

Да, этот улей шевелить не стоит.

Прозоровский

Ну черт с тобой! Прости, святой отец!
Тогда повольно должен отпустить
Ты тех, кто хочет по домам вернуться,
А остальных с собою забирай.
Смутьянов и своих нам здесь хватает.

Разин

Идет. Еще прошу, освободи
И тех, кого ты взял в полон, боярин.
Уж лучше по-хорошему отдай.

Прозоровский (*Львову*)

Семен Иваныч, гость твой угрожает?
Как будто от тебя не он бежал
На взморье? И не бил челом с повинной?
Как будто не слышал, какая сила
Палила с пристаней к его приходу?
Он думал — это в честь его, смутьяна?
Как будто казаки не опухали
От голоду с персидского стола?
Как будто он не пленник — победитель?
Молчать! Я здесь и царь и бог!

Львов

Казак!
Горячий. Золотишко завелось.
Товарищей-заступников орава.
Вот он и хорохорится. Пройдет.
А государю — он слуга отменный.
Уж лучше дерзкий, да с умом холоп,
Чем преданный дурак и трус.

Прозоровский

Ну, будя!
Что я сказал, тому и быть. Пошли
Спасибо, князь, на добром угощенье.

Иосиф (*крестится*)

Благослови тебя господь за хлеб.

Львов (*кланяется*)

Простите, ежели чем не угодил.

Прозоровский (*крестится*)

Уймись, Степан! Все воровать тебе,

А люди, глядя на тебя, бунтуют.
А нам и так врагов кругом хватает.
Еще с своими будем воевать.
Уймись! Я как отец тебя прошу.

Иосиф *(Разину)*

Тебе бы вновь сходить на богомолье.
Чай, погрешил, пора спасать и душу.

Разин

На Соловки?

Иосиф *(машет руками)*

Да упаси, господь!..
И бражничай помене. Весь опух.
От опьяненных отлетает ангел —
Хранитель. Ну прощай... Господь с тобой...

Прозоровский *(Разину)*

Накинь-ка мне на плечи рысью шубу.

Разин *(в сторону)*

Чем выше вы, тем святости в вас меньше.

Львов *(Разину)*

Умилостивь боярина подарком.

Вот тот конец, что всем делам венец.

Разин *(накидывает на плечи Прозоровскому шубу)*

Возьми, боярин. Чтоб тебе... не мерзнуть.

Львов *(Разину)*

Постой, я только провожу гостей.

(Прозоровский, Иосиф и Львов уходят.)

Разин

На улице жара, все накалилось.
Нет, с ними надо саблей говорить.
Сначала шубу, а потом и шкуру.
И что бы значил-то? Брюхатый трус!
Изменник он царю, как все бояре.
Во мне холопа хочет видеть он.
Но я с рожденья вольный человек.
И я сильнее его. Ужо вернусь —
Я рассчитаюсь с этим негодяем.

Львов *(возвращается)*

А ты меня уважил так уважил.
Какие жемчуга — свет затмевают!
А золотая сбруя — с бирюзой!

Разин

Спасибо, князь, за доброту твою.
Не все так воеводы к нам добры.
Особенно же Юрий Долгорукий.
Подлец! Повесил брата моего.
Мне б повстречаться с этим душегубом...

Бояре нам довольство урезают.
Служить — служи, а жить на что? Воруй?
Пред государем нас оговорили.
Царь лишь труба, а дуют-то бояре.
Побить бы всех изменников!

Львов

Побьешь!
Вон как силен боярин Прозоровский.
А потому, что на Москве имеет
Заступников больших. Дурак, а правит.
«Я царь!» И ты перечить не моги.
Горазд чужими загребать руками.
Чуть что — меня в походы снаряжает.
Сам не пошел тебя встречать на море.
Меня послал. Погибну — мол, плохой
Был воевода. Одержу победу —
Все почести ему. И государь...
От них самих — и суд, и власть.

Разин (*пьет*)

От них.
Смотри, и атаман Донского Войска
Корнил, и государь, и Прозоровский —
Все правят нашей жизнью как хотят.
И все — для своего благополучья.
А мы все говорим: судьба, судьба!
Нет правды в этом подневольном мире.
Обиженным никто помочь не хочет.
И только силой можно сбросить их.

Львов

Какой ты прыткий! Сколько надо силы?

Разин (*заглядывает за дверь*)

Русь — словно бочка с порохом, готова!
Лишь запали — все разом разнесет.
Все только ждут, чтоб начал кто-нибудь.
Я слышал, и тебе пришлось несладко.
Как вора засекли тебя в Москве
За то, что беглых утаил от сыска
И тем разбогател за счет бояр.
И в Астрахань сослали потому.

Львов

Я вижу, что ты сыщик неплохой.
Но только в голове твоей разброд.
Все ждут... чтоб Русь разрезать на куски, —
И крымские татары, и поляки,
И казаки... Да только сил не хватит.
Раскол и тот не разломает Русь.

Разин

Читал я Аввакума на Дону.
Что новое, что старое писанье —
Едино все. Была бы вера в бога.
Одна беда врагов объединяет.
И русский и татарин хочет воли.
Бояр осилить — и порядок будет.
Хотел бы я с великим государем
Сам погугарить обо всем в Москве.

Львов (*оглядываясь на дверь*)

А ты читал, что пишет Аввакум
Про государя? «Как уж мы его
Не величали: этакий, такой,
Благочестивейший, тишайший, славный,
Самодержавнейший наш государь,
Великий-развеликий, больше всех
Святых от века. Он и возомнил,
Что впрямь такой, что нет его святее».
Ведь надо же, на церковь замахнулся!
Всей властью завладел — святой и светской.
Того не смел Иван Васильич Грозный!
И патриарха Никона сослал.

Разин

Нас Никон окрестил, как князь Владимир!
Он для бояр страшнее Аввакума.

Львов (*снимает с киота образок на цепочке*)

А что мы видим снизу да с колен?..
По русскому обычаю хочу
С тобою побрататься я. Прими
В знак этого нательный образок
Девы Марии в золотом окладе.
Позволь тебя по-братски обниму.

Разин (*обнимает Львова*)

Спасибо, князь.

Львов (*подает икатулку*)

Считай мой дом своим.
А это — за твои подарки мой
Тебе подарок костяной Царьград,
Константинополь.

Разин

Вот уважил, право!

Львов

Не мешкай, брат, ступай скорей на Дон.

Разин

Чего бояться? Государь простил,
И грамоту его вы мне вручили...

Львов (*перебивает его*)

Двухлетней давности! Как государь
Узнает, что ты в Астрахань пришел, —
Под караулом повелит держать.

Разин

Негоже Стеньке Разину бежать.

З а н а в е с

Картина четвертая

(Сентябрь 1669 года)

Хор

Как орла высокого пленить?
 Как лихого казака любить?
 Приголубит — и умчится вдаль
 И оставит на душе печаль.

Но одна казачка по весне
 Приглянулась казаку Гугне.
 Опьянила медом допьяна.
 Объявила, что его жена.

И казак Гугня попал в полон.
 И нарушил холостой закон.
 Стал обычай — казаков женить
 И на свадьбах за Гугниху пить.

Как бы Стеньке Разину гулять
 Да бояр-губителей стрелять.
 Удалого пушка не брала —
 Астраханка Маша завлекла.

Только бережком она пойдет,
 Только белою рукой махнет —
 Сразу Стеньку Разина ссушит,
 Ретивое сердце сокрушит.

Изба астраханки Маши. Маша прядет, Анисья вяжет.

Маша

Все не забуду я недавний праздник.
 И с башен, и с «Орла» палили пушки.
 Народу — тьма! Кричат, кидают шапки.
 По синей Волге — красные струги
 Под парусами из шелков плывут.

На казаках и шапки, и кафтаны
 Из шелка да из бархага цветного.
 Все в золоте и дорогих каменьях.
 А Разин разодет — ну прямо шах,
 Что значит вольный-то казак лихой!
 Звенит оружием, звенит деньгами.
 Идет и золото в толпу бросает.

Анисья

Легко досталось — и бросать легко.
 Не солнышко — весь мир не обогреет.

Маша

Живи, гуляй! Все есть, все нипочем.
 И все при нем-то: удаль и отвага,
 И сила, и величие, и статья.
 Ну, право, Илья Муромец!

Анисья

И право.
 В нем сила чудодейственная есть.
 Заговорит — так словно зачарует.

Маша

Кажись, он и меня приворожил.
 Как попросил тебя взять на постой, —
 Я от смущенья так и обмерла.

Анисья

Спасибо, Маша, приютила.

Маша

Что ты,
 Анисьюшка... Вот полюбить такого!

Анисья

Окстись! Ты, девка, не в своем уме?
 Чай, у него таких-то пруд пруди.
 Да и жена есть с пасынком в Черкасске.
 Он и рябой — ну что тебе за сласть?

Маша

И пусть: женат, рябой! Приворожу.
 Присушку мне дала одна ведунья.

Анисья

Приворожи. Потешится — и бросит.

Маша

А правда, в Волгу бросил он княжну
 Персидскую?

Анисья

Не знаю. Мог и бросить.
 Такой лишь о великом говорит,
 А низкая душа его...

Маша

Неправда!

У Разина великая душа.

А для великого — другие мерки

В деяньях и любви. Но и ему

Ведь хочется быть просто человеком.

За ним я собачонкой побегу.

Анисья

Беги. Я убегла — теперь и маюсь.

Без мужа, без земли и без угла.

А ты небось холопка князя Львова?

Маша

Холопка я, да не совсем.

Анисья

Эт как?

Маша

Сходила бы ты по воду на Волгу.

Анисья

И право, надо на ночь запасти.

(Уходит)

Маша

Сидит как сыч... А где же та присушка?

Пусть топит, но сначала будет мой.

(Входит Грузинкин.)

Грузинкин

Ушла Анисья? Еле я дождался.

Ты что же, избегать меня решила?

Другого завела?

Маша *(отстраняется)*

Поди, Алешка!

Мне что-то нездоровится сегодня.

Грузинкин *(обнимает ее)*

Истосковался по тебе я, Маша.

Маша *(выталкивает его)*

Поправлюсь — позову.

Грузинкин

Я буду ждать.

(Уходит)

Маша *(достав из-за иконы свиток, читает)*

Пойду я в чисто поле на раздолье.

Завижу я в том поле две зари.

Как утренняя-то заря — Варвара.

Вечерняя заря-то — Маремьяна.

Я зорям покорюсь и помолюсь.

Пойду я в чисто поле на раздолье.

Завижу в поле я суху Сухару,
 Как та Сухара сохнет-иссухает,
 Так раб Степан пусть сохнет-иссухает
 По мне, возлюбленной рабе Марии.
 Завижу в поле я суху Сухару,
 А под сухой Сухарою сидят
 Двенадцать братьев с острыми ножами.
 И пусть возьмут те братья по ножу,
 И пусть разрежут грудь рабу Степану,
 И вложат в грудь его по доброй мысли,
 Чтоб с этих пор в еде не доедал,
 Чтобы в хмельном питье не допивал,
 И не загуливался он в гульбе,
 И не засиживался он в гостях.
 И что двенадцать братьев положили, —
 Те мысли думал о рабе Марии.
(Плюет три раза и крестится, прячет свиток.)

Анисья *(входит)*

Что, ворожишь? Он сам придет сейчас.

Маша

Почем ты знаешь?

Анисья *(зажигает свечу, прибирает вязанье)*

Мне сказал Аксенка,

Его телохранитель.

Маша *(переодевает сарафан)*

Что же я?

Одеться надо, щеки набелить.

Анисья

Зачем тебе?

Маша *(набеливает щеки)*

Боярышни все белят.

(Входят Разин, Шелудяк, Лазарка и Аксенка.)

Разин

А казаков возьмете на постой?

Попотчуй, Маша, на ночь глядя, гостя!

Маша *(кланяется)*

Поклон нижайший гостю дорогому

Степану Тимофеичу с дружками.

За что господь послал такую честь?

И как же ты узнал, где я живу?

Разин *(крестится)*

А Разин знает все.

Шелудяк *(ставит кувшин на стол)*

На то и батька!

Разин *(свите)*

Валяйте на струги! Я здесь управлюсь
Один, без вас.

Лазарка

Без нас-то, знамо дело.

Разин

Вы что, оглохли? Что я вам сказал?

Аксенка (*ставит сундучок на лавку*)

А мы неподалечку здесь присмотрим.

Разин (*тихо*)

Лазарка, на колени! Распотешим.

(*Замахивается на него.*)

Лазарка (*падает на колени*)

Не гневайся, великий атаман!

Шелудяк (*падает на колени*)

Как худа бы не вышло.

Аксенка (*падает на колени*)

Как же, батька,

Тебя мы бросим под защитой баб?

Мы ж на дворе, не в доме...

Разин (*ивыряет шапку и саблю на пол*)

К черту вас!

Раз не хотите слушать мою волю —

Не буду больше вашим атаманом.

Лазарка (*в сторону*) Т

Тудыть его в качан, распетушился.

Аксенка (*отползает на коленях*)

Ушли, ушли мы, батька, отдыхай!

(*Шелудяк, Лазарка и Аксенка уходят.*)

Маша (*поднимает шапку и саблю*)

Какой же строгий гость! Мне страшно, право.

Разин

Ты не бойсь. Я это так, в потеху.

Без силы-то и власти не бывает.

Надень вот обручальное колечко.

Маша (*надевает*)

Ты чтой-то больно скор, любезный гость.

Анисья

А он такой — как будто на пожаре.

Разин (*открывает сундучок*)

Анисья, не встречай, поколочу!

А это, Маша, для тебя подарки.

Жемчужное на шею ожерелье,

На голову — повойник золотой.

И зеркальце. Не медное — стекло!

И у боярышень бывает редко.

Маша (*глядится в зеркальце*)
Ты щедро одарил. С чего бы так?

Разин

Дарить приятнее, чем брать подарки.
Хочу, чтоб ты моею стала, Маша.

Маша

На ночь иль навсегда?.. Ни то, ни это!
Не все тебе доступно, атаман.

Разин (*пьет из кувшина*)

Отпор хорош! Анисья, помогай!
Раскинь-ка карты, что меня с ней ждет?

Анисья

Она тебе не курица, как я.

Разин

Замолкни! А не то шугну с насеста.

Анисья (*раскладывает карты*)

Молчу, молчу!.. Шестерки и семерки,
Восьмерки и девятки, и десятки,
Холопы, крали, короли, тузы,
Все масти — бубны, черви, трефы, вини,
Летите в чисто поле на раздолье,
Летите по клетям да по домам,
Узнайте по рабам и по рабицам
Про радости, напасти и печали
И правду чистую откройте мне
О короле трефовом — о Степане.

Разин

Во чешет! Губы-зубы говорят.

Анисья

Любовь тебя не сделает счастливым.
И все удачи кончатся изменой,
Ударом, неприятною дорогой
В казенный дом. И всюду — дама пик
Вредит тебе — твоя злодейка-слава,
Она в гордыне вознесет до неба,
А после головой на плаху бросит.

Разин (*смахивает карты*)

Уж слишком мрачно ворожишь, Анисья.
Поди-ка ночевать на сеновал.

Анисья (*собирает карты*)

Никто не любит правды. Потому
Никак ее никто и не добьется...
Ну поворкуйте, голубки. Пошла.
Аксенка, чай, пригреет бабу.

(*Уходит.*)

Разин

Маша,
Ты, говорят, присушкою меня
Приворожить хотела?

Маша *(подает на стол)*

Все он знает!

Разин *(разливает вино в кружки)*

Да ты не гоношись, садись за стол.

Маша *(садится)*

Митрополит Иосиф говорил,
Что будто бы из-за твоих грехов
У нас трясение земли случилось.
С насеста куры падали от тряски.
Сквозь землю провалились пять дворов.

Разин *(смеется)*

Я и сильнее потрясти могу.

Маша

А как ты взял Яицкий городок,
Из церкви Рождества раздался в полночь
Великий шум и колокольный зык.

Разин *(стучит ногой в пол)*

А ты сама-то слышала?

Маша *(смеется)*

Спала я.

Разин *(обнимает ее)*

А может, я и вправду чародей?
Так почему тебя не очарую?
Твои глаза сильней присушки, Маша.
Тебе построю каменны палаты,
Поставлю в них тесовую кровать,
А на нее пуховую перину
Я положу. Постелюшку твою,
Как водится лишь у бояр богатых,
Покрою я тканевым одеялом.
К тебе я часто буду наезжать,
Чтоб отдохнуть с тобою от походов.
Не упирайся, поцелуй меня.

Маша *(обнимает его)*

Как ты горяч! Какой ты сильный! Больно!..

Но не привяжешь к бабе казака.

Так, поиграешься со мной — и бросишь.

Персидскую княжну-то бросил в Волгу?

Разин *(отпускает ее)*

Поверила, глупышка?.. Станешь выше —

И о тебе слагают небылицы.

Не мог Менед-хан взять на корабль
 Не только дочь, а женщину-прислугу.
 Когда я потопил персидской флот,
 Мне в плен попался только ханский сын.
 Я передал боярину его.

Была бы дочь — с меня б ее спросили.

Да про меня придумали вначале,
 Что будто я в Яик татарку бросил
 Горыньгчу в подарок водяному.

А я насилья не терплю над бабой.
 Намедни вот один казак крестьянку
 Ткнул походя в живот. Я казака
 Того повесить повелел за это.

Маша (*целует его*)

Но ты женат. А мне ты нужен весь.

И не урывками, и не украдкой.

От ревности к твоей жене умру я.

Ее ты любишь?

Разин

Нет, прошла любовь.

Алену я из плена взял в бою

С татарами. И на коне умчал

В Черкасск с мальчонком маленьким Афонькой.

Она женой мне стала, он же — сыном.

Но жизнь казацкая Алене в тягость.

И сына мне родить она не может.

Пустая. И меня не понимает.

Ты, говорит, занялся ерундой.

Неужто я любил ее когда-то?

Маша

Мой милый! В благодарность за свободу

Живет она с тобою. Но не любит.

А я богатыря тебе рожу.

Разин

Родишь? А вдруг похожим будет он

Лицом на беглого стрельца Алешку

Грузинкина?

Маша

Узнал? Ну было, было!

Но ты, как солнышко, его затмил...

Не любишь ты меня.

Разин (*пьет*)

Эт почему?

Маша

Любил бы, так побил. Кого полюбят,

Так сильно бьют.

Разин

За что ж тебя побить?

Маша

Хотя бы за Грузинкина.

Разин (*шлепает ее*)

Поймаю —

Прибью обоих!

Маша (*потирает место удара*)

Что-то больно любишь...

А волю на любовь не променяешь?

Разин (*пьет*)

Нет, воля для меня всего дороже...

Маша

Не пей так много — сердца не услышишь.

Разин

А чем еще тоску свою залить?

Боярам захотелось нас прижать?

Как сами из-под палки жить привыкли,

Так, думают, должны и казаки?

Не выйдет! Мы бояр всех перебьем.

И станет вольной Русь. Решать — так вместе,

Дуван делить — так поровну, по-братски.

Создам я царство вольных казаков.

И счастьем никого не обделю...

Мне б только войско вывести из плена...

Маша (*глядит его*)

Ты, кажется, немного перепил.

Да разве может быть в плену такой!

Всю Русь, как и меня, зачаровал.

Заступник наш, надежда и отрада.

Разин

Нет, Маша, я не пьян. Мне тяжело.

Боялся я, что попаду на дыбу.

И Астрахань старался проскочить,

Как мышка, тихо, под покровом ночи.

Да, так тебе позволят воеводы,

Чтобы богатства мимо них уплыли.

Один отнимет силой, а другой

Получит лестью. Был бы я без денег —

Сидеть бы мне сейчас в железной клетке.

Поди, готова...

Маша

Все равно ты сильный

Разин

Эх, Маша, что ты можешь понимать?
 Когда и сам-то не возьму я в толк,
 Ну почему для всех хочу я воли,
 А все ее как будто не хотят?
 Ведь голутва казачья не схотела
 Идти в Москву. Им Волгу подавай.
 Им только бы поворовать. Вожжей
 Не слушают.

Маша

Но в Персию пошли?

Разин

Пошли? Как государь шугнул нас с Волги -
 Мы и сбежали в Персию. А там
 Нас, как собак бездомных, постреляли.
 И на Дону хорошего не жди.
 Мой крестный — атаман Донского Войска
 Житья не даст. Теперь иль он, иль я.
 Вот и богат, а некуда приткнуться.

Маша (*обнимает его*)

Эх ты, казак — бумажная душа!
 А на словах недавно был царем
 В казачьем царстве. Даже я, дуреха,
 Подумала, а вдруг царицей стану?
 Хоть маленькой, а все-таки царицей!

Разин (*смеется*)

Как быстро ты в царицы захотела!
 Я и смотрю — эх щеки набелила...
 А что? Могу и государем стать.
 Как соберу опять большое войско.
 Тогда со мною враз начнут считаться
 Мои друзья и недруги мои.
 И грянем мы войною на бояр...
 Лишь только нужно будет подождать,
 Когда крестьяне в волжских деревнях
 Хлеб уберут с полей. Нельзя иначе.
 Крестьянину всего дороже хлеб,
 А уж потом лишь воля... Не бойсь!..
 Фу, дуралей! Пришел с любовью к бабе,
 А голову морочу болтовней.

Маша

Нет, говори. Мне нравится смотреть,
 Когда ты говоришь, в твои глаза,
 Они так и сверкают, словно звезды.
 Тебе и лет не больше сорока,
 А умудренней ты любого старца...

Но что-то я, Степанушка, боюсь.
Ты лезешь в пекло. Да еще Анисья
Тебе нехорошо наворожила.

Разин (*прижимает ее к себе*)

Что заслужили мы, то и получим.
Ты не печалься. Будь со мной сегодня,
А завтра будет то, что будет.

Маша (*высвобождается из объятий*)

Милый,
Дай только занавешу я иконы,
Чтобы не видел бог мой грех.

Разин

Какой же?

Маша (*занавешивает рушником икону*)

Грешно любить женатого.

Разин (*смеется*)

Вот бабы!

Надеются и бога обмануть!

Маша (*глядится в зеркальце*)

Смотри, какие ушки у меня.
Как у боярышень — продолговаты.
Я их сама вытягивала силой.
Как в зеркальце смотрю — не насмотрюсь,
Так бы и ты смотрел все на меня.

Разин (*целует ее*)

Ах ты ведунья! Я тебя сожгу!

Маша (*прижимает его к себе*)

Побудь со мной хоть ночку, мой родной.
И даже это счастье для меня.
Всегда я для тебя, когда ни кликни,
Я за тобой пойду живую тенью.
Я и в могилу за тобой сойду.

Разин (*гасит свечу*)

Не знай, куда пути мои ведут.
Быть может, и могилы не дадут.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина пятая*(Июнь 1670 года)***Хор**

Как у нас на Волге-матушке реке
 Не черным-то зачернелось вдалеке
 Не белым-то забелелось на ветру,
 Не красным-то закраснелось поутру.

Зачернелась чернаярская буса,
 Забелелись над водою паруса,
 Закраснелись есаульские стружки,
 Завиднелись Стеньки Разина дружки.

Они веселками весело гребут,
 Они в славный город Астрахань плывут.
 "Не робейте, братцы, — Стенька говорит, —
 Этот город против нас не устоит!»

*Площадь в Астраханском кремле перед Троицким собором. На заднем плане
 видна часть баини-раската. У собора — группа стрельцов.
 Отдаленный шум боя.*

1-й стрелец

Над городом вдруг отворилось небо
 И из него, как искры из печи,
 Просыпались огненные звезды.
 А на последнем утреннем часу
 Сквозь облака три огненных столба
 Так рассиялись радугой! А сверху —
 Как бы венцы со всякими цветами.
 Митрополит Иосиф аж заплакал:
 "Знаменья — не к добру! — кричит. — Антихрист
 Пошел на православный мир войной!
 Излился с небеси на нас фиал
 Гневленья божия за нашу шатость!»

2-й стрелец

Вот и сбылись знамения господни.

Офицер

Прислал попа Василия вчера,
 Чтоб сами мы его пустили в город.
 Не хочет, мол, пролиться братской крови.
 Того посла мы бросили в темницу,
 Да деревянным кляпом рот заткнули,
 Чтоб не глаголил бес его устами.

2-й стрелец

А Стенька и стрельцам сулил дать волю.

1-й стрелец

А, наша воля — лишь когда напьешься.

2-й стрелец

Ан не скажи. Когда взбунтуешь, тоже
 Почуешь волю. Как мы все орали
 Намедни на боярина, чтоб он
 Нам жалованье за год уплатил?
 Сражайся, а тебе ни пить, ни есть.

Офицер

И доорались — подавались ворами,
 О крестном целовании забыли.
 Свои боярина копьем проткнули.

2-й стрелец

Нужда заставит — и отца предашь.

1-й стрелец

А потому, что позабыли бога.
 Ни старому, ни новому писанью
 Теперь не верят. Попранную святость
 Другою не заменишь.

2-й стрелец

Говорят,

Что он в Царицыне срубил не всех,
 А тех, кто облихованы народом.
 Выходит, Стенька и не так уж лют?

1-й стрелец

Помиловал? Из тыщи одного.

2-й стрелец

А много ль добрых — из людей начальных?

Офицер

Поговори!.. Черт не бывает добрым.
 Двенадцать тысяч войска не сумели
 С отребьем безоружным совладать!
 Все потому, что мы под немцем ходим.
 Немчины нас и подвели. Ведь надо?
 Товарами втихую запаслись
 И пушки зарядили холостыми.
 Сожгли такой корабль — «Орел»! И деру.

2-й стрелец

Не зря же Бутлер водку пил со Стенькой.

1-й стрелец

Митрополит молебным песнопеньем
Всех призывал сражаться против воров,
А чернь им лестницы со стен спустила.

(Шум боя приближается.)

1-й голос

Сарынь на кичку! Братцы, налегай!
За государя! За святую церковь!

2-й голос

Смолой их, воров! Да свинцовым зельем!
Пали, мерзавец!

3-й голос

Сам пали, икряный!
Ну, прыгай!.. Хорошо летит подлец!

4-й голос

Ворота настезь! Постоим за волю!

Офицер

Стрельцы, готовсь! В собор врагов не пустим!
За Троицу святую постоим!

Вбегают Шелудяк, Грузинкин, Евтюшка, Тимошка, розницы.

Шелудяк

Куда они попрятались? В собор!

Офицер *(обнажает саблю)*

Прочь от собора, святотатцы! Прочь!

Шелудяк *(убивает его)*

Мясник московский, получи без сдачи!

1-й стрелец *(отбивается от Евтюшки)*

Что нам делить? Такой же я крестьянин.

Недавно стал я выборным стрельцом.

Евтюшка *(обнимает его)*

Тогда давай брататься, а не драться.

2-й стрелец *(отбивается от Грузинкина)*

Кто первый клялся — первый и предал.

Грузинкин *(убивает его)*

Не хочешь воли — нечего и жить.

(Стрельцы разбегаются.)

Шелудяк *(стучит в двери собора)*

Откройте! Не вводите в грех!.. Молчат.

Грузинкин, разыщи бревно покрепче.

Да оттащите мертвых от собора.

1-й стрелец *(оттаскивает офицера)*

Пали по двери! Разнесем весь храм!

(Грузинкин с разинцами уносят убитых.)

Шелудяк (*стреляет по собору*)

Засели, как клопы за образами.

Спалить бы их, как давеча спалили

Они людей в Татарской слободе.

Тимошка (*крестится*)

В икону угодил — вот басурманин!

Евтюшка

И стрельнешь, если за иконой черти.

Грузинкин с разинцами вносят бревно и идут на таран дверей собора.

Грузинкин

И — раз! И — два! И — три!

Евтюшка (*помогает*)

Трещит! Аминь!..

(Разинцы врываются в собор.)

Тимошка (*один*)

Вот так они в святую Русь вломились.

Под звон колоколов входят Разин, Василий, старины, астраханцы.

Разин

Звони, народ, во все колокола!

Звони! Возрадуйся приходу воли!..

Ну, что, отец Василий, рот болит

От соски деревянной?

Василий

Ничего.

Зато теперь пошире стала глотка.

Разин

Какая сила волю пересилит?

Как нас не гни, а выпрямимся мы!

Из собора выводят князей, священников, женщин.

Иосиф поддерживает раненого Прозоровского.

Иосиф (*плачет*)

Пришествие второе началось!

Как оглашенные ворвались в храм

И образы окладные разбили.

В геенне огненной гореть вам вечно!

Разин (*кланяется ему*)

Поклон тебе, митрополит Иосиф.

Иосиф (*Разину*)

Клятвопреступник! Ведаешь ли ты,

Чего творишь? Ведь ты схватился с богом!

Разин (*кланяется Прозоровскому*)

Поклон тебе, боярин Прозоровский!

Опять меня ты пушками стращал?

Прозоровский (*Разину*)

Забыл, как прошлый раз просил пощады?

Я посмотрел бы, как брехал ты, пес,
Когда б тебя на цепь я посадил.

Разин

Судьба ведь переменчива, боярин.
То я в твоих руках, то ты в моих.
Но пленником достойным можно быть.
Ну, братцы, чем наместника уважим?

Василий

Чинил он только зло и утеснения,
Ковал в железы, батогами бил.
Как вурдалак, сосал из черни кровь.
И слободских татар спалил сегодня.
Хотел пугнуть пожаром казаков.

Прозоровский

И сам бы я сгорел, чтоб вас сгубить.
Что слобода — когда вся Русь в огне!

Астраханцы

Смерть душегубу!.. Смерть!.. Раскат!.. Раскат!..

Василий (*протягивает крест Прозоровскому*)

Покайся же в своих грехах, боярин,
А то тебя не примет и земля.

Прозоровский (*отворачивается*)

Я крест раскольной веры не приму.
Мы сняли сан с тебя за воровство.
Настанет время — снимут и башку.

Разин

Садись, Иван Семенович, пока
С другими мы поступим по заслугам.

Прозоровский (*Разину*)

Убийство — ремесло твое, изменник.
Кто за одно убийство век страдает
Тебя ж и тысячи смертей не мучат.

Разин

Всегда корят других в грехах своих.
А мы простых людей не бьем, боярин.
Мы бьем богатых — золотом брюхатых.

Прозоровский

Простых не бьете — что вам с черни взять?

Разин (*астраханцам*)

А что с митрополитом будем делать?

Астраханцы

Помиловать!.. Он затопил болото —
И всех посадских погубил!.. Раскат!..

Прозоровский

А Стенька Разин вас в крови утопит!

Астраханцы

Раскат!.. Священник!.. Бог ему судья!..

Иосиф *(плачет)*

Прошу вас Христом-богом, отпустите
Меня, смиренного раба.

Василий

Раба?

В другое время ты именовался
Священным государем, иль почище —
Великим господином.

Астраханцы *(избивают пленных)*

Вы сами полютей любого зверя!..
В дерьмо вас мордой жирной, дармоеды!..
Пришел и наш черед подрать вам космы!..
И правый суд нашелся и на вас!..

Разин

Погодь!.. На лобном месте порубить
Их бердышами. Уводи, Грузинкин!

Василий *(Разину)*

Священников помиловать бы надо...

Разин *(Грузинкину)*

Попов не тронь — над ними божий суд.
Баб отпусти — в хозяйстве пригодятся.
Копайте яму у стены собора
Для всех, убитых и казненных, вместе.
Пускай могила помирят врагов.

Тимошка *(Евтюшке)*

Грешить грешит, а бога-то боится.

Грузинкин *(машет саблей)*

Эх, силушка по жилушкам бежит
И сабелькою просит походить
Да все по барам, все по кровопивцам.
А ну айда, боярская орда!
(Уводит пленных.)

Евтюшка *(им вслед)*

Бояре с нас и шерсть стригут, и шкуру
Дерут. А мы живем — не тужим, бар
Не хуже. Утром бары на охоту —
Мы на работу. Днем повеселятся
Да дуют чай, а мы цепом качай.
А ночью бары — спать, мы — работать.

Разин *(Евтюшке)*

Ты вразумляй народ, почто нам воля.
Бедные астраханцы гонят и бьют княжеских жен.

Маша *(таскает за волосы дворянку)*

Вот вам, гадючки подлые, белила!
 Вот вам румяны на людской крови!
 Лупите, девки, этих дармоедок!

Дворянка *(отбивается от нее)*

Проклятые холопки! Мало вас
 Стегали батогами... Помогите!

Анисья *(бьет боярышню)*

Легко вам за боярами жилось?
 У, кровососки подлые! У, жены
 Изменничьи! Гори земля под вами!

Боярышня *(плачет)*

А! А! Мне дурно! Больно! Пристав! Пристав!..

Разин

Эй, Машенька, стой! Поди сюда!
(Женщины убегают.)

Маша *(бросается к Разину)*

Степанушка, дружок!

Разин *(обнимает ее)*

Ты вся дрожишь.

Ну вы, что казаки,— развоевались.

Маша

Чай, натерпелись... Вот ты и с победой.
 И горевал напрасно, мой хороший.
(Аксенка вводит Львова.)

Разин

К закату приходи ко мне на струг.

Маша *(замечает Львова)*

Я солнышко к закату подтолкну,
 Чтобы скорее встретиться с тобой...
 Ты только князя Львова пощади.
(Убегает.)

Разин *(кланяется Львову)*

А, князь Семен Иванович, здорово!
 Обнимемся по-братски, гость желанный.

Львов *(обнимается с Разиным)*

Твои объятья крепче, чем петля.

Астраханцы *(ропщут)*

Смерть воеводе!.. На раскат!.. Срубить!..

Евтюшка *(Разину)*

Аль меньше князь с холопов шкуры драл,
 Что ты с ним обнимаешься, как с бабой?

Разин *(кланяется старшине)*

Он сам был сечен на Москве. Он — брат мой
 Названный. Жизнью я ему обязан.
 Бью вам челом помиловать его.

Старшины

Согласны!.. Любо!..

Разин (*Львову*)

Жизнь тебе даруем.

Аксенка (*всторону*)

И правый суд без кумовства не может.

Прозоровский

Предателя пригрел я на груди.

Львов (*кланяется Разину*)

Спасибо. Для тебя мой дом открыт.

Разин

Сведи его, Аксенка, на подворье.

Да от беды поставь за караул.

Тимошка (*Евтюшке*)

Великие себе позволить могут

Благодеяние.

Евтюшка (*Тимошке*)

Не то что голь.

(*Аксенка уводит Львова.*)

Разин

И впредь велю, всех кто за мной идет,

Князей, людей служилых не рубить

И их дворов не разорять.

Старшины

Согласны!..

Ус с разинцами вводят Черкасского и восточных купцов.

Ус (*толкает Черкасского*)

Нас крепко били эти басурманы.

Засели в башне Пыточной, занозы.

Когда свинцовое иссякло зелье,

Так деньгами стреляли. Этот гад

Ивашку Черноярца загубил.

Разин (*обнажает саблю*)

За есаула в прах сотру!

Шелудяк (*останавливает его*)

Погодь!

Черкасский (*наколенях*)

Я буду верою тебе служить

И кабардинцев приведу в подмогу.

Разин (*убирает саблю*)

А кто же ты такой, что приведешь?

Черкасский (*встает с колен*)

Сын кабардинского мурзы Черкасский.

Шелудяк (*Разину*)

Ну вылитый царевич Алексей!

Мне довелось в Москве его увидеть.

Разин

Царевич, говоришь?.. Свести на струг!
От Кабарды не помешает помощь.

Шелудяк

Он может и на большее сгодиться.

Разин

Купцов восточных-тезиков прощаю.
Они еще послужат нам усердно.

Ус (*Разину*)

А я бы всех срубил за Черноморца.

Разин

И я бы! Ежли б не смотрел вперед.
А кто же Астрахань кормить-то будет?
Василий Родионич, ты ступай —
В избе приказной заberi бумаги.
(*Ус и разинцы уводят пленных и Черкасского.*)

Евтюшка

Глянь, глянь, Тимошка, кровяной ручей
Течет от места лобного сюда.
Богатых бьют — у них кровя обильна.

Тимошка

А я, Евтюшка, так тебе скажу:
Как богачей ни бей — им нет конца.
(*Входят Фролка, Иосиф и разинцы.*)

Иосиф (*Фролке*)

Не грабьте храмы! Ведь господь накажет.

Фролка (*Иосифу*)

А ты попробуй их останови.

Разин

Ну, Фролка, брат, велик ли наш дуван?

Фролка

Прошлись мы с казаками по дворам
Торговым и индийским, и бухарским,
И русским, и персидским. Дюже много
Богатства поимели.

Иосиф

И по храмам,
Охальники, прошлись ордой Мамайской!
Все разорили ироды! У бога
Воруете!

Разин

Ты, Фролка, молодец!
Но, чтоб митрополит не голосил,
Отдай ему с Персидского двора

Товаров воз. Пусть молится за нас.

Иосиф

Господь за это вас вознаградит.

Прозоровский (*плюет*)

ТЬфу! На изнанку вывернулся весь.
О, нету больше моченьки смотреть!

Разин (*Прозоровскому*)

Тебя терпели — потерпи и ты.
Еще не все тебе я показал.

Фролка

Дуван свезли за Ямгурчевский мост.

Разин

Две трети разделите по дворам.
Да не забудьте тех, кто вдалеке
Участвовать не смог из-за отлучки.

Астраханцы

Неужто всем?.. Бесплатно!... Царь - и только!..

Разин

Эй, астраханцы! Слушайте меня!
Мы поровну разделим все богатства
Бояр, князей да торгашей заморских.
На Ямгурчеве ждет вас доля завтра.

Астраханцы (*оживленно*)

Все у господ отняли!.. Поделом!..
По-христиански хлеб делить!»

Разин (*Фролке*)

А треть

Свези подводами в Царицын сам.

Фролка (*Разину*)

Что мы творим, Степан?!

Разин

Ты не бойсь!

Али опять с станицею поедешь,
Как прошлый раз, с повинной к государю?

Фролка

Скорей в Москву потащат на цепи.

Разин (*обнимает его*)

Теперь мы, Фролка, связаны с тобой
Не только кровной — и кровавой связью.
Ступай, поставь по стенам караулы.

Фролка

А ты побереги себя, Степан.
(*Уходит.*)

Тимошка (*Евтюшке*)

Себе подводами — а нам горстями.

Евтюшка (*Тимошке*)

А кто хоть так с тобою поделился?
 Нам, темным, да забитым, да бесправным
 Крестьянам, чай, иной заступы нет.
 Спасибо, заступились казаки.

Тимошка

До нас им тоже дела нет. Казак
 Крестьянину, как гусь свинье,— товарищ.
 Отняли веру — потому и смута.
 Теперь не знаешь и кому молиться.
 (*Лазарка сразинцами вводят Турчанина.*)

Лазарка (*сбивает Турчанина с ног*)

Вот самый лютей зверь попался нам —
 Промышленник дворцовый Турчанин.

Астраханцы

Смерть Турчанину!.. Смерть!..

Разин

А в чем же он,

Такой богообразный, провинился?

Василий

Он за малейшую провинность к мате
 Привязывал людей и сыпал порох
 На голову, и поджигал, глумясь.
 И связанных людей в воде холодной
 Протаскивал под лодкой за веревку.

Разин

Где ж он нашелся, этот изувер?

Лазарка

Забился он к Иосифу в покои.

Иосиф

Не погубите, я не прятал!

Разин

Кто же

Сказал, что прятал ты, святой отец?
 Знать, чует кошка-то, чье сало съела.
 Поди, пожертвовал монастырю
 Он много за свою собачью шкуру?

Иосиф

Все жертвую.

Разин

Кто золотом, кто жизнью

Турчанин (*на коленях*)

Не погубите, богом заклинаю.
 Все вам отдам — и снасти, и струги,
 И золото на пушки. Пощадите!

Лазарка

Вот люди! Только смерть свою учуют —
Готовы все отдать, и даже честь.

Разин

Чем больше пресмыкаются, тем злее
И ненавидят. Что же, Турчанин,
Твои богатства мы берем, спасибо.

Турчанин (*целует сапог Разину*)

Век не забуду милости твоей.

Разин (*отталкивает его*)

Теперь отведай сам своих же пыток.
Лазарка, на струги его веди.

Турчанин (*вскакивает*)

Не смейте! Я жилец московский! А-а-а!
(*Турчанина уводят.*)

Астраханины

Уж не жилец!.. Помучься, душегуб!..

Василий

Приказные людишки и дворяне,
Немчины и жильцы похоронились.
Позволь сыскать их и побить. А то,
Как будет в Астрахань кака присылка
От государя аль бояр — и станут
Они нам неприятности чинить.

Разин

Вот я из города уйду, так вы
Чините, как хотите, по согласью.
Ус, Грузинкин, разинцы и астраханцы вносят вороха бумаг.

Ус

Эй, астраханцы! В этих вот бумагах
Вся ваша кабала.

Разин (*рвет бумаги*)

Дерите все
Людскую кабалу! Отныне— воля!

Астраханцы (*рвут бумаги*)

Заступник наш!.. Спаситель!.. Слава богу!...

Разин (*Усу*)

Вот так-то лучше черни помогать,
Чем милости просить у государя.

Ус (*Разину*)

Ты здесь храбрец. Попробуй-ка в Москве.
Когда бы не поднялись все крестьяне,
Не пел бы так.

Разин

Да я ж их и поднял.

Ус

Как бы пупок не развязался, батька.

Прозоровский (*Иосифу*)

Что делают, разбойники!

Иосиф (*крестится*)

И право,

В безбожных душах правит сатана!

Разин (*Усу*)

Ты о себе лишь только помышлял,

А я хочу добра всем черным людям.

Ус (*сердито*)

Как бы добро да в прок тебе пошло.

Разин

Ты не боись, Василий Родионыч!

Мне Мурзакай — мордовский головщик

И атаман татарский Карачурин

Большое войско приведут на днях...

Ты Машу здесь в обиду не давай.

Да присмотри, чтоб Шелудяк орды

Второй не учинил.

Ус

Меня оставишь?

Ведь я дорогу знаю на Москву.

Разин (*отходит*)

Двух вожаков у стаи не бывает.

Шелудяк (*подходит к Разину*)

Все славе, чай, завидует твоей?

Он сам хотел бы в войске верховодить.

А под рукой у младшего — тошно.

Разин

А ты, я вижу, тоже бы хотел?..

Останешься здесь с Усом... для присмотра.

Будь мне не соглядатаем, а другом.

Шелудяк (*обнимает его*)

Да ты дороже мне отца родного.

Разин (*астраханцам*)

Вот так я и вверху передеру

Все государевы дела в Москве!

(*Пауза.*)

Астраханцы (*в смятении*)

В Москве?.. Пойдет на государя?!.. Страшно!..

Всем — волю!..

Прозоровский (*Разину*)

Ну и будешь проклят миром!

Ишь! Замахнулся он на государя?

Лазарка (*Прозоровскому*)

А казаку что мир, закон и церковь?

Все это только выдумки богатых.

Мир — степь для казака, а церковь — небо,

Закон — желанье.

Евтюшка

Все мы — степняки.

Разин

Все государевы дела в Москве

Изменники-бояре загубили.

Иосиф (*Прозоровскому*)

Переступил черту он роковую,

И гибели теперь не миновать.

Разин

Чернь астраханская, отныне вы

Свободны от мучителей своих.

Живите в вольном Астраханском царстве

По старому казачьему устройству.

Головщиков надежных изберите.

Из них и будет править вами круг.

Согласны вы?

Астраханцы

Согласны!

Разин

Вам даю

В начальники товарищей своих.

Как самому себе, им доверяю.

Вот этот — Ус Василий Родионыч —

Мужицкий вож, гроза и бич боярам.

Когда он войско с Дона вел к Москве,

Его завидя, в страхе воеводы

В подштанниках метались из окошек.

(*Смех.*)

Годится вам такой наместник?

Астраханцы

Любо!

Разин (*Прозоровскому*)

Хорош тебе преемничек, боярин?

Прозоровский

Не Ус, а, право слово, Чертоус!

Разин

Раз он тебе не мил, тогда годится.

Его товарищ — Федор Шелудяк.

Он из крестьян, мой смелый есаул.

Татарам астраханским друг — иптэш.

Согласны вы?

Астраханцы

Якши!.. Согласны!.. Любо!..

Разин

Прошу их слушать, как своих отцов.
Вы сами наводите здесь порядок.
И возвращайтесь вновь на учуги
И солеварни. Пусть идет торговля
Без пошлины с заморскими купцами.
Тогда они охотно к вам поедут.
Откройте вновь таможни и соборы.
В церквах молитесь, как отцы и деды.

Иосиф

По старой вере я не дам служить!

Разин

Не дашь — тебя народ в алтарь не пустит.
Ну, как, боярин, правильно я правлю?

Прозоровский

Тебя послушать — хуже лютой казни.

Разин

Нам хорошо, когда врагам тошно.
А я пойду в другие городки.
Известно нам, московские бояре
Изводят царскую семью за то,
Что государь наш за народ стоит.
И мы, Великое Донское войско,
По грамоте от государя вышли,
Чтоб постоять за волю и престол,
И за апостольскую церковь.

Прозоровский

Врет -

И не сморгнет!

Разин

И вышли войском мы,
Чтоб вывести изменников-бояр,
Людей приказных всех, а черным людям
Дать волю и казачество устроить
По всей Руси, чтоб были все равны.

Василий *(кланяется)*

А что бы, батька, стать тебе царем?

Разин

Я не хочу быть вашим государем.
Как брат, хочу жить с вами и служить
Готов вам, не жалея живота.
Вся Русь за нас. Ждет нашего прихода.

Помогут нам татары и мордва,
Калмыки, черемисы и сибирцы.
И Запорожье с Украиной с нами.
Мы все пойдем за волей на Москву.
От вас возьму с собою погулять
По одному с десятка мужиков
По выбору. Согласны?

Астраханцы

Любо!.. Любо!..

Хозяйство бросить?.. Замолчи, смутьян!..
Мы — астраханские, почто Москва нам?..
Замолкни!.. А теперь же воля?..

Евтюшка

Братцы!

А кто ж за вашу волю будет биться?

Разин

Вот голова! Назначу атаманом.

(Смех.)

Евтюшка

Чего меня? Небось и не смогу.

Разин

Коль будет каждый только за себя,
Уткнется рылом лишь в свое корыто —
Нескоро вольной станет Русь.

Тимошка

Да станет!

Дай только срок.

Разин

Не дам! Все сроки вышли...

Со мной в походе Никон — патриарх,
Ревнитель чистой христианской веры.

Астраханцы

Антихрист он!.. Неужто сам?.. Покаж!..

Разин

Тебе покаж — а может, ты лазутчик?

Астраханец

Лазутчик — вдоль по Волге с бичевой!

(Смех.)

Разин

Нет, Никона в Москве я покажу.
Иначе сыщики его изловят.
Он разрешил служить по старым книгам,
На староверов прекратил гоненья —
За то его бояре и прогнали
И на него напели государю.

Митрополит Иосиф с ним дружил.
 Как думаешь, митрополит, достоин
 Святейший Никон вновь стать патриархом
 Всея Руси?

Иосиф (*озирается*)

Такой Руси — достоин.

Разин

Ну, вот, боярин, все я показал
 Тебе. Пора! А то раскат заждался.
 Грузинкин, вот тебе большая честь:
 Боярина веди под белы ручки.
 А ты, отец Василий, подсоби.

Василий (*поднимает Прозоровского*)

У нас обычай, батька: перед казнью
 С раската крикнуть: «Пех!». И если люди
 Внизу ответят трижды: «Пех!» — столкнуть,
 А не ответят — значит, пожалели.

Разин

Ну, что народ решит, тому и быть.

Прозоровский (*отталкивает Василия*)

Скрывайся за народ! Все сам чинишь,
 Разбойник! А народ — он как телок,
 За тем идет, кто сиську кажет.

Разин (*тихо Прозоровскому*)

Умный!

Не надо было ссориться со мной.
 Взял шубу? А расплачивайся шкурой!..
 А хочешь, я помилую тебя?
 Пойдешь со мной, как князь Семен Иваныч?

Прозоровский (*Разину*)

Я не изменник.

Разин

На раскат его!

(*Грузинкин и Василий ведут Прозоровского на баиню-раскат.*)

Иосиф (*осеняет Прозоровского крестом*)

Прими благословение господне.
 Такая смерть бесславная! Аминь!

Астраханцы (*вслед Прозоровскому*)

Он сам с раската многих побросал!..
 Злодей!.. Мучитель!.. Поделом тебе!..

Разин (*достает свиток*)

Чернь астраханская! Я вас хочу
 К присяге привести на верность войску.
 Читай, Василий Родионыч, клятву.

Ус (*берет свиток, читает*)

«Мы, люди астраханские, холопы,
 Посадские, крестьяне, рыбаки,
 И казаки, и мелкие торговцы,
 И бурлаки, наймиты и ярыжки,
 Клянемся за апостольскую церковь
 И государя нашего стоять,
 За патриарха Никона, а также
 Степана Тимофеича и войско
 Великое Донское! Выводить
 Изменников бояр и воевод,
 И кровопивцев всех! На том клянемся!»

Астраханцы

Клянемся!

Фролка *(входит)*

Убегла казачья сотня:

Гневленья государя испугались.
 Мол, взялся батька за худое дело,
 И самому ему бы не пропасть.

Разин

Скачи вдогон и поймай их, Фролка,
 И в воду посади! Чтобы никто
 На Русь не подал вести бы о нас,
 Засеками весь город окружи.

Ус *(Разину)*

Что, казаки уж побежали, батька?
 Поберегись, копытами затопчут.

Грузинкин *(сверху)*

Пех!

Астраханцы

Пех!.. Пех!.. Пех!..

Разин

Лишь трус боится воли.
 А смелому другой не нужно доли.

З а н а в е с .

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина шестая*(Август 1670 года)***Хор**

Ах, туманы вы широкие, туманушки,
 Неоглядные туманы, непроглядные,
 Как печаль-тоска, вы сердцу ненавистные.

Не подняться вам, туманушки, с речного дна,
 Не развеять вас, тягучие, степным ветрам,
 Не изгнать тебя, кручинушка, из сердца прочь.

Ты размой, размой туманы, туча черная,
 Ты пролей, пролей на землю, частый дождичек,
 Ты взойди, взойди на небе, красно солнышко.

Обогрей ты, красно солнышко, людей своих.
 Обласкай ты нас, бурлаченьков-работничков.
 Освети ты нам далекую дороженьку.

*Царские покои Теремного дворца в Москве. На стене — портрет Владимира Мономаха.
 За столом — Алексей Михайлович, перед ним — Долгорукий.*

Царь

Русь велика — и государь великий.

А у него прописано в столбце —

Лишь государь. А надобно писать —

Великий государь. Тебе, холоп,

Читать бы не единожды, что пишешь.

Долгорукий *(достает из-за пазухи сверток)*

Не гневайся, великий государь!

Не углядел... Подьячего того,

Кто составлял отписку, посеку...

А я тебе, великий государь,

Единорога рог достал. Прими!

От всех недугов может исцелить.

Да спрячь, чтоб не увидел патриарх.

Не то нам попадет за ведовство.

Царь *(прячет сверток)*

Спасибо, Юрий Алексеич! Право,

Уважил так уважил. Мы давно
Купить мечтали рог единорога.
Мы соболями заплатить готовы.

Долгорукий

Ни-ни! Что соболя? Все суета.
Лишь только б ты подоле Русью правил.

Царь

«Все суета, все суета сует», —
Речет Еклесиаст... И беспорядок —
Добавим мы. И нынче только в нас
Душевное осталось равновесье.
Оно лишь государство успокоит.
Вот и давай с тобою порешим,
Как от волнений успокоить Русь,
С Боярской Думой говорить немочно.
У них от старости умы ослабли.

Долгорукий

Готов служить тебе...

Царь (*перебивает*)

Мы знаем, знаем...
Хлопот наделал этот Стенька Разин.
Из-за него уже за десять дней
На поле Девичье мы не ходили
Потешиться охотой соколиной.
Ведь жизнь не есть печаль. Лечиться надо
Нам от печали... Мы ж из-за холопа,
Который и Москву прельстил на шатость,
И чтение забросили, и вирши
Не пишем, и не тешимся театром,
И не дарили милостыню в праздник
Ни грешникам в тюрьме, ни хворым людям,
Хоть благо есть дворцовые юродцы,
И им благотворение от нас.

(*Вбегает Босой.*)

Босой

Ты звал меня, великий государь?

Царь

Босой, ты, что же, через двери слышишь?

Босой (*размахивает руками*)

Не! Через небо. Я же — божья птичка.
Ой-ой! Боюсь, боюсь! Скорее спрячь
От сокола! Къш! Чур меня!

(*Прячется за царя.*)

Царь

Да где ж он?

Босой (*показывает на Долгорукого*)

Да вон, у ног твоих, клюет добычу.

Как мякнет — и Босой зайдетса кровью.

Долгорукий (*Босому*)

Вот я те дам!

Босой (*Долгорукому*)

Давай! А я — тебе!

Царь (*смеется*)

Боярин-то не мякнет. Бойся Стеньку.

Его лазутчики — уже в Коломне.

Вот этот коршун может заклевать.

Босой

Меня не заклует.

Царь

Эт почему?

Босой

А я — жених. И у меня — невеста,

Богата-пребогата, да горбата.

Не по любви хоть данная, зато

Большо приданое. Чай, семь крестьянских

Дворов меж Лебедяни и Рязани,

Подалее Казани. Меж земли

И неба, сверх воды и леса. Семь

Дворов бобыльских. В них по полтора

Холопа, два в бегах, а два в дедах.

Хоромного строенья — два столба

В болото вбиты, третьим крыты. Хлеба

На каждый год запасу семь амбаров

Без задних стен, да по четыре пуда

Придется каменного масла. В тех

Дворах конюшни справлены в дырах.

А в них — четыре жеребца стоялых,

Один конь гнед, а шерсти на нем нет,

Перед сечет, зад волочет. Да с тех

Дворов по пятьдесят шестов

Песьих хвостов, да по пяти кадушек

Засоленных лягушек. И всего

Приданого того на тристо пусто,

На тышу — ничего. А запасали

Приданое дед Еремей да кошка.

А свадьба будет в серую субботу,

В солову пятницу, в рябой четверг.

Тому, кто слушал, слава! А еще

По караваю каменного сала.

Во, накось — выкусь!

(Показывает кукишь)

Долгорукий *(Босому)*

Я тебе, охальник!

Царь *(смеется, бросает монету)*

Уф, распотешил! Сущий скоморох!

Ступай Босой! Купи чего-нибудь.

Босой *(пробует монету на зуб)*

Да что на эти деньги нынче купишь?..

Беда живущим на земле и в море.

Все потому, что к нам сошел диавол.

Он в ярости на христиан. Почуял,

Что мало времени ему осталось.

Долгорукий

Да это ж откровенье Богослова.

Босой *(царю)*

Охотник, хочешь, дам тебе совет?

Ты Стеньку с неба соколом ударь.

(Босой толкает Долгорукого и убегает.)

Царь

Сбывается ко сроку откровенье...

Всю эту ночь мы господу молились,

Чтоб вразумил он грешного царя,

Как душу русскую оборонить

От прелести донского сатаны.

Долгорукий

Послал господь нам много испытаний,

И ты нам силу дал их претерпеть.

Соединили с Русью Украину

И дикую Восточную Сибирь.

На равных подружились с целым миром.

Очистили от плевел православье.

Преодолели моры и падеж.

Побили шведов, турок и поляков.

И что еще?..

Царь

От века в век на Русь

Находит время смутное. И нынче

Оно настало. Единоначалью

Засупротивился казачий Дон...

Скажи, боярин, этот вор умен?

Долгорукий

Великий государь, чай, ты его

Не раз когда-то отправлял в посольствах.

Умен! И знает восемь языков,

Коли не врут...

Царь *(перебивает)*

Да, умный человек,
Когда во зло ударится, то много
Бед может причинить своим умом.

Долгорукий

Не надо было бы прощать его,
Когда он Персию пограбил.

Царь

Цыц!
Еще учить нас будешь, окаянный
Холоп!

Долгорукий *(кланяется)*

Прости, великий государь!
Не ты сплюшал — боярин Прозоровский.

Царь

Вон с глаз моих, проклятый Долгорукий!
Не то я руки-то укорочу!
Царь говорит — молчи, презренный раб!

Долгорукий *(на коленях)*

Попутал бес, великий государь!
Я голову готов сложить за милость
Твою!

Царь

Встань!.. Да, в великом государстве
Нельзя без вора. Коршуны нужны,
Чтоб соколы не засиделись. Верно?

Долгорукий *(встает с колен)*

Воистину, великий государь!

Царь

Как Никон, Аввакум иль этот Стенька.
Они и закаляют нас в борьбе...

Но и они имеют слабинку.

И этим мы сумеем их сломить.

Кто Стенька Разин? Да разбойник, вор.

И Русь ему нужна, как баба, .на ночь.

Не как жена от бога — на всю жизнь.

Снасилует — и бросит бедовать.

Долгорукий

Гордыней обуян клятвопреступник

И богомерзкой сатанинской скверной —

Развратом, пьянством, ересью, куреньем

И чародейством — что еще?

Царь

Довольно,

Чтоб людям отвратиться от него.

Трубить об этом надобно повсюду:
В церквах, на площадях и в кабаках.

Долгорукий (*приближается*)

И надобно бы вывести все семя,
Всю Разину породу бунтарей.
И брата Фролку, и родного дядю
Чертка, и бабу Стенькину, и мать
Названную Матрену Говоруху,
Все семьи их, и главное — щенят.
Бунтует вся родня из-за того,
Что я повесил Разина Ивана
За уклонение от честной службы.
Тогда я понял зло породы этой.

Царь

Да, сатанинский корень надо выжечь...
Подальше встань, а то уж больно трешься,
Как родственник!

Долгорукий (*обиженно отходит*)

Прости, попутал бес!

Царь

И Яковлев Корнил нам изменяет.
Как думаешь?

(*Пауза.*)

Долгорукий

Я и сказать не смею,
Великий государь, чтоб не гневить.

Царь

Не смеешь — так какой с тебя нам толк?

Долгорукий

Он заодно в злом умысле со Стенькой.
На Волгу крестника-то он спровадил.
Хоть жалился Корнил, что буйный Стенька
С ножом и бранью на него кидался,
Но видно — ссоры с вором не желает.
От воровства его не унимал?
Не присылал нам никаких вестей?
И никакого сыска не чинил?
Зато добро, пограбленное Стенькой,
Возами отправляется на Дон
Тому ж Корниле и его старшине,
И домовитым казакам. С чего бы?
С того, что гольтьбу в поход ссужали.
Ну разве не измена?

Царь

Да, измена.

Отныне нет им хлебного довольства.
 Мы с Доном порываем все сношенья.
 Засеки установим, чтоб и мышь
 Не пронесла ни одного зерна.
 Пусть Дон от шатости избавит голод.

Долгорукий

Но Дон — для Стеньки слабая опора,
 Вот устье Волги он и заступил.

Царь

А Волга — самый главный путь торговый.
 И Васька Ус так крепко держит Волгу
 За горло, что у всей Руси першит.

Долгорукий

Уж сколько бы товаров-то персидских,
 Перекупив, мы продали в Европу?
 Да он купцов из устья не пускает.
 Торгует сам, а барыши — на пушки.
 Ведь докумекал торговать без пошлин!
 Заводчики, и те за страх готовы
 Служить казацкой Астрахани. Прав
 Был этот хитрый вор, когда решил
 Сначала Астрахань завоевать.

Царь

Да, нас подвел боярин Прозоровский.
 Блаженной памяти Иван Семеныч,
 Сказать по правде, не блистал умом.
 В переговорах с шведами еще
 Он место первое лишь занимал.
 На деле ж первым был Ордын-Нащокин...
 Позарился на Стенькины подарки.
 Какой-то шубой воровской прельстился.
 И дело божие и государя
 Он потерял. И самого его
 За это потерял господь... И князь
 Семен Иваныч Львов — подлец не меньше.
 С христопродавцем-вором побратался!
 Вот шпынь ненадобный! Вот сатанин
 Единомысленник и еретик!

Долгорукий

Не лучше и митрополит Иосиф.
 Он часть дувана принял и ясырь.
 И Стеньку пригласил на именины
 Великой государыни к себе
 И бражничал в монастыре с донцами.

Царь

Да это наговоры староверов...
 Что за ясырь, мы повелим сыскать.
 Нам нужно вырвать Астрахань у Стеньки.
 Иосифу мы грамоты пошлем
 С лазутчиком. Пусть черни зачитает.
 Чтоб, памятуя крестоцелованье,
 Не предавались прелести воров
 И принесли вины свои и богу,
 И нам, а мы пожаловать готовы.

Долгорукий

Да кто ж ему позволит зачитать?
 Его же растерзают казаки!

Царь

На все, боярин, божья воля. Если
 Захочет жить — сумеет исхитриться.
 Коль изменил — служить усердней будет.
 Ему б старшин казачьих подкупить.

Долгорукий

Там есть изменник Лебедев Андрюшка,
 Который ночью Стенькины струги
 Провел Болдой-рекой и Черепахой
 В Кривушу — чем помог осилить город.
 К нему-то пусть и сунется Иосиф.

Царь

Кто предал раз — изменит и вдругорядь.

Долгорукий

Вор Стенька не теряет время зря.
 По всей Руси наслал прелестных грамот
 На разных языках, толмач проклятый.
 Одно упоминание о них
 В крестьян вселяет шатость к воровству.
 И всякий раз по-разному он пишет.
 То клялся, будто служит государю.
 То будто Никон с ним идет в Москву.
 Теперь уже всем головы морочит,
 Что с ним идет царевич Алексей.

Царь

Поганит имя сына моего,
 Которого мы погребли в Москве
 При всем народе. Царствие ему
 Небесное!

(Крестится.)

Долгорукий

Да как прозвал? Нечай!
 И говорит, что тот Нечай плывет

На судне, красным бархатом обитом.
А струг у Никона обитый черным.

Царь

Не зря он лжецаревича придумал.
Знать, хочет сам сидеть царем в Москве.
Куда с такую грязной рожей лезет?!

Долгорукий

И хвастается: как бояр осилим,
В Москве посадим Никона, как прежде,
На патриаршество — и будет смирно.
Мол, Никон казакам писал на Дон,
Чтоб Стенька с войском вышел на бояр -
К Москве. И будто Никона в тюрьму
Бояре заточили наговором.

Царь

И Никон мог такое написать...
А мы, великий государь, смиренно,
Со многою любовью лобызали
Его десницу честную, и били
Ему челом, и слушались в делах,
И другом собинным назвали нашим.
Как в бытность патриарха Филарета,
Его рекли великим государем.
А он в своей гордыне возъярился -
Построил Новый Иерусалим!

Долгорукий

Сдержать бы вовремя его гордыню,
Он многие бы пользы нам принес.
И не в темнице был, а на престоле.

Царь

Холоп поганый! Цыц! Опять учить?
Гордыня обуяла? Как на страшном
Суде ответишь за грехи? Забыл
Христа и чудодейственную силу
Его? Почто возносишься? Почто?

Долгорукий (на коленях)

Великий государь, прости, помилуй!..
А может, это только наговоры,
Что Никон с ворами сошелся?

Царь

Знаем,
Боярин, что до Никона ты добрый.
Зато другие люто невзлюбили.
Мы умников в своей среде не терпим.
Умнее нас быть может только бог..

Да встань с колен, холоп!
Долгорукий (*встает*)
 Уж это точно.

Царь
 У нас, как кто не люб, так заключают.
 Окольничий мой, Артамон Матвеев,
 Как обучил холопов представленью
 Показывать на иноземный лад,
 Так враз его назвали чародеем.
 Но жить нельзя ведь только по старинке.
 И многому нам научиться надо
 У иноземцев с пользой для себя.
 Раскольники же встали на дыбы.
 Они еще сильнее разжигают
 Волнения крестьян бесовским делом.

Долгорукий
 А это вор все тонко рассчитал.
 Раскольников в его разбойных шайках
 Немыслимо, как много. Все же он
 На знамени не вывел Аввакума,
 А Никону крест целовать прельщает.
 Учел, что правда главная за ним,
 Раз по его канонам церковь служит,
 И что он самый ярый враг бояр...
 Мне доносили, Никон утверждал,
 Что было явлено ему от бога
 Давно о нынешнем смятенье...

Царь (*перебивает его*)
 Было!
 Но не от бога — а от казаков.
 Хотел бы государю он добра,
 То про великое такое дело
 Не умолчал. И казаков троих
 Велел переимать служилым людям,
 Что в Ферапонтове монастыре
 Мы держим для его обереженья.

Долгорукий
 Да может, струсил?

Царь
 Хорошо, пусть струсил.
 Тогда зачем письмо он посылал
 До Стеньки на Царицын?

Долгорукий
 Злой навет
 Того же Стеньки или староверов!

Царь

Раскольники для нас страшнее войн
И Разина! Опасней враг — в душе!
Он скрытый — и не видишь, с кем воюешь.
Вон Соловки — до Стеньки взбунтовали
И до сих пор не можем их унять.

Долгорукий

А там с полтыщи казаков донских.
Два раза Стенька приходил туда
На богомолье, там и пошатнулся.

Царь

Как знать? Раз новых книг не признает?..
Весь православный мир един в обрядах,
И только Русь уперлась на своем.
Вселились бесы в стадо староверов.

Долгорукий

Ведь до чего дошли, еретики!
Великий государь, ты помнишь, как
На праздник Аввакумов человек
С Великого Ивана пометал
В народ бесстрашно воровские письма?
Другой же раз метали те листки
Так дерзко — при тебе! — в соборной церкви
В Кремле! И дегтем вымазали ризы
Церковные и царские гробы!

Царь

А ведь раскольники — не только чернь.
Боярыня Морозова — подружка
Царицы государыни Марии
Ильиничны! А против нас пошла.
Клянется Аввакуму постоять
За веру. Даже в ссылке укрепилась
В своем бесовском промысле. И сколько ж
Бояр, князей и духовенства втайне
Живут и молятся по старой вере?!
И сеют смуту! Жечь! Нещадно жечь!
Раскольники порой себя сжигают,
А мы их будем больше сами жечь.
Огнем от ереси очистим Русь.

Долгорукий

Помимо староверов этот Стенька
Другую силу за собой зовет,
Великий государь, — всех иноверцев.
Ну разве это не христопродавец?

Царь

Никак нейдет варварским народцам —
 Казанским, астраханским и сибирским.
 Никак забыть не могут прежних царств
 И от Руси все чают отложиться,
 Чтоб снова мусульманство насадить
 По побережью православной Волги
 И по сибирским заповедным землям.
 А Стенька Разин пользуется этим.
 Ничем не гребует в своей корысти.

Долгоруки

Воистину, великий государь,
 И запорожцы шатки к воровству.
 Мне доносили, гетман Дорошенко
 Со Стенькою до Персии связался.
 А нынче сам по уговору с Крымом
 И Турцией решил пойти на Киев.
 И запорожский кошевой Серко,
 Паша азовский и тайши готовы
 Переметнуться к ворам, если Стенька
 Удачно будет с нами воевать.

Царь

Ведь до чего дошел клятвopеступник?
 И в Персию он посылал гонцов,
 Просил у шаха помощи, злодей!
 Аббас нам пишет, что послов от Стеньки
 Собакам бросил он.

Долгорукий

Но как Аббасу
 На слово верить?

Царь

Смотрит вся Европа,
 Чем кончится у нас крестьянский бунт.
 Все ждут, когда наброситься на нас, —
 И Польша, несмотря на вечный мир,
 И Швеция, и Турция, — и все
 Готовы казакам прийти на помощь,
 Встать супротив законного монарха,
 Чтоб в драке наши земли растащить.

Долгорукий *(в тон царю)*

Иль под предлогом помощи Москве
 Вломиться к нам поганою ордой,
 А после запросить у нас уступок —
 Опять же наши вотчины отнять.

Царь

Но Русь не для того объединялась

И разрослась в огромную державу,
А чтоб навеки быть необоримой.

Долгорукий

Из Швеции пошли такие слухи:
Что ты, великий государь, мириться
С поганим вором Стенькою решил,
Что ты его за то царем казанским
И астраханским обещал поставить,
И двадцать бочек золота даешь,
И восемь человек бояр казнишь,
И Никона поставишь патриархом.
Мол, человек он мудрый, справедливый
И лучше государя Алексея.

Царь

Поди, сам Стенька слухи те пустил?

Долгорукий

Мутит врагов Руси. Но все напрасно.
Весь мир тебя, великий государь,
Безмерно почитает. Утешитель
Ты рода христианского. В числе
Умнейших и добрейших государей,
Какие в мире правила от века.
Воистину святой ты, как великий
Был государь Владимир Мономах.
(Показывает на портрет Владимира Мономаха.)
Такого государя бы хотели
Иметь все христианские народы,
Но вот немногие имеют.

Царь

Будя!

Боярин Юрий Алексеич, мы
Не славословить нас тебя позвали,
А за советом — как нам одолеть
Великое смятенье на Руси.

Долгорукий *(разворачивает карту)*

Изволь взглянуть, великий государь.
(Царь надевает большие золотые очки.)
Три армии сейчас у казаков.
Они идут: на север вдоль по Дону,
К Тамбову — по дороге Васьки Уса,
Да вдоль по Волге — под Симбирск. И все
Хотят потом ударить на Москву.
Пожар разносит ветром по Руси.
От Астрахани с юга до Унжи
На севере. На юге — Васька Ус,

А на Унже—Илюшка Иванов.
 На Западе — идет по Украине
 К Коротояку с войском Фролка Ратин.
 А на востоке Стенька взял Самару
 И подошел вплотную под Симбирск

Царь

Он знает, что Симбирск— на Русь ворота.
 Поэтому сам и пошел сюда.

Долгорукий

Перед Симбирском он к Алатырю
 Послал Максимку Осипова с войском.
 Максимка сам зовет себя Нечаем.

Царь

Не хватит войска от Москвы послать
 Навстречь отрядам этим воровским.
 А ко всему грозят войною турки.
 Пусть воеводы местные хлопочут.
 Скажи, куда важней удар направить?

Долгорукий (*показывает*)

На Алатырь и Арзамас. Там сила
 Великая.

Царь (*снимает очки*)

А под Симбирск?

Долгорукий

Боярин
 Иван Богданыч Милославский сдюжит,
 Да воевода Юрий Борятинский
 Ему поможет. Чай, не первый раз
 Бьет казаков он. Ваську Уса — бил.
 Дозволь, великий государь, вести
 Мне самому войска на вора Стеньку
 И оправдать все милости твои.

Царь

Пойдешь на Алатырь и Арзамас.
 И божиим и нашим делом будешь
 Над воровскою чернью промышлять,
 Как вразумит господь тебя... Боярин,
 За двести тысяч люду поднялось
 Ломать устои в нашем государстве.
 В твоих руках спасение Руси.
 Благословляю твой огонь и меч!
 Ты половину воров покарай,
 Чтоб усмирить вторую половину.
 И знай, боярин, что пожар великий
 Лишь морем крови можно потушить.

Долгорукий (*целует руку царю*)

Не дрогну я, великий государь!

Царь

Дворяне, вотчинники, воеводы

Заполонили матушку Москву.

Все в ужасе бегут к нам за защитой.

Забиты челобитными приказы.

А надо бы забить нам закрома.

Сей бунт оставить может нас без хлеба.

Да тут еще великий недород.

И правежом сейчас с людей уездных

Ни хлебушка, ни денег не возьмешь.

Все потому, что из-за Стеньки смута.

Долгорукий

Не ведают крестьяне, что творят.

Царь (*подает ему свиток*)

Не ведают, да вот не все. Читай!

Долгорукий (*читает*)

«Царь-государь всея Руси, великий

Князь Алексей Михайлыч, мы челом

Бьем, сироты твои, тебе, крестьяне

Покровского села. Богоотступник

Изменник Стенька Разин и его

Угодники донские казачишки

Нас разоряют. И от этих воров

Мы разбрелись от страха по лесам

С детишками и женами. Домишков

Своих не знаем. Смилуйся над нами,

Великий государь, пожалуй нас!

И не вели напрасно предавать

Нас посеченью личному. От тех

От воров-казаков оборони.

Чтоб нам, бездомным, вовсе не погибнуть

Душевно и телесно. Мы ж тебе

Служить готовы. Рады за тебя

Мы помереть. Царь-государь, помилуй!»

Поди: сперва прельстились на разбой,

А как прижали их — так бьют челом.

Царь (*забирает челобитную*)

И если даже так, мы их простим,

Чтобы других от бунта отвращали...

Даем тебе за триста человек

В подмогу стряпчих для сыскного дела,

Чтоб поиск нам над ворами чинить

И промысел.

Долгорукий

Иной лазутчик больше
 Нам проку принесет, чем полк солдат.

Царь

И полководец значит больше войска.
 Нам дороги твои, боярин, служба
 И послушанье. Хоть ты не из главных
 Родов боярских, но зато из древних.
 И первых мест достоин в государстве.
 За ум и прилежание тебя
 Мы обещаем жаловать и впредь.

Пусть будет между нами: мы решили
 Тебя, как возвернешься, объявить
 Опекуном над малолетним сыном
 Великим князем Федором.

Долгорукий *(падает на колени)*

Помилуй!

Великий государь, за что мне милость
 Такая превеликая? Решусь ли
 Ее принять, ничтожный твой холоп?

Царь *(протягивает руку для целования)*

Встань! Ты решишься. Только усмири
 Нам Русь и оправдай такую милость.

Долгорукий *(целует руку царя и встает)*

Клянусь тебе, великий государь,
 Что будет этот дьяволов сподвижник
 Тебе в Москву доставлен на цепи,
 Как гетмана Ганевского когда-то
 Тебе я из Литвы привез в полон.
 Мы всех клятвopеступников и воров
 Так разобьем и так накажем строго,
 Чтобы сто лет подобного смятенья
 Не учинилось больше на Руси.

Царь

Теперь тебе, боярин, мы откроем,
 Чему нас нынче утром надоумил
 Спаситель наш и в чем нас укрепил
 Святейший патриарх наш Иосаф.
 Ты знаешь сам, что все дела мирские
 Без господа не можем мы решать.
 Опричь Христа и матери его
 Владычицы и чудотворца Саввы,
 Нет радости у нас и нет надежды...
 Мы вора Стеньку Разина и первых
 Советников дьявольских его...

От церкви отлучим и предадим
Анафеме!

Долгорукий

Анафеме?! Удар

Смертельный! Кто ж за ним пойти решится,
Когда проклятье на него падет?

Царь

А Стеньку-вора мы казним в Москве.

Четвертованьем! Тело бросим псам,

А руки, ноги и башку на колья

До исчезнутья на виду наткнем,

Да убоится чернь играть с огнем!

З а н а в е с

Картина седьмая*(Октябрь 1670 года)***Хор**

Ой, был у батюшки — у Дона Тихого,
 Да был у матушки — у Волги светлой
 Сынок любимый Степан Тимофеевич,
 А по прозванию он — Стенька Разин.

Ой, был казак, голова разудалая.
 Да по сторонешкам дальним шатался.
 По всем полям, всем рекам он погуливал,
 Но не нашел вольней Дикого поля.

Ой, затуманился в Черкасске облаком,
 Да докатился до Симбирска тучей.
 Ох, рассердился государь, разгневался
 И казаков побить велел боярам.

Ой, то не семенем поля усеяны,
 Да не цветами они разубраны.
 Они усеяны-то все кудрявыми,
 Да казаков удалых головами.

Ой, тремя пойлицами да напояны:
 Да первым пойлицем-то — пикой длинной,
 А вторым пойлицем-то — саблей вострою,
 А третьим пойлицем-то — пулей смертной,

Ой, что же батюшка Дон заугрюмился,
 Да что же матушка Волга чернеет?
 Ох, зашаталась головушка буйная —
 Бояре Стеньку в Симбирске побили.

*Симбирск. В острожной башне Аксенка с Лазаркой перевязывают раны Разину.
 Здесь же Евтюшка и Тимошка.*

Разин *(стонет)*

О-ох! Жаркий бой! Со тьмою тьма мешалась.
 Стрельба на обе стороны из ружей
 И пушек грохотала. Дым и кровь!
 И в груды тел убитых увязали
 Живые чуть ли не по пояс. О-ох!..
Аксенка *(рвет на себе рубашку)*

Ты, батька, потерпи.

Тимошка

За что господь

На Русь такие наказанья шлет?

Лазарка

Как ранили и в голову, и в ногу,

Какой-то алатырец навалился

На батьку. Хорошо я подоспел.

Проткнул копьем солдата — и бежали

Сюда в острог.

Евтюшка

Еще он лезет сам,

Ну, в пекло! Так?

Лазарка

До ночи б переждать.

А там опять попробуем пробиться.

Аксенка

Второй уж раз прорваться не сумели.

Силен же воевода Борятинский.

И Ваську Уса раньше бил под Тулой,

И нас вот на Свяге одолел.

Что значит конница из иноземцев!

Теперь сидим, как мыши, в этой башне.

Разин

Что бил? Что иноземцы? Аль забыл,

Как прошлый месяц мы его разбили?

И в этом же остроге у него

Обоз отняли, посекали рейтар.

Евтюшка

Эт, хорошо, что стакнуться я мог

С симбирцами. Так? И впустили нас

В острог, и сами начали рубить

Людей боярских.

Разин

Хитрость удалась.

Ты и сейчас, Евтюшка, тайным делом

Сходи с письмом прелестным к ратным людям

В полк Борятинского. Прочти, Аксенка,

Сгодится ли?

(Вынимает из-за пазухи свиток.)

Аксенка *(читает)*

«Ко всем служилым людям,

Всем добрым рейтарам, стрельцам, солдатам.

И мстите вы мучителям, что хуже

Татар в неволе держат нас. Иду

Я волю даровать вам, с вами вместе
 Всех истреблять бояр, дворян и всех
 Людей приказных за измену их
 И богородице, и государю.

Я учинить хочу так, чтобы всякий
 Был равен всякому...» Сгодится!

Разин *(отдает свиток Евтюшке)*

Смута

В полку поможет одолеть врагов,
 Иные же стрельцы пойдут за нами.
 Евтюшка, с богом!

Евтюшка *(прячет свиток)*

Батька, полежи,
 И раны успокоятся.

(Уходит.)

Разин

На мне,
 Как на собаке, заживает все.

(Входят разинцы с соломой.)

1-й разинец *(бросает солому на пол)*

Мы, батька, снова навезли соломы
 И туры со смолою поджигали
 Под Малым городом, и шли на приступ,
 Но Милославский крепко там засел.

2-й разинец

У них колодцев нет, однако воду
 Заранее надолго навезли.
 Кричат со стен: «Умрем, а не сдадимся!»

Разин

Уж месяц осаждаем Малый город,
 Но держится боярин Милославский,
 А воевода Борятинский нас
 Не выпускает из острога... О-ох!

Тимошка

Кто осаждает — осажден и сам.
 Речется: тот, кто ест, тот съеден будет.

Разин *(Тимошке)*

Ты не бойсь! Мы вырвемся отсюда.
 И силы наберем, и Симбирск
 Мы не мытьем, так катаньем возьмем.

(Разинцам)

Еще возите туры. Нужно ночью
 Зажечь нам непременно Малый город.

1-й разинец

Все сделаем.

2-й разинец

Лишь, батька, ты живи.

А то уж слух пошел — тебя убили.

Разин

Всем передайте — жив ваш атаман.

С боярами еще мы повоюем.

(Разинцы уходят.)

Тимошка

Уж паника!

Разин

Лазутчики буровят

Боярские. Приспели воеводы.

Не надо было в Астрахань ходить.

Хватаем часто, что лежит поближе,

Не думая, чем это обернется.

А верный путь открыт был на Москву.

Тимошка *(в сторону)*

Ошибки жожака оплатит войско.

Лазарка *(пьет из кувшина)*

Да, в Астрахани долго задержались —

И государь успел собрать дружину,

Чтоб дать отпор. Послушался ты Уса.

А Васька — он товарищ ненадежный.

Полет не тот.

Разин *(берет у него кувшин)*

О-ох! Дай вина глоток.

Такое ополчение царь собрал,

Таких известных воевод поставил,

Как Юрий Долгорукий, как Щербатов,

Одоевский, Леонтьев, Борятинский!

Но Разина не просто одолеть.

Вся Волга наша: Астрахань, Царицын,

Саратов и Самара...

Тимошка

А в Симбирске

Споткнулись.

Разин *(пьет)*

Что ты все ворчишь, Тимошка?

Маячишь предо мной живым укором.

А гнать — не поднимается рука.

Тимошка

Уж скоро снег, а хлеб еще не убран.

Заброшено хозяйство на Руси.

Ты волю перепутал с самовольством...

Вон я — хозяйство сколотил большое.

И горюшка не знал бы, каб не ты.
А руки по земле истосковались.

Разин

А может быть, спина по палке тужит?
Привык, поди, к гостинцам бар?

Тимошка

Привык...

К труду крестьянскому... Какие войны,
Какие бури в мире не бывают —
А рано поутру встает крестьянин
И, засучивши рукава, идет
Пахать и сеять, жать и молотить.
А будь не так — и жизнь на свете сгинет.
Крестьянин чем велик? — что он кормилец!

Разин (*подает ему кувшин*)

Умно. За то и при себе держу.

Тимошка (*пьет*)

Хоть правды и не любят — знать хотят.
Вот поперек тебе никто не скажет,
Но я скажу: разбит ты потому,
Что бьешься ты с великою стеной.
Какие вороги из многих стран
Сломить пытались Русь — и все погибли.

Разин

А с нами что, не Русь идет?.. О-ох, братцы,
Тошно мне...

(*Падает.*)

Аксенка (*укладывает его на солому*)

Много крови потерял...

(*Пауза.*)

Разин (*в бреду*)

Да мог ли я такое угадать,
Когда пошел в поход за зипунами?..
И бунтовать я начал из-за мести
За жизнь и честь поруганную брата...
Чинят несправедливости бояре...

Голос

Но месть и бунт несут несправедливость,
Которую ты хочешь уничтожить.
За зло ты сеешь зло. За каплю крови
Льешь море крови.

Разин

Я неволен в этом!

Столь накопилось горя у крестьян,
Так притеснения чернь ожесточили,

Что охватило пламенем всю Русь.
Я сам не знал, как бедствует народ,
Пока с его бедою не столкнулся.

Голос

И чем же хочешь ты ему помочь?

Разин

Дать волю. Всех избавить от холопства.

Голос

Но на холопстве держится Порядок.

Разин

Тогда я сокрушу Порядок этот.

Есть войско у меня — большая сила.

Голос

Но эта сила тоже за Порядок

Сражается...

Лазарка

 Так много полегло

У нас в Симбирске — тысяч с пять осталось.

Аксенка

А было тысяч с двадцать!

Лазарка

 Каб в церквах

Анафему не объявили батьке,

Нас было б тысяч сто, а то и боле...

Голос

Всесильно даже слово в государстве.

Анафема! — и войско разбежалось.

Разин

Да, многие тогда ушли из войска,

Побоявшись божьего суда.

Но и пришла бесчисленная рать.

Голос

Все это воровские иноверцы:

Калмыки и татары, и мордва,

Башкиры, черемисы и чувашы...

Как коршуны слетелись. А пугнули —

И в страхе разлетелись.

Разин *(стонет)*

О-ох, тошно!

Голос

И те, кто не ушли, таят сомненье:

Пойти ли за анафемой на смерть?

С нетвердым духом войско — ненадежно.

Разин *(кричит)*

Что ж делать мне?

Голос

Смирись!

Разин

Нет! Никогда!

Разбиты нынче — завтра победим.

Голос

Каким ты словом позовешь людей?

Разин *(кричит)*

За волю!.. За царевича Нечая!..

За патриарха Никона!.. Сарынь

На кичку!..

Голос *(смеется)*

Что царевич с патриархом

Сумеют предложить взамен Порядку? —

Порядок новый на холопстве старом!

Твой голос — вопиющего в пустыне.

И слово это ложно и мертво:

Царевич умер, Никон — труп в темнице..

Все это — звук пустой!

Разин *(кричит)*

Не-по-ни-ма-а-ю!

Лазарка *(бросается к нему)*

Ну что ты, батька!.. Он в поту холодном.

Аксенка

Лазарка, ты беги к стругам, зови

Скорее Никона... Отвоевался...

Соборовать бы надо...

Лазарка

Побежал.

Ты, батька, не помри смотри! Я мигом.

(Убегает.)

Разин *(привстает)*

А с нами что, не Русь идет?

Тимошка

Не Русь,

А нерусь!

Разин

Бунт на всем большом просторе

Между Окой и Волгой. Да послал

Я Мишку Харитонов с отрядом

На Пензу и Тамбов. С другим пошел

Максимка Осипов на Алатырь...

Тимошка *(в сторону)*

И не хватило войска под Симбирском.

Разин

И снова время Смутное настало.
 Пожар все шире. Люди лишь завидят
 Знамен казацких конские хвосты —
 Враз убивают воевод и нас
 Встречают хлебом-солью.

Аксенка

Харитонов
 Корсунь, Саранск и Пензу взял легко.
 А Осипов взял Алатырь, Курмыш
 И Ядрин. У него с пятнадцать тыщ
 И русских, и мордвы, и черемисов —
 А только сотня казаков донских.

Разин *(Тимошке)*

Ты чуешь — сотня в тыщах верховодит!..
 А знаешь, Темников кто одолел,
 Тимошка? Не поверишь! Атаманша
 Алена-старица. Сам Долгорукий
 Не под Симбирск, а на нее пошел.
 Я Сидорова Федьку к ней послал
 На помощь. У нее одной — с пять тысяч!

Аксенка *(в сторону)*

Под Темниковым, значит, Долгорукий?..

Разин

А ты, Тимошка, все жужжишь слепнем
 И жалишь в душу.

Тимошка

С бабы — бабий спрос.

Разин

Но Харитонов, Осипов, Алена —
 Все из крестьян?

Тимошка

Да не из работающих!

Разин *(валится на солому)*

О-ох! Нету мочи мне с тобой гутарить...

Аксенка *(Тимошке)*

Ты придержи язык! Устал он жить.
 Помрет — и все пропало.

Тимошка

Ой, ли!..

Разину является Маша в рубашке и платке.

Разин

Маша!..

Маша *(берет его за руку)*

Пришла к тебе, Степанушка, за сердцем.
 Ты руке мне и сердце обещал.

Вот птица руку принесла твою.
Смотри, а на мизинце перстень мой.
Его тебе я, помнишь, подарила,
Когда мы миловались на стружке?
Но как же ты воюешь без руки?

Разин (*привстает в бреду*)

Ах, Машенька, я свидеться не чаял...
Ну, родила ты мне богатыря?

Маша

Пустая...

Разин

А быть может, я пустой?..

Маша

Недоброе предчувствует душа.
Вчера мне нехороший сон приснился.
Что распаялся на мизинце перстень
И расплеталась у меня коса,
И выплеталась лента голубая.
Мне этот сон Анисья разгадала:
Ты потеряешь голову свою,
Стрельцы твоих погубят казаков,
Меня, несчастную, возьмут в тюрьму.

Разин (*падая*)

Эх, Маша, Маша! Солнце закатилось...
(*Входят Феодосий и Лазарка.*)

Маша (*гладит Разина*)

А что с твоей головушкой, милый?

Разин

Да сабелькой драгун по ней прошелся.

Маша (*перевязывает ему голову своим платком*)

А раньше даже пушка не брала.

Оставил бог анафему. А я?

(*Обнимает его.*)

Разин

Безумна та, что любит без ума.

Маша (*отшатнулась от него*)

Сон в руку. Предсказание сбылось.

Смотри, смотри! Грузинкина Алешку

Повесили — вон светится, как парус.

И Шелудяк хрипит в петле. По Волге

Повешенных пустили на плотях...

Раскольника Василия сожгли.

Вдоль берегов горят, как свечи, люди...

Тебя, Степанушка, ведут на плаху.

Не дам! Не отнимайте!.. Увели...

Загублено сто тысяч человек,
В слезах все матери и жены тонут.
И ты всему виной — проси прощенья!..

(Уходит.)

Разин *(мечется в бреду)*

Безумцы за безумцем подались!
В огонь! И все горит! Воды!.. Воды!..

Феодосий *(поит его из ковша)*

Он и в бреду разумно говорит.

Разин *(очнулся)*

Где Маша, Феодосий?

Феодосий

Я не видел.

Разин *(хватается за голову)*

Пригрезилось?.. А кто ж меня платком
Перевязал?

Феодосий *(осеняет его крестом)*

Я, сын мой. Ты не слышал,
Как я на рану зелье положил.

И полегчало.

Разин

Явь или виденье?

И вся война — как долгий страшный сон...
Зачем ты здесь? Для всех ты — Никон! Никон!

Феодосий

К тебе, сын мой, пришел я с божьим делом.

Разин

Поди, бежал соборовать меня?
Ты не бойсь! Никто из бунтарей
Своею смертью умереть не может.

Феодосий

Пришел ко мне от Никона чернец.
Мол, Никон повелел тебе сказать,
Чтоб шел ты вверх по Волге на Москву,
А он с Белозера туда нагрянет.

Разин

А сколько войска у него?

Феодосий

С пять тысяч.

Разин

И что ему вдруг вздумалось? Ведь раньше
Моих послов прогнал он от себя.
Кричал: «Не осквернюсь пойти с ворами!
Полажу с государем и без черни!»
А нынче сам мне помощь предлагает.

Феодосий

Он говорит: «Тошно мне от бояр,
Которые напрасно семена
Изводят государевы». Он думал,
Что государь его вернет в Москву.
Но стали изводить его в тюрьме.
Вот он и взбунтовал.

Разин

Пускай чернец

Ему мое согласие передаст:
Он будет патриархом на Руси.
Не я — так весь народ решил. Ступай.
И струг не покидай!
Феодосии *(осеняет его крестом)*
Спаси, господь!
(Уходит)

Тимошка

Народ решил?..

Разин

А может, и народ...
Но где нашел пять тысяч войска Никон?..

Аксенка

А вдруг чернец—лазутчик от бояр,
И Никона им нужно очернить?

Разин

С них станется..
(Входит Евтюшка.)

Евтюшка

Чуть жив остался, батька.
Но передал прелестное письмо.

Разин

Лазутчик ты отменный, молодец!

Евтюшка

Прознал я: воевода Борятинский
Мосты наводит на Свяяге. Хочет
Назавтра к Милославскому идти
На помощь и зажечь острог подметем,
Чтоб нас отсюда выкурить. А также
Отбить у нас струги.

Разин

Ты не бойсь!
Евтюшка, нас не так-то просто взять...
Аксенка, ты беги на Алатырь,
Максимку Осипова позови
Нам на подмогу.

Аксенка

Мы ж уйдем к Самаре?

Разин

Уйдем! Еще в осаде насидимся.

Аксенка

А как же, батька, брошу я тебя?

Разин *(обнимает его)*

Ступай, телохранитель мой, не мешкай!

Аксенка *(целует его)*

Храни тебя господь, как я хранил.

(Уходит.)

Евтюшка *(Тимошке)*

Иудин поцелуй! Не верю я

Аксенке.

Тимошка *(Евтюшке)*

Может, ты и прав. Враги

Вернее, чем друзья нас берегут.

Разин

Максимка Осипов не подспеет.

Сейчас я войску не могу помочь.

Куда нас занесло? Я и очнулся.

Мы здесь сидим, как загнанные волки.

Донцов осталось мало, а крестьяне

Без казаков — неважные вояки.

Бежать всем войском было бы заметно —

И воеводы кинутся вдогон.

Тимошка

Тогда беги один. И без тебя

Крестьяне разберутся, что им делать.

Но я пойду с тобою, так и знай.

Евтюшка *(Разину)*

А как же можешь бросить ты в Симбирске

Товарищей своих? Предашь их? Так?

Разин

Товарищей не брошу — всех возьму

Я казаков донских. Струги готовы.

Лазарка

Обычно казаки так поступают:

Берут с налета, а не взял — беги...

Разин

Чтобы вернуться и начать сначала.

Да поумней. Сейчас вся Русь горит.

Разделит государь войска тушить —

Чай, я не зря послал во все концы

Отряды — и тогда мы грянем с юга,

А Никон с севера поможет нам.

Евтюшка

Негоже Стеньке Разину бежать!

Разин

Чу, шум за окнами острога...

(Слышны шум и окрики.)

Голоса

Чьи вы?..

От Долгорукого!.. В остроге воры...

Подмога!.. Много!.. На рассвете... Тише!..

Лазарка

От государя новые войска

Пришли?..

Разин

У страха велики глаза.

(Входят разинцы.)

1-й разинец

Пропали, батька! Новые полки

От государя под Симбирск приспели.

Несметное число! Я видел с башни.

2-й разинец

В остроге все перемутились, батька.

Зовут тебя. Не верят, что живой.

Они у входа колготятся. Выйди.

(Разин открывает дверь, врывается шум.)

Голоса

Живой!.. Он ранен... Слава батьке!.. Слава!..

Разин *(поднимает руку)*

Еще за волю, братцы, повоюем!

Симбирцы, астраханцы и самарцы, Царицынцы, саратовцы и все,

Кому дороже жизни воля! Слушай!

Пугает нас боярин Борятинский,

Что новые полки пришли на помощь,

И за острогом окрики чинит.

Но у него, я знаю, малолюдство.

А мы Максимку Осипова ждем

С несметным войском. Скоро он придет.

Боярин Милославский — без воды,

Припасов хлебных — утром сдаст Симбирск.

Так стойте же у города в надеже!

Да не оставит нас господь в бою!

Заждались нас в Казани и в Москве.

Голоса

Не дрогнем!.. Смерть боярам!.. Любо!.. Любо!..

Разин

Вперед, на Малый город! За Нечая!
За патриарха Никона! За волю!
Побьем бояр, всех кровопивцев наших!
Вперед! Да убоятся нас враги!..

(Падает.)

Лазарка *(бросается к нему)*

Скорей его несите на струги.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Картина восьмая
(Ноябрь 1670 года)

Хор

Ой, ты, дубравушка зеленая,
Что же ты рано отшумела?
Что же ты быстро поредела,
Вся-то вершина облетела?

Ой, да ты, травушка высокая,
Что же ты духом истомилась?
Что же ты скоро откосилась,
Всеми цветами поплатилась?

Ой, вы, казаченьки удалые,
Что же вы рано отгуляли?
Что же вы жито потоптали,
Наши дворы поворовали?

Ой, вы, солдатушки боярские,
Что же вы сабли притупили?
Что же вы землю обагрили,
Наших кормильцев загубили?

Окраина города Темникова. На возвышении солдаты доделывают сруб. Внизу — в избе за столом сидит Долгорукий, перед ним — Аксенка. У затопленной печи — орудия пыток.

Долгорукий

Ну, слава богу, остановлен вор.

Аксенка

Послал меня под вечер за подмогой
К Максимке Осипову. Я ж вернулся
С дороги. А острог уже горит.
В ночь воевода Юрий Борятинский
Пошел на хитрость: переправил полк
Один через Свиягу и велел
Там делать окрики, как будто помощь
Симбирску подошла от государя.
И хитрость удалась. На Стеньку страх
Напал. И он с донскими казаками
Сел на струги и побежал на Дон.

Долгорукий

Да, прав был государь: пожар великий
Лишь морем крови можно одолеть...
Так вызнал ты, чего удумал Стенька?

Аксенка *(подает свиток)*

Он хитрый, осторожный, не болтает
О тайных мыслях даже самым близким.

Но кое-что открыл он девке Маше
Из Астрахани. С нею он якшался.
И замуж звал ее. Она из вольных
У князя Львова... Все в отписке этой.

Долгорукий *(читает свиток)*

Как Астрахань возьмем — ее расспросим...

1-й солдат *(около сруба)*

Здесь было царство сонное от века.

А нынче что творится? Суший ад!

Повсюду обезглавленные трупы
Разбросаны в крови на мостовых.

На виселицах человек по сорок
Повешенных болтаются. На колья
Насаженные воры псами воют...

2-й солдат *(обтесывает бревно)*

Собак как ни дери, все лаять будут.

Коль даже бабы взялись за оружие —

И впрямь начнется светопредставленье.

А все-то Никон кашу заварил.

По-фряжски повелел писать иконы:

Лицо одутловато, а усы

Червонны, волосы кудрявы, руки

И ноги толсты, да еще брюхат.

Святитель! Только сабли не хватает.

Не срамота? Ох-ох, святая Русь!

Ох бедная! Чего-то захотелось

Тебе чужих обычаев и нравов!?

1-й солдат *(оглядывается)*

Дурак! С чужого языка болтаешь.

Все это ересь Аввакума, знамо.

Не прогоняли б Никона с Москвы —

Такой бы смуты не было от Стеньки.

2-й солдат

Теши бревно, а не чеши язык!

Долгорукий *(прячет свиток за пазуху)*

Так, завтра вновь пойдешь к нему, Аксенка.

Что можно и не можно, разузнай.

А мы Корнила на него натравим.

Но помни, Стенька нужен нам живым.

Исполнишь, дьяком сделаю тебя
В Сыскном приказе.

Аксенка *(кланяется)*

Рад служить, боярин.

На возвышении Алена-старлица в мужском платье вкатывает телегу с кореньями, палач и солдаты ее подгоняют.

2-й солдат

Ведут, ведут! Не баба — богатырь!

1-й солдат

Везет с собой колдунья свое зелье.

Аксенка

Как бы народ подбить прийти к тебе,
Боярин, с челобитием и плачем?

Долгорукий

Молчи, холоп! Удумал поучать!

Чай, без тебя никто не догадался!

Аксенка *(кланяется)*

Помилуй окаянного, боярин!

Алену распрягают, солдаты обкладывают сруб дровами.

Долгорукий

Алену что-то долго не ведут.

Аксенка

Боярин, а Алена пострашней,
Чем Стенька Разин. Ведь она — крестьянка.

Долгорукий

Кумекаешь! Поэтому я здесь.

Да, чернь за ней с охотою пошла.

Палач вталкивает в избу закованную в цепи Алену-старицу.

Алена *(поднимает два пальца вверх)*

Проклятье вам господне, кровопивцы!

Долгорукий

Как крестишься? Двухперстьем? Будто держишь

Топор в руке.

Алена

А ваше-то трехперстье —

Щепоть — и только.

Долгорукий

Вот за эту ересь

Оставил бог тебя в бою.

Алена

Да если

Все так сражались бы, как я, боярин, —

Тебе осталось бы спастись бегством.

Долгорукий (*палачу*)

А ну-ка плетью осади воровку!

(Палач бьет Алену плетью.)

Алена

О боже! Укрепи мне дух и плоть!

Долгорукий

Как звать тебя?

Алена

Аленой. Ты не знал?

Долгорукий

Откуда родом ты?

Алена

Из Арзамаса,

Из выездной дворцовой слободы,

Которую в крови ты потопил.

(Аксенка записывает.)

Долгорукий

Какого племени?

Алена

Я из крестьян,

Великих и трудами, и нуждой.

Долгорукий

Была ли замужем?

Алена

Была, да муж,

На вас ургуча, от чахотки помер.

Долгорукий

Ты, что же, от хозяина сбежала?

Алена

Нет вдовьей бабе на Руси житья.

Осталось — иль петля, иль монастырь.

Крестьянства ей и бегством не избыть.

Я в монастырь ушла под Арзамас.

Долгорукий

И оставалась бы в монастыре,

Не подбивала бы людей на шатость.

Алена

Когда служить по новым книгам стали,

Покинула я падшую обитель.

Безбожной новой веры не приемлю!

Долгорукий

Сбежала из монастыря?!

Алена

Сбежала!

Русь впала в ересь! Но она спасется...

Долгорукий *(перебивает ее)*

Все староверы прокляты собором.

Алена

Что не по-вашему — вы проклянете.

Тогда вы прокляли и всех святых?

И наши деды, матери, отцы

Обречены на вечные мученья

В геенне как еретики?

Долгорукий

Никшни!..

Почто ты руку подняла на братьев?

Алена

Вы, что ли, братья? Запрягли — и пашут!

Нас отнимают рано от груди.

Мы бегаем всю жизнь в одних рубашках

Без шапок и портков, и босиком

И в дождь по грязи, и в мороз по снегу.

Постимся с детства: рыба да коренья —

Вся наша пища. Али вы нас лучше,

Что вы бояре? Небо распростер

Бог одинаково для всех людей.

Луна и солнце всем сияют равно.

Земля, вода и все в них служат вам

И нам едино. Вы же все отняли.

Велик и мал — все чада во Христе.

Помилован быть хочешь — сам помилуй.

Желаешь взять — давай. Почтенным быть -

Почти. А хочешь есть — иных корми.

Дал человекам равенство господь.

Вы — первые неправедным деяньем

Нам дали смелость нападать на вас.

Долгорукий

Эх, бестолочь! Ты вторишь Аввакуму —

А к Разину примкнула. Он же хочет,

Чтоб Никон снова патриархом стал.

А Никон ненавидит староверов.
Его законы утвердил собор.

Алена

И государь, и Никон — то два рода
Антихристова!

Долгорукий

Дьяволова дочь!

Алена

Коль Никон — ваш наставник, правый путь
Вам указал — зачем его изгнали?

А если Никон — враг последний богу

И богородице, и всем святым,

Зачем вы держите его законы?

Долгорукий

Не твоего ума об этом спорить...

За что тебя колдуньей называют?

Алена

По деревням я травами лечила.

Их бог посеял нам на исцеленье.

Молитвой заговаривала хворь.

Долгорукий (*Аксенке*)

Пиши — и портила людей премногих

По деревням бесовским колдовством.

Алена

Ты сам, поди, у знахарок лечился?

Долгорукий

Почто примкнула к вора-казакам

И заводила многие бунты,

И билась с государевой дружиной?

Алена

Не буду я с тобою говорить.

Долгорукий (*палачу*)

А ну-ка, посади ее в колоду.

(*Палач надевает на Алену колоду.*)

Алена (*стонет*)

Привыкли мы к колодам крепостным.

Лубя'но небо, и земля лубя'на.

И как в земле не слышно ничего,

Так и рабе Алене не услышать

Жесточе пытки! Господи, врагов

Моих разящей силой покарай!

Аксенка (*крестится*)

Крест впереди, крест позади. Во имя

Отца и сына, и святого духа!

Долгорукий (*крестится тайком*)

За эту ересь ты сгоришь в огне.

Алена

Что, испугались, ироды?! Уж многих

Я покарала вас небесной силой!

Долгорукий

Еще ты пожалеешь обо всем.

Ну, говори, проклятая колдунья!

Почто примкнула к ворам? Говори!

Алена

Не пожалею, что звала за волю

И истинную веру постоять.

Как только Разин на бояр пошел,

Я села на коня в мужской одежде.

Собрать отряд мне удалось легко:

Монахиней я многих излечила

От хвори — и они за мной пошли.

А по дорогам к нам стекались люди

Из близких деревень мордовских, русских,

Татарских. Воля каждому нужна.

И набралось в отряде тысяч с семь.

Рубили мы недобрых воевод

И вотчинников, у кого крестьяне

В неволе задыхались от нужды.

Но не рубили мы людей боярских

И черных, и крестьян, и всех чинов

Служивых. Их дворов не разоряли.

Крестьяне были с нами заодно

И помогали одолеть стрельцов.

Долгорукий

Ах, воры! Всю округу разорили!

А на какие городки ходила?

Алена

На Шацк и Темников.

Долгорукий

А кто с тобой

От вора Стеньки был?

Алена

Донской казак

Был Федька Сидорв. Его со мной

Изменники в темницу посадили.

Долгорукий

А Темников взяла ты ведовством?

Алена

Был бой. Чилищев воевода сбег
 От бабы, словно баба, в сарафане.
 А черный люд ворота нам открыл
 И вытолкал мучителей своих.
 И хлебом-солью встретил мой отряд.
 На этом месте тех, кто облихован
 Народом был, казнили мы до смерти.
 И поклялись все вместе послужить
 Степану Тимофеичу, и войску,
 Пречистой Богородице, и князю
 Великому царевичу Нечаю...

Долгорукий *(перебивает ее)*

А кто Нечай?

Алена

Царевич Алексей.

Долгорукий

Да умер он давно, при мне, в Москве!

Эх, бестолочь! В цари сам Стенька рвется.

(Пауза.)

Алена

А если даже... ты и прав, боярин,
 То лучше Разина царя не сыщешь.

Ума и сил ему не занимать.

А ненависть к изменникам-боярам

Его любимым сделала в народе.

Аксенка

Он — властолюбец, вспыльчивый, разгульный,

Людей сажает на кол, мечет в воду,

Подвешивает за ребро на крюк.

Алена

А вы не так же с нами поступали?

Но уж не будет Разин, как тишайший

Наш государь, боярам в рот смотреть.

Дьявол отнял ум у государя.

Им правит хамов род бояр и свора

Немчин заморских. Верно Аввакум

Писал нам: «Бедный, бедный и безумный

Царишко! Что ты над собою сделал?

Ну, пропадай же...»

Долгорукий *(бьет ее)*

Ах ты, тварь! Никшни!

Напрасную хулу на государя

И на бояр посмела возводить?!

Алена *(сплевывает кровь)*

Не зря, боярин, главный ты в Москве
 В Сыскном приказе. Сам палач отменный.
 Тебе зачтутся эти злодеянья.
 Вот Разин на Москву придет...

Аксенка (*перебивает ее*)

Разбит...

Долгорукий (*останавливает его*)

Постой!.. Ну, станет Стенька править Русью.

Ну, сделает казацким государство.

И будете вы под ворами жить?

Их от труда крестьянского воротит.

И жизнь для них не стоит и полушки.

Полушка — вот цена казацкой воли!

И за такими ты идешь на смерть!

Алена

Пусть каждому свое. Нужна им сабля,

А нам соха. Но воля всем нужна.

Долгорукий

Вот бестолочь!.. На кой же ляд вам воля?

Алена

Чтоб на себя работать, не на вас.

Долгорукий

Не заставляй вас долг пред государем

Али боярином ходить за плугом,

Да вы ж разленитесь вставать с зарей,

Пахать и сеять. Вдаритесь в гульбу.

Как казаки, начнете воровать.

Дашь волю вам — и изведешь крестьянство.

А кто же будет Русь кормить?

(Пауза.)

Алена

Темнишь,

Боярин! Трудно мне с тобой тягаться

В учености... Но почему, скажи,

За нашу волю гибнут казаки?

Долгорукий

Да не за вашу волю! За свою!

Нужна им воля грабить и блудить.

А государь не даст на разоренье

Святую Русь... По темноте своей

Прельстилась ты на воровство. Покайся!

И перед всем народом отрекись

От дьявола, что залил кровью землю.

И государь пожалует тебя.

И от греха очистится душа.

Алена

Не отрекусь! Пусть волю понимают
По-разному крестьянин и казак.
Зато враги у нас одни — бояре.
И будет государь у нас крестьянский.

Долгорукий

Кто начал? Казаки? Они и будут
Казацкого царя совать в Москву.

Алена

А казаки-то — бывшие крестьяне.
И нас поймут, не то что вы — бояре.
И ежели Разин станет государем...

Долгорукий

Разбит твой Разин. Ранен и бежал,
Как трус последний. И ему конец!

Алена *(кричит)*

Нет! Не конец! Он соберется с силой
И вновь пойдет войною на бояр.

Долгорукий

Я вижу, ты по-доброму не хочешь...
Кто Темников с тобою разорял?

Алена

Не выдам!

Долгорукий

Подпали ее, палач!

Палач достает из печи раскаленные щипцы и пытается Алену.

Алена

О, господи! Рабе твоей Алене
Дай силы мученичество принять,
Как принял ты, распятый на кресте.

Палач

И не орет от боли. Право, ведьма.

Алена

Спалила бы мохнатые вам рожи!
Видать, из ада палача нашли.
Дьяволов прислужник, враг, изыди!

Долгорукий

Ты привыкай к горячему, Алена...
Нельзя о палаче так говорить.
Велик и страшен он, что стал от века
Карающей десницею творца.
Палач — слугитель смерти на земле.
Где все уничтожается живое
Без жалости и перерыва. Он —

Возмездие во плоти человечесьей.
Христос — и тот был пытан палачом.

Алена (*стонет*)

А-а! Плоть душе потворствовать устала.
Плоть! Вот предатель в каждом человеке!
Пока все не узнали — не убьете.
О-о! Звери с волосатою душой!

Долгорукий

Как Темников ты разорыла, ведьма?

На возвышении появляется процессия темниковцев с иконой и крестами, с воплями и плачем. Солдаты сдерживают людей.

Алена

Остановилась в воеводском доме
И навела мирской порядок. Все
Решала сообща в кругу по чести.
Раскрыла все купеческие склады
И хлеб бедняцким семьям раздала.
Сожгла при всем честном народе книги
Писцовые о недоимках. В церкви
Служить по старой вере повелела.

Долгорукий

Как ты на воровство прельщала?

Алена

Письма
Писала по ночам на бересте.
По деревням их слала и звала
Крестьян идти войной на Арзамас.
Для крепости молитву сочинила.

Долгорукий

Прочти-ка.

Алена

Встану я — благословлюсь,
Пойду — перекрещусь. За Русь Святую,
За дело правое, на кровопивцев
Бояр. Я пули не боюсь. Аминь!

Долгорукий

А что же не пошла?

Алена

Ты подоспел
Под Темников. И я в кругу сказала:
«Не будем ждать, когда враги подтянут
Под наши стены пушки, что застряли
В распутицу. Пойдем навстречь врагу!»

Аксенка (*Долгорукому*)

Видать, лазутчиков у ней хватало.

Алена

И мы пошли. Но нас загнали в город.
Мы двое суток сдерживали натиск
Твоих драгун. А кончились все ядра —
Тогда со стен бросать мы стали камни
И бревна. Но оставил нас господь
За наши прегрешенья. И драгуны
Вломились в город. И в избе приказной
Я отбивалась. Дальше ты все знаешь.

Долгорукий

Все ведаю. А ты мне подтверди.

Аксенка

Как звать гонцов от Разина, Алена?

Долгорукий

Кто службу отправлял по старым книгам?

Алена

Все! Больше не скажу. Изыдь, диавол!
Я только за себя держу ответ.

Долгорукий (*палачу*)

А ну-ка ухвати ее клещами!

(*Палач пытается Алену.*)

Алена (*кричит*)

А-а! Бес в аду помилосердней будет!
Любовь к мучительству снедает вас.
Вы — демоны насилия и зла!
О господи, я не ропщу на муки,
Какие ты ниспосылаешь мне.
Избавить бы мне чернь моею кровью
От вечной кабалы и утеснений —
И с радостью тогда приму я смерть!

Долгорукий

Тебя гордыня обуяла! Хочешь
Святою стать? А мы тебя сождем!
Как еретичку! Как колдунью! Слышишь?

Алена

За братьев я пойду и на костер.
Огонь меня очистит от грехов.
(*В избу входит офицер.*)

Офицер

Там темниковцы подошли, боярин.
Раскаялись и бьют тебе челом.

Долгорукий (*Алене*)

Ты слышишь, предали тебя они!
А ты за них идешь на смерть.

Алена

Не все!

Погибшие в бою не предадут.

Долгорукий

Кто приходил от Разина к тебе?

Ну! Говори — ори — ори — ори!..

Аксенка

Ну, говори — ори — ори — ори!..

Алена *(сжимает голову руками)*

О-о! Русь-Голгофа! Господи, прими!

(Падает и затихает.)

Офицер

Воды! Воды!

Долгорукий

Не надо. Отойдет.

(Долгорукий, Аксенка и офицер выходят из избы.)

Палач *(снимает с Алены колоду)*

Фу, уморила! Крепче мужика.

И дух ее сильнее орудий пыток.

(На возвышении темниковцы падают на колени.)

1-й темниковец *(протягивает икону)*

Наш благодетель и спаситель наш,

Боярин Юрий Алексеич! Бьем

Тебе челом и слезно умоляем,

Помилуй нас, холопов окаянных!

Пречистой Девой молим! Государю

Великому служить мы будем верно.

Долгорукий

Об этом надо было раньше думать.

2-й темниковец *(протягивает поднос с деньгами)*

У воров были в подневоле мы.

Они нас разоряли и рубили.

И к шатости нас приводили силой.

Мы все отдать готовы за вины

Свои перед великим государем.

Долгорукий *(выбивает поднос)*

Что, откупиться от меня хотите?

Вы все достойны казни беспощадной!

Темниковцы

Боярин, сжался!.. Не казни!..

Долгорукий

Вор Стенька —

Клятвопреступник! На господне имя

И на святую церковь износил

Великую хулу и поруганье.

Священников из церкви изгонял.

Сбивал людей без брака жить во блуде.
 И зелье богомерзкое курил,
 В пост мясо ел. Погряз в грехах антихрист!
 На брата брата поднял. И хотел
 Всех христиан от бога отложить!
 За это сам он отлучен от церкви.
 Анафема!

Темниковцы

Анафема!.. Дьявол!..

Долгорукий

И потому оставил вора Стеньку
 Господь. И отвернулось от него
 Все войско. И разбит он под Симбирском!
 И ранен, и бежал на Дон, как дьявол
 От знамени крестного бежит!

(Пауза.)

Темниковцы

Господь избавил!.. Пощади, боярин!..

Долгорукий

А вы прельстились сатанинским бунтом!
 С кем вы пошли на воровство? С колдуньей!
 С роднёю сатанинской вора Стеньки.
 Всем, всем единомышленникам вора —
 Анафема! И адовы мученья!

Темниковцы *(крестятся)*

Пропали мы!.. О, господи, помилуй!..

Долгорукий *(Аксенке и офицеру)*

Сюда Алену живо приведите!

(Аксенка и офицер возвращаются в избу.)

1-й темниковец *(на коленях)*

От худости и по неразуменью

Прельстились на такое воровство.

2-й темниковец *(на коленях)*

Прими, боярин, наше покаянье!

Век будем бога за тебя молить!

Темниковцы

Прости, прости!.. Помилуй нас, боярин!..

Долгорукий *(показывает свиток)*

Великий государь, великий князь

Царь Алексей Михайлович и с ним

Великий господин и патриарх

Всея Руси святейший Иосаф

Меня послали к вам, чтоб обнадежить

Вас милостью, когда вы отвратитесь

От зла и прелести бесовской воров.
 Всемерно милостивы государь
 Великий и святейший патриарх,
 Как милостив господь. И ныне вам
 Дают они последнюю возможность,
 Чтоб души вы спасли. И посылают
 Вам грамоту.

Темниковцы (*воодушевленно*)

Господь услышал нас!..

Надеже-государю слава!.. Слава!..

Святому патриарху слава!.. Слава!..

Боярину-заступе слава!.. Слава!..

Аксенка и офицер в избе приводят Алену в чувства.

Аксенка

Вставай, Алена! Время подошло

Для покаянья или казни. Слышишь?

Офицер

Что краткий отдых пред покоем вечным?!

Долгорукий

И только тот, кто не отдаст себя

На пагубу антихристу, спасется

Душой, и унаследует он царство

Небесное и вечную в нем жизнь.

Зачинщиков должны вы изловить

По деревням и привести на суд

И казнь нещадную. И беглых всех

Холопов и крестьян сыскать дотошно

И выдать приставам за караул.

И отложиться от раскольной смуты.

И староверов по лесным скитам

Переловить и к вере привести

Законной. Поклянетесь ли?

Темниковцы

Клянемся!

Аксенка, офицер и палач выводят Алену из избы к темниковцам.

Алена

Никто за веру умирать не хочет.

И те же люди, и на том же месте

Клянутся всякий раз другим.

Палач (*бьет ее*)

Молчи!

Долгорукий

Священники в соборе нынче вас

Всех снова к правой вере приведут.

Темниковцы

Ведут!.. Колдунья!.. Всех чуть не сгубила!..

Алена *(поднимает два пальца вверх)*

Покайтесь перед богом, христиане!

Не предавайте праведную веру

Из страха перед муками земными!

(Палач бьет Алену плетью.)

Темниковцы *(шумят)*

Будь проклята!.. Сама покайся!..

Долгорукий

Тихо!

Вот, христиане, дьяволова дочь,

Упорствующая в своих грехах.

Она сама призналась на расспросе,

Что зельем колдовским людей губила.

И высшее свершила святотатство —

Бежала из монастыря для блуда

И воровства, предавшись сатане.

И колдовскими чарами прельщала

Людей на шатость. Многих христиан

Сгубила, разоряя их владенья.

И многие хулы на государя

Великого напрасно возводила.

И облыгала церковь и Христа.

В нее вселился бес — и лишь огнем

Изгнать его из грешницы возможно.

И потому, по воле государя

Великого, а также патриарха

Святейшего, приговорили мы

Алену-старицу из выездной

Дворцовой Арзамасской слободы,

Как еретичку и ведунью ... сжечь

Живою в срубе, вместе с чародейным

Бесовским зельем!

Алена

Враг беды пришел

С напастями! И бурю он огня

Воздвиг! И невозможно стало жить.

Крепитесь, христиане, и молитесь!

Держитесь веры! Страшный суд грядет!

1-й темниковец *(протягивает ей икону)*

Покайся, грешница, хоть перед смертью!

Алена *(отворачивается)*

Вы даже образ бога замутили.

Душой прельстились к ереси латинской.

2-й темниковец

Все повинились — только ты уперлась.

Поди, умнее всех себя считаешь?

Алена

Когда все каются, кто ж скажет правду?

Долгорукий

В огонь святой колдунью! Да сожжется,

Не каившись в грехах, как еретичка!

Без милосердия божьего! Аминь!

(Алену тащат к сруб, дрова поджигают, коренья с телеги высыпают в сруб.)

Алена *(сопротивляется)*

Вот так же Разин вас сожжет!

Долгорукий

Твой Стенька —

Такой же вор и чародей, как ты.

Смутил людей диавол — и сбежал.

Алена

Не верьте, братья! Разин — наш спаситель.

О лихе нашем он печальник. Знайте:

Забросил он чудесный ковш на небо.

На том ковше семь ярких самоцветов.

И стали звездами они сиять.

И по ночам на море и на суше

Указывают людям верный путь.

Ступайте по нему за вашей волей!

(Толпа темниковцев рвется к Алене, солдаты сдерживают людей.)

Темниковцы

На лбу-то крест!.. То божия печать...

Ее судьба — судьба Святой Руси...

Прости, что не уберегли тебя,

Алена-старица!..

Долгорукий *(кричит)*

Ах, бунтовать?

По одному от каждого десятка

Казню!

(Все стихают.)

Алена *(отталкивает палача)*

Прочь, изверг! Я сама войду...

Придет он! Непременно он придет.

Он — кара божия! Нельзя ему

Не приходить!

Долгорукий

Придет, жди-дожидайся!

Хоть триста лет.

Алена

Есть время всякой вещи.

Пора! Прощайте и простите, братья!

Все, что могла, я сделала. Бог с вами!

(Алена крестит лоб и грудь двумя перстами и входит в сруб.)

Темниковцы

Смотри, огонь не страшен ей!.. Колдунья!..

Упали цепи с рук ее!.. Святая!..

Она исчезла!.. Вознеслась на небо!..

Голос Алены *(из горящего сруба)*

Придет на Русь Святую Ангел Силы!

Лицо — как солнце, ноги — как столбы

Огня. И радуга над головой.

И воссияет воля над землей!..

З а н а в е с .

Картина девятая

(Апрель 1671 года)

Хор

Ох, как вскрылася река из-подо льда,
А в реке течет кровавая вода.
По воде плывут убитые тела
Мимо крепостей, где вольница была.

Как на глинистых песчаных берегах
Жены-матери несчастные в слезах,
Они ищут здесь мужей и сыновей
Среди тысячи загубленных людей.

Ходит старая казачка над рекой,
Пригребают мертвых к берегу клюкой
И, увидев незнакомого, в тоске
Оттолкнет тихонько тело по реке.

Оттолкнет она и снова запоеет:
«Не мое ли это дитячко плывет?
Не Степанушкины ль губы напились?
Не Степанушкины ль кудри развились?»

Кагальник. Разин один в курене, рядом навозвышении — часовые.

Разин *(раскуривает трубку из коровьего рога)*

Оставила чарующая сила,
Та, что меня над чернью вознесла.
Как это все могло со мной случиться?
Я с отрочества был головщиком.
И жаждал над людьми стоять, и мог,
И твердо верил в свой высокий жребий.
Наговорили обо мне чудес.
Мои дела и думы толковали
По-разному. За именем моим
Скрывался не один честолюбивец.
И грамоты писали от меня.
Уж я не знал: что я решил, что — люди.
Умел я побеждать. Но все победы
В конце концов приводят к пораженью.
Анафему пропели мне в церквах.
И крест нательный жжет мне грудь огнем!

(Хватается за крест.)

И отложилось войско от меня,
И отвернулась от меня удача.
Да, Русь — не конь, ее не обуздаешь.
И вожжи вырвались из рук моих.
Война же разрастается все шире
Кровавым извержением небес.
Несет меня разбуженная лава.
Я в ужасе, смятенье и крови!
Теперь головщиком я только значусь...
Но коль война идет — я буду драться.
Или погибнуть — или победить!
Сейчас мне только бы и начинать,
Когда вся Русь восстала на бояр.
Струги построю, пушки закуплю...
Неужто снова на душу возьму
Великий грех? Не я, так кто другой?

(Входит Фролка.)

Фролка

Здорово! Бог дал свидеться.

Разин

Здоров!

Ну, как Коротояк — укоротили?

Фролка

Укоротили... руки нам. Боярин
И воевода князь Ромодановский
Побил и поймал нас многих.

Разин *(разливает вино)*

Худо!

Фролка *(пьет)*

Нет, не могу я, брат, стоять над войском.
Кричу им: «Стой!» — Они ж меня подмяли...
Как заживают раны?

Разин *(пьет)*

Ты все знаешь?

Мы, Фролка, и бежать-то не умеем.
В Симбирске так метались на струги,
Что ранили друг друга и топили.
«Я жить хочу — а до других нет дела!...»
Оставили крестьян на произвол
Судьбы.

Фролка

Ну, будя! Что себя казнишь?

Разин

Ты сколько человек привел с собой?

Фролка

Стругов с десяток, с сотню голудвы.

Разин

И нас две сотни только и осталось.

Сейчас с Корнилом самый раз встречаться.

Фролка

А он лютует здорово?

Разин

Лютует.

По возвращенье я ходил в Черкасск.

Там в войске рознь была меж казаками.

Гаврилов Янька тайно захотел

Убить Корнил а. Помешал доносчик.

В курень ему стучал, мол, схоронись.

И только Янька стал ломиться в сени,

Пришли старшины и его срубили.

Корнил с испугу войско попросил

С Москвы. На Дон! И прибыло в Черкасск

За тышу выборных драгун и то ж

Число рейтар.

Фролка

Подлец! Еще ни разу

Не жертвовали так своей мы волей.

С тех пор, как государь нам дал бумагу

О вольной жизни на Дону — и стали

Нас звать «казак бумажная душа».

Разин

И сами мы решили под Черкасск

Пойти войной, собрав три тыщи войска.

Но город взять не удалось. Со стен

Из пушек сильно постреляли нас...

Одна надежда — Астрахань.

Фролка

Я слышал

Про Астрахань. Из-за Симбирска там

Меж астраханцами случилась смута.

Но круг решил: кто Астрахань захочет

Отдать на милость государю, всех

Поймать и в Волгу пометать.

Разин

Что Ус?

Фролка

На ладан дышит. Отказаковался.

Разин

Кто ж станет агаманом, Шелудяк?
Того гляди, он и меня заменит.

Фролка

Нет, вряд ли астраханцы согласятся
Шелудяка поставить. Он в бегах
В Царицыне. Убить его хотели
За разорение дворов.

Разин

Татарин
Устроил все же новую орду!
А может, Васька Ус тех астраханцев
Подговорил прогнать Шелудяка,
Чтоб не мешал он однолично править?
Ус откреститься рад и от меня.
Хоть и послал охрану мне, когда
Я из Симбирска побежал на Дон...
А как митрополит Иосиф с князем
Семеном Львовым поживают?

Фролка

Жили...
Как только про Симбирск они узнали,
Так астраханцев начали мутить
И Лебедева подкупить пытались.
И Шелудяк, когда пошел в Царицин,
Перехватил их грамоты в Москву.
И вся измена выплыла наружу.
По приговору круга поп Василий
С Алешкою Грузинкиным с раската
Иосифа столкнули, а у Львова
Башку отрезали.

Разин

Да как посмели
Такое без согласия моего!

Фролка

Посмели... Казаков-то Шелудяк
В поход с собою кличет под Симбирск.
Он снарядил сто семьдесят стругов
И с восемь тысяч человек собрал.
И похваляется, что учинит,
Как ты, Степан, а может, даже лучше.

Разин

Я говорю, он и меня заменит...
Тебе идти в Царицын нужно, Фролка.
Скажи Шелудяку, пусть не спешит

И без меня не ходит под Симбирск.
Я скоро буду в Астрахани сам.
Фролка (*обнимает его*)
Я не хотел печаловать тебя...
Ведет переговоры Шелудяк
С боярами о мире. И готов
Им выдать, где построить можно крепость,
Чтоб казакам на Волгу путь пресечь.
Мол, и трехсот стрельцов на это хватит.
Посланник Эханбек у них посредник.

Разин (*пьет из кувшина*)
Зовет на бой — а сам спасает шкуру?
Знать, и на Астрахань не опереться...

Фролка
Ус выдал Машу замуж.

Разин
За кого?

Фролка
Да за Грузинкина.

Разин
Вот так уважил!

Фролка
И, говорят, она с ума свихнулась,
Когда башку срубили князю Львову.
Юродивой по Астрахани ходит.
Анисья с ней измучилась совсем.
Ты грезишься ей в казаке ином —
И шепчет: «Ваську Уса накажи.
Из преданных невест неверных жен
Он понаделал. Ты сожги его!»

Разин
Эх, Маша, Маша! Солнце закатилось.

Фролка
Князь Машу-то прижил с холопкой, вроде,
Вот и забрал ее с собой с Москвы.

Разин
Князь Львов ее отец?.. А утаила.
Грузинкин, чай, не рад такой подачке?
Смешно судьба соперников разводит.
Не славен, не богат и не любим —
И мужем стал ее. А у меня
Все было, но не помогло. Вот так
Мы за делами и теряем бабу.
А я ее хотел забрать в Кагальник.

Фролка

А как с твоей женой?

Разин

Я ей не нужен.

Со мною — ненадежно, говорит.

Фролка

Что Маша? Нынче вся-то бабья Русь

Свихнулась от насилия и бед...

Разин

А Ваське Усу я припомню Машу.

Фролка

А может, он и прав — нужна ей нянька,

Оберегать юродивую нужно.

А палача Грузинкина боятся.

Мы видим баб своих из-за походов?

Разин (*обнимает его*)

Я тоже не спешил тебя тревожить...

Тут наши домовитые донцы

На помощь запорожцев пригласили.

И поднялись на промысел над нами.

Я в этот день за пушками уехал.

Они пришли, старшину перебили,

А наших жен, оружие и деньги

Свезли в Черкасск.

Фролка

И что же будет?

Разин

Будет..

Корнил грозитя, что, как у Чертка,

Сошлют в цепях кандалных наши семьи

На Север, если не сдадимся мы.

Фролка

Так что ж ты не отбил, когда вернулся?

Разин

Я ж говорил, что нас побили... Фролка,

Спеши, не мешкая, сейчас в Царицын,

Скажи Дружинке, шлет пусть казаков

На помощь нам. Коль устоим мы, к лету,

Собрав все силы, двинемся в поход

По украинным городкам к Москве.

Фролка

Я ужасаюсь дерзости твоей!

Степан, все рушится, а ты собрался

Опять в поход. И снова на Москву.

Разин

Уже неволен я остановиться.

Ты, Фролка, не бойсь. Держись за брата.
Я все хочу, хочу тебя поднять,
А у тебя, видать, кишка тонка.
И червь холопства душу точит. Страшно?
Сам с войском не ходи. А забери
Запасов хлебных, рухляди и денег.
И по пути... мой клад ополовинь.
Но только знать о том никто не должен.
Ты помнишь то урочище на Прорве?
Под вербою корявой, средь поляны,
Я в землю закопал несметный клад.
А в денежный кувшин вложил бумаги,
Все грамоты и письма. Им цена
Поболе клада. Все враги Руси
Там расписались. Вот они теперь
Где у меня!

(Показывает кулак.)

Фролка

Что пользы от бумаг?

Разин *(обнимает его)*

Они от плахи могут уберечь.

На Лобном месте можно крикнуть: «Слово
И дело государя!» — и спасешься.

Ну а теперь — прощай и будь здоров.

Спеши скорее брату за подмогой.

Фролка *(целует его)*

Ну, я ушел.

(Уходит.)

Разин *(один)*

Быть может, навсегда.

Спеши, спеши от гибельного места.

Я знаю, Фролка, убоявшись казни,

Ты выдашь тайну, что тебе поведал.

Пусть хоть она отсрочит смерть твою.

(Входит Аксенка.)

Аксенка

Я вызнал, батька, Яковлев Корнил

Кагальник нынче хочет взять подметем.

Разин *(устремляется к двери)*

Пусть крестный погоняется за мной

По Дону.

Аксенка *(останавливает его)*

Батька, Дон засечен всюду.

Иль, может, ты один решил бежать?

Неужто с крестным не договоришься?

Разин

А кто договориться смог со смертью?

(Уходит.)

Аксенка

Ну вот, прояснило в моей башке.

От Разина теперь мне мало проку.

И выше Долгорукого не стать.

Пусть холуем останусь, но живым.

Напрасно я надеялся, что Стенька

Возьмет Москву. Москва его возьмет.

(Разин, Лазарка, Евтюшка и два разинца-часовые входят в курень.)

Разин

До срока налетело вражье семя.

А ты, Аксенка, не нарочно спутал?

Аксенка

Не я ли правдою тебе служу?

Видать, меня в Черкасске обманули.

Что будем делать?

Разин

Будем защищаться.

(Вбегают Тимошка с ружьем.)

Тимошка

Там казаки поджечь хотят Кагальник.

Пропал ты, батька, некуда бежать.

Разин *(придвигает сундук к двери)*

Я вас, крестьяне, долго защищал.

Теперь и ваш черед стоять за батьку.

Евтюшка *(помогает Разину)*

Умрем, а не сдадим тебя врагу.

Тимошка

Работнику разбойник не товарищ.

Разин

Измена? Чем же я тебе не в масть?

Тимошка

Две разные души. Тебе гулять,

Мне сеять хлеб, вести свое хозяйство,

И печься о семье, и верить в бога,

И в разум праведного государя.

(Шум приближающегося боя.)

Разин

Холопы! Так в холопстве и помрете.

Привыкли перед всеми спины гнуть.

Вот вами и метут, как помелом.

Зато в тиши, смиренье и покое.

К себе-то уваженье потеряли.

Да кто ж таких вас будет уважать?
А я хочу вас вырвать из холопства,
Чтоб вам жилось вольготно на земле.

Тимошка

Поэтому ты все и растоптал,
Пожег, пограбил, порубил? Нужон
Такой помощник нам!.. Мы спину гнем,
Но уважение к себе имеем.

Без нас ни казака нет, ни царя.
Хотел осилить Русь, да надорвался.

Ты не о нас печешься, о себе.

(Аксенка о чем-то шепчется с двумя разинцами.)

Лазарка *(обнажает саблю)*

Во, осмелел, тудыть тебя в качан!

Прикончить гниду!

Разин *(останавливает его)*

Нет! Своих не тронь!

А может, ты, Тимошка, в чем и прав?

Здесь не измена, братцы. Это в душу

Плевок!

(Аксенка сзади саблей бьет Лаз арку.)

Лазарка *(падает)*

Измена, батька!

Аксенка *(разинцам)*

Налетай!

(Разинцы набрасываются на Разина.)

Разин *(сопротивляется)*

Ко мне, крестьяне!

Евтюшка *(бросается на Аксенку)*

Ах ты, сучий сын!

Тимошка *(стреляет в Евтюшку)*

Поизгилялись над людьми — и будя!

Никто у вас заступы не просил.

Вы все порушите, а нам здесь жить.

Евтюшка *(падает)*

А может, ты и прав, Тимошка?.. Так?..

Разин *(подмывает разинцами)*

Решили шкурою моей спастись?

1-й разинец *(скручивает руки Разину)*

Вяжи его!.. Удумал бросить нас?

2-й разинец *(ломает саблю Разина)*

Своих донцов прикажешь нам губить?

Аксенка *(связывает Разина)*

Все, Стенька, все! Пора угомониться.

Разин

Да, преданные чаще предают.
Аксенка, ты ж телохранитель мой!

Аксенка

Для государя я тебя хранил,
А так бы уж давно прикончил.

Разин

Братцы!
Да он лазутчик царский — берегитесь!

(В дверь ломятся.)

1-й разинец *(оттаскивает с Тимошкой сундук от двери)*

Пушай. Расскажет людям государя,
Как мы тебя скрутили.

2-й разинец *(открывает дверь)*

Заходи!

(Казачи вбегают в курень.)

1-й казак

Он здесь!

1-й разинец *(показывает на Разина)*

Мы приготовили гостинец.

(Аксенку, Тимошку, разинцев казаки разоружают.)

Разин *(отбивается ногами)*

А, налетело вражье семя! Вот вам!

2-й казак *(замахивается на Разина саблей)*

Ах, дьявол! Зарублю, паскуда!

Аксенка *(за караулом)*

Стой!

Не убивай! Он нужен нам живым.

1-й казак *(бьет Аксенку)*

Что тебе нужно на пороге смерти?!

Разин

Сбылось твое гадание, Анисья!

Сражен судьбою.

(Входит Корнил Яковлев.)

Яковлев *(показывает цепи)*

Я — твоя судьба!

Ну, что, отвоевался, баламутный?

Сковать его!

(Казачи сковывают Разина цепью.)

Тимошка *(за караулом)*

Он чародей — и цепи

Его не сдержат.

Яковлев *(садится на скамью)*

Сдержат. Мы же эти

Железы в церкви освятили.

Аксенка

Слово.

И дело государя!

Яковлев *(показывает на Аксенку)*

Вот его

На стан сведите с дюжим сбереженьем.

(Аксенку уводят.)

Тимошка

Дозволь мне, атаман Донского Войска,

До смертной казни Стеньку караулить.

Яковлев *(Тимошке)*

Ты кто?

Тимошка

Тимошка Пименов, крестьянин

Дворовый из Казанского уезда,

На хлебном струге плыл с купцом по Волге.

В Царицыне пограбили нас воры.

Меня пытали, мучили и силой

Заставили пойти на воровство.

Грозили смертью за попытку к бегству.

1-й разинец *(кланяется)*

И мы неволею в осаде были.

2-й разинец *(кланяется)*

Мы сами Стеньку Разина связали

И государю послужить готовы,

Донскому Войску и тебе, Корнил.

Яковлев

Ведите повинившихся на стан.

А я пока со Стенькой погутаю.

Убитых унесите. *(Про себя)* Ни живых,

Ни мертвых мне свидетелей не нужно.

(Казачи уводят пленных и уносят убитых.)

Разин

Все предали! Что страх с людьми творит!

Яковлев

Но больше в мире бед творит гордыня.

Вот как теперь тебя спасти от плахи?

Разин

Предательства, доносы, сыск, раскол!..

Как будто дьявол нынче правит миром.

Яковлев

Ты сам, как дьявол, с церковью воюешь.

Разин

Отец духовный был и у меня.

Да под Симбирском он убит монахом.

Яковлев

Твой Феодосии? Как и ты, антихрист.
Его ты вместо Никона возил
На струге?.. Ведь для черни ты герой.
А сам всему народу врал бесстыдно.
И не царевич Алексей покойный,
А князь Андрей Черкасский — твой Нечай!

Разин

И что? Важнее человека имя.
Оно не возгордится, не предаст...
Корнил, а может, мы пошлем в Москву
Станицу бить челом пред государем,
Чтоб отпустил он нам вины? Ведь раньше
Он казаков донских всегда прощал.

Яковлев

Вот ты и будешь бить челом... на плахе.

Разин

Как низко пал ты, крестный! Попросил
Сам у Москвы солдат на Дон. Теперь
Бумажкой вольной будем подтираться.

Яковлев

А виноват-то в этом ты, разбойник!
Не попроси я — государь пошел
Войною бы на нас. И все пропало.
А так еще есть случай отвертеться.

Разин

А случай этот — голова моя?
Не выйдет, крестный! Государь тебя
В измене с давних пор подозревает.
К тебе из-под Симбирска я пришел.
И рысью шубу подарил тебе.
Ты ж отпустил меня в Кагальник с миром.

Яковлев

И даже лошадь дал тебе свою,
Чтоб спьяну ты не заплутал.

Разин

Вот видишь?
Чай, уж об этом донесли царю.
Доносчиков у нас, как вшей... Корнил,
А я бы ничего не пожалел,
Чтоб эти цепи снять.

Яковлев

Поверь, Степан!
Тебя от сердца отрываю с кровью.
Но поздно. Участь решена твоя.
Не мной, а выше — богом и царем.

Разин

Ведь я зарыл несметный клад!

Яковлев

Далеко?

Разин *(смеется)*

Сейчас скажу, а ты и побежишь.

Яковлев

Что скалишься-то? Весел перед казнью.

Разин

Ну, облизнулся, крестный? Вот зачем

Остался ты со мной наедине.

Как жаден ты! И рысьей шубы мало.

Пришел пограбить без меня Кагальник.

И снова мало. Не пустил рейтар

Сюда, чтоб остальное заграбастать.

Яковлев

Цыц! Отвезут тебя на Земский двор

В Москву и допытают, где твой клад.

Разин

Тебе не в пользу. Там отписки есть

Твои, а в них измена государю.

Яковлев *(оглядывается на дверь)*

Какие? Не повинен я ни в чем.

Разин

Да, ты изменник государю первый!

А я — второй. На дыбе и покаюсь.

Меня-то кто в походы снаряжал!

Кто от меня ясырь и рухлядь принял,

Что я по всей Руси поворовал?

Один к тебе в Черкасск я прибыл. Что же

Ты не пленил меня?

Яковлев

Не вышел срок.

Удумал мое имя запоганить?!

Разин

Святому делу жизнь отдать не жалко,

А ты об имени своем печешься.

Ты думаешь, не докумекал я,

Почто ты не хотел со мною ссоры?

Яковлев

Молчи!.. Ты был оружием моим.

Не ведал ты о том, что поступал,

Как нужно было мне... Что? Получил?

Разин

Мы все в руках у сильных и богатых.
Они и вертят нами, как хотят...
Чай, думал, если Разин отделит
Дон от Руси — поклонимся ему,
Не отделит — его же головой
Откупимся от государя?

Яковлев

Понял!
Но кланяться тебе не собирались.
Черт тебя дернул драться за крестьян!

Разин

И до меня крестьяне бунтовали.
Не я — другой бы головщик нашелся.

Яковлев

Другого и казнили б — не тебя...
Хоть побежденный никому не нужен,
Искал я выхода тебя спасти.
Поэтому и пил с тобой по-свойски,
Подарки брал, как от родного сына,
Ты ж вновь в поход собрался за крестьян.
На доброту мою войной ответил,
И даже выдумал меня убить!

Разин

На доброту?... Ты был слабей, Корнил,
Поэтому убить меня боялся.
А нынче, с рейтарами, хвост поднял...
Забудем, крестный, распри! Ты и я,
Как ни враждуем мы и ни хитрим,
А все-таки за Дон душой болеем.
Ты помоги мне ночью убежать.
Пока бунтует чернь, дай мне возможность
Собраться с силой и пойти на Русь.
Уж в третий раз я победить сумею.

Яковлев

Я домовитых казаков склонил
Простить тебе поход за зипунами,
А за крестьянской волей не пущу!
Теперь ты можешь только головой
Дон уберечь от гнева государя.
Так послужи ему в последний раз!
Но если ты откроешь наши мысли,
Весь Дон тебя навеки проклянет.

Разин

И ты осмелишься закон нарушить,
Чтоб с Дону никого не выдавать?

Яковлев

Ты будешь первым и последним.

Разин

Ой, ли?..

И Ваську Уса ты хотел отдать

Москве, да чуть не потерял бунчук.

Все врешь ты, волчий зуб и лисий хвост!

В жестокости не гребуешь ничем.

Из года в год ты тайно предавал

И волю казаков, и их заветы.

В конце концов ты выдал и меня.

Я мысли разгадал твои давно...

Не ты, а я, Корнил, играл тобою!

Пока хитрил ты, я поднял весь Дон.

Яковлев

Да ты же, Стенька, ряженный. Не тот,

Кем представляешься другим. Вознесся —

Да только высота не по крылам.

Замашки — царские, а ум — холопский.

Куда тебе до нас!

Разин

Куда уж мне...

Иудиному ремеслу не учен.

Предательство оплатит государь.

Лижи ему за это зад, собака!

Яковлев (*бьет его*)

Цыц! Обнаглел! Рябой самоуправец!

Да, мы собаки, псы сторожевые

У государя на его границе.

Холопы к нам за волею бегут,

А попадают на собачью службу.

И с Дона наш закон — не выдавать —

На пользу государю, чтоб границы

Не оголять от псов сторожевых.

А взбунтовались — хлеба нас лишил.

За хлеб один тебя Москве сдадим.

Давно ль и ты служил таким же псом?

Брехать брещи, но чувствуй и ошейник!

Взбесился — попадай на живодерню!

На возвышении собирается круг; среди казаков — Тимошка, два разинца и Андрей Черкасский; вкатывают телегу с виселицей.

Разин

Нет правды в этом подневольном мире!

У нас, как драка — все пихнуть горазды.

А отвечать — так виноват один.

И государь Иван не стал бы Грозным,
Не будь опричников. Но кровь на нем!
Свои вины удумали списать
Все на меня? Не выйдет! На-кась — выкусь!

(Казак вводит связанного Фролку.)

1-й казак *(толкает Фролку)*

Змееныша из разинской породы
Верховые поймали казаки.

2-й казак

Бежал на Русь.

Яковлев

Добегался. Эх, Фролка!

Ты ж государю бил челом за брата.

А сам пошел с ним воровать.

Фролка

Ты сам

Изменник первый.

Яковлев

Замолчи, щенок!

Ведите в круг антихристов на суд.

Яковлев выходит из куреня, за ним казаки выводят Разина и Фролку.

Фролка *(по пути на возвышение)*

Нас предали и продали, Степан!

Молчишь? Но я в Москве молчать не буду.

И ты, Корнил, пойдешь на плаху с нами.

Разин

Молчи, собака! Хочешь быть таким,

Как эти сволочи?.. Ты не боись!..

Умел достойно жить, умей достойно

И умереть. И смерть, как жизнь,— одна!

Яковлев *(показывает на телегу с виселицей)*

Вот тебе, Стенька, воровской престол.

Тимошке дайте-ка ружье. Пушай

Крестьянского головщика крестьянин

И стережет. Вот будет-то потеха!

(Смех.)

Разин

Не ведает он, что творит.

Тимошка *(берет ружье)*

Не так

Я темен, чтоб в тебе врага не видеть.

Разин

За что?

Тимошка

За то, что ты святую Русь

Умыслил сделать Русью сатанинской.

Яковлев *(тихо Разину)*

Покайся, крестник,— я спасу тебя.

Разин *(тихо Яковлеву)*

Пусть этот грех тебя до смерти мучит.

Яковлев *(входит в круг)*

Старшины, атаманы, казаки
Донского Войска! Милостию божьей
И счастьем государя разорили
Гнездо раскола мы в своем дому.
И Стеньку Разина, врага и вора,
Поймали вместе со злонравным братом.

Забыв соборную святую церковь
И Дону изменив, и государю,
Он возмутил всех христиан и поднял
На брата брата, сына на отца.
И кровь невинных морем пролилась.
За эти богомерзкие дела
Разбойник Стенька отлучен от церкви
И должен быть казнен в Москве. Скажите,
Согласны ль выдать Стеньку государю?

К а з а к и

Согласны!.. Любо!..

1-й казак

Что орете, «любо»?

Мы можем Стеньку наказать и сами.
Зачем же с Дона выдавать.

2-й казак

При прежних
Царях такого не бывало. Ты
Повадишься теперь в Москву возить
Нас, как азовских ясырей.
(Шум в кругу. Отдаленные раскаты грома.)

Яковлев

Ну, тихо!
Забыли вы, кому служить клялись?
Не все одно, где Стенька примет смерть?
Зато, когда мы выдадим его,
Нам государь отпустит все вины,
А главное — оставит волю Дону.
Вновь спрашиваю вас я, казаки,
Согласны ль ради воли на Дону
Отдать Москве разбойных братьев?

К а з а к и

Любо!..

Согласны!.. Любо!..

Яковлев

Все, быть посему!

Тем казакам, что с Разиным сидели

В осаде поневоле, повелим,

Под смертной казнию, поселиться дальше

От наших мест. Чтобы иным, смотря

На это дело, впредь не воровать.

Согласны?

Казаки

Любо!.. Любо!.. Любо!..

1-й разинец

Братцы!

Век будем господа за вас молить.

2-й разинец

Прощай, родимый край, а с ним — и воля!

Яковлев

За то, что мы отдали вора Стеньку

Не токмо на Московском государстве,

Но и во всех окрестных странах тоже

Прославимся.

(Оживление в кругу.)

Разин

Прославишься, Иуда!

Казаки

Тума!.. Изменник!.. Сам Иуда!.. Турок!..

Черкасский *(подходит к Разину)*

Поедешь на Москву народ дивить.

Все говорят, да кто ж такой он, Разин?

Заступник? Чародей? Аль богатырь?

А он рябой патлатый недомерок.

Смотреть-то, скажут, не на что.

Казаки *(смеются)*

Украшим!

(Вдали появляется Василий Ус.)

Ус *(кричит)*

Держись, Степан! Копытами затопчут!

(Исчезает. Становится темнее.)

Черкасский *(подходит к Фролке)*

И брат его — бесовое отродье.

И вся старшина — оборванцы. То-то

Разочаруется народ в Москве.

Разин

Вот как теперь запел ты, басурманин?

Да, зря тебя хранил я с сбереженьем.

Яковлев (*обнимает Черкасского*)
Теперь же князь Андрей Черкасский будет
Хранить тебя в дороге до Москвы,
Как повелел великий государь.

Разин

Что ж, пусть и он разок меня уважит.
Но я хвостом вертеть пред ним не буду.
Как ты, Корнил!

Черкасский (*показывает саблю*)

Не будешь — отрублю.
Уж я тебя уважу за почет,
Какой ты мне оказывал в плену.
(Разина ставят на телегу и привязывают цепями за руки, ноги и шею к виселице; Фролку привязывают цепью за шею к телеге. Поднимается сильный ветер.)

Разин (*Фролке*)

Какой поднялся ветер — не простынь.
Еще чихнешь на плахе!
(Смех.)

Фролка (*крестится*)

Богохульник!

Разин (*Фролке*)

Ты, Фролка, не бойсь. Держись за брата.
Народ нас по пути освободит.

Яковлев

От черни мы тебя убережем.
Мы повезем тебя под стражей крепкой,
Чтоб ты дурна не сделал над собой.
Солдаты впереди и позади,
А в середине — наши казаки.

Разин

Поеду я в Москву на колеснице.
В рубашке красной. В окруженье войска.
И верный стремной у ног моих.
И будут все меня в Москве встречать.
Разинут рты и шапки поснимают.
И будут плакать, ликовать, креститься!

Тимошка (*крестится*)

Спаси, господь, загубленную душу.

Разин

Не так, Москва, хотел в тебя войти.
Я шел к тебе за волей и за славой,
А ты сулишь мне плаху и позор.
Хотел я защитить пред государем
Обиженный боярами народ.

Но лишь на Красной площади царей
Издалека нам видеть удастся.
Теперь бояре все царю наврут.
А с места Лобного не слышно правды.

Яковлев

Заткните Стеньке глотку!

1-й казак

Пусть болтает.

2-й казак

А может, пустобрех умнее всех.

(Смех.)

Фролка *(Разину)*

Что унижаешься перед врагами?

Они ж глумятся над тобой, Степан!

Разин

И над Христом глумились фарисеи,

Но слово божье до людей дошло.

Скорбите, казаки Донского Войска!

Вы не меня, вы волю предаете.

Отныне жить вам под уздой бояр,

Под саблей государевых солдат,

Под острым взглядом сыщиков приказных.

Вы шепотом начнете говорить!..

Простите мне, что я не победил.

Не мог я ведать, чем все обернется.

Вся Русь пришла за помощью ко мне.

Один богатых бил за угнетенья,

Другой за веру старую сражался,

А третий просто грабил под шумок.

Но всех борьба за волю увлекла.

И захлебнулась Русь своей же кровью!

Повсюду стон, и плач, и крик, и скрежет

Зубовный. Преисподней стала Русь!

Что по сравненью с этим казнь моя?

Вожди меняются — борьба извечна.

Как ни метался я в своих сомненьях,

Как ни грешил и как ни ошибался,

Но делал то, чего желал народ.

Не только Дону, всей Руси хотел

Я волю дать. Хотел поставить вровень

Всех: слабых, сильных, бедных и богатых.

Чтоб жили все вольготно и в охотку!

Казацкую я волю нес Руси.

Да вот нужна ли ей такая воля?..

(Вспышки молний, раскаты грома, порывы ветра.)

О ветры вольные, сильнее дуйте!
Сметите зло с моей родной земли.
А мы посеем праведных семян.
О небо, чаще молнии пускай!
Чтоб людям осветить их темноту.
Не видят, до чего живут-то плохо!
О гром небесный, грохочи сильней!
Чтоб у забитых гордость пробудить,
И пусть дерутся до конца за волю,
Какою все имеют на земле:
И зверь, и птица, и ползучий гад,
И только не имеет человек.
Но верю я — настанет вольный век!

З а н а в е с .

Конец

Борис Рябухин

КОНДРАТ БУЛАВИН

Историческая хроника
в стихах
в четырех действиях
шести картинах

Историческая хроника в стихах "Кондрат Булавин" является второй книгой дилогии Бориса Рябухина "Буяны". Первая книга — "Степан Разин" издана в "Молодой гвардии" в 1982 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Булавин Кондрат Афанасьевич — донской атаман
Петр 1 — царь
Максимов Лукьян Васильевич — атаман Войска Донского
Марья — жена Л.В. Максимова
Зерщиков Илья Григорьевич — донской атаман
Некрасов Игнат — атаман раскольников
Лоскут Иван — разинец
Соколов Тимофей — писарь
Ананьин Степан — есаул
Фролов Василий — донской казак
Алина — полячка
Старченок — крестьянский атаман
Томахин Михаил — крестьянин
Сергеев Александр Саввич — комиссар
Иманко — предводитель восставших башкир
Уразайко — башкир
Носов Яков Иванович -- предводитель восставших астраханцев
Шелудяк Иван — старшина
Москвитин Степан — стрелец
Кисельников Иван — астраханец
Дашков — игумен
Акбулатка — татарин
Аннушка — юродивая
Мазепа Иван Степанович — гетман Украины
Орлик — генеральный писарь
Мария — дочь Кочубея
Дольская — польская княгиня
Куншт — распорядитель маскарада
Болван — деревянная голова для парика,
которую озвучивают князья:
Меншиков Александр Данилович — генерал
Шереметьев Борис Петрович — фельдмаршал
Толстой Иван Андреевич — губернатор Азова
Долгорукий Василий Владимирович — майор

Донские казаки, булавинцы, запорожцы, украинцы, башкиры, астраханцы, крестьяне, посадские, раскольники, стрельцы, солдаты, старшины, офицеры, гонцы, барабанщики, палач. Ряженые маскарада: боярин, боярыня, придворные, епископ, игуменья, ксендз, немчины, турок, кардиналы, Бахус, фавны, козел, свинья, медведь и другие

Действие происходит в 1705 — 1708 годах, когда Северная война со шведами и реформы Петра 1 обострили социальные и национальные противоречия и вызвали народную смуту — башкирское восстание,

Свадебный бунт в Астрахани, возмущения на Украине, в Запорожье, Поволжье, на Северном Кавказе, крестьянские волнения в Центральной части России, восстание на Дону, которые вылились в Крестьянскую войну под предводительством донского атамана Кондрата Булавина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

БАШКИРСКИЙ БУНТ

Февраль 1705 года

Уфа. Подворье приказной избы. Морозный солнечный день, Заворотами на улице — арка из оружия. Во дворе у забора — пушки. На соломе сидят выборные башкиры в овчинных зипунах — в ожидании переговоров с цар-

ским комиссаром. Среди них — Иманко, мулла, и тархан. Башкир охраняют солдаты в тулупах и треуголках под командой офицера.*

1-й башкир *(в чалме)*

Через ворота зла нас привели —
Мириться. *(показывает на арку из оружия)*

Офицер *(смеется)*

Потешаются солдаты.

1-ё башкир

Вся жизнь — забава и обман, гласит
Коран.

Офицер

И вы играетесь опасно.

2-ё башкир *(в лисьей шапке)*

Не будем ссориться!

Офицер

Вам не с руки.

1-й башкир

Башкир так много — как песков. И вышли

Из головы медведя мы. В него --

Мы силою и хитростью.

Офицер

Стращай!

2-ё башкир *(кричит)*

Ашать хотим! Кумыс хотим!

* Тархан — феодал *(тюрк.)*

Офицер *(прикрикивает)*

Потерпишь!

Вон комиссар — ужо вас угостит.

(Из приказной избы выходит Сергеев в шубе и бобровой шапке. За ним — легко одетый слуга Уразайко с зеркалом и солдат с болваном для парика. Башкиры снимают шапки.)

Сергеев *(офицеру)*

Регламент требует надеть парик,

Встречая выборных башкир.

(Снимает шапку, берет с болвана парик, надевает его.)

Ну, с Богом! *(крестится)*

1-ё башкир

Что с нами церемониться — в неволе!

Офицер

И поделом! Раз отдавать не стали
Заложников от четырех дорог...

Сергеев (*подхватывает*)

...чтоб подтвердить покорность государю.

А вы — царицы городки ломали,
Слободчиков сгоняли...

1-й башкир (*перебивает его*)

Пусть ясашных

Земель у нас не занимают силой!

По рекам нас лесов и рыбных ловлей

Лишили? И охотничьих угодий,

И пастбищ стало меньше у башкир.

Крестьян боярских селите на них.

Отняв у мусульман, для христианских

Монастырей отдали земли наши.

От русских бобылей и тяптярей —

Одни обиды: наше сено косят

И животину нашу отгоняют,

И наши табуны. И пчел дерут,

И бортные деревья рубят. Зверя,

Лисиц-куниц с земель согнали наших.

Где взять ясаку? Где?

Сергеев

Не прибедняйтесь!

Вы сами притесняете крестьян,

Сегодня с государевых угодий.

И челобитья пишете в Москву.

1-и башкир

А наших челобитчиков поймали

Да перевешали!

Сергеев (*насмешливо*)

Помянем их!

Кати вина бочонок, Уразайко!

А то не сговоримся мы.

Уразайко (*прислоняет зеркало к крыльцу*)

Якши. (*Уразайко уходит за избу*).

Башкиры (*шумят*)

Не пьем мы, комиссар!.. Нечистый — пьяный!..

Как совершать намаз?.. Кумыс давай!..

Сергеев

Вон Уразайко — тож башкир, а пьет.

И хоть бы хны!

(*Уразайко со слугами вкатывает бочонок вина и подают кружки башкирам*).

1-й башкир (*отмахивается от кружки*)

Мулле суешь вино!

Аллах накажет! Грех!

Иманко (*пьет из кружки*)

У нас нет грех!

Башкир не виноват. Он пас стада

И знал Аллаха. Русские пришли —

С земли прогнали. И теперь башкир

Живет — как умер!

Сергеев (*пьет*)

Умер — а бунтует.

Башкир — кочевник, от природы он

Непостоянный — лишь грабеж да бунт.

Вот с вами и живем под опасеньем.

Не вы ль побили прибыльщиков царских

На речке Белой? Грамоты порвали

С указом государя!

1-й башкир

Самочинный

Указ у вас на новые налоги:

С домовых ульев, бортей, конских кож,

Дуг, хомутов, печей, валков и мельниц,

Мостов и прорубей, ворот и окон,

И погребов, и свадеб, и калыма...

И что еще?

Офицер (*смеется*)

Еще? Налоги с глаз.

Иманко (*кричит*)

Разбой — и только! И все зло — от русских.

Устали мы от вечных унижений.

У нас земли — с восхода до заката,

Хоть год беги. А русские пришли —

"Сколько земли у них! Давай отнимем!"

Отняли — весь народ наш разорили.

Все слопали — овца, баран, кобыла.

И все еще давай-давай!.. Не дам!

Козу отнял — мы лошадь отнимаем.

Овцу забрал — две лошади берем.

И не боимся. Русские должны

Бояться.

Сергеев (*швыряет кружку в него*)

Сволочь! Адское терпенье

Здесь нужно.

2-й башкир (*качает головой*)

А-ай!.. Великий государь
Нас в прошлом году заверял, что новых
Поборов он накладывать не будет,
Ни землю отнимать, ни нашей веры
Не будет нарушать...

Сергеев (*перебивает его*)

Война!.. Как печь.

Лишь успевай подкладывать. А вы
Не платите и прежнего окладу.
И против прибыльщиков взбунтовали.
Вот и пришлось царю прислать солдат.

Иманко

Солдаты — против женщин, стариков,
Детей! Они стреляли и топтали
Башкир до смерти. И дома пожгли.
Нет, вам жестокость даром не пройдет!
Пока везли в Уфу неволей нас —
В пути пал тыща лошадей! А сколько
Подводчиков-башкир погиб — считал?
За все ответишь, комиссар!.. Налей!

*(Уразайко наливает ему вина. Сергеев выбивает ногой
кружку.)*

Сергеев (*разъяренно*)

Плелей ему! У-ух, сука!.. Звать?

Офицер (*осушив кружку*)

Иманко.

Сергеев (*тычет пальцем в Иманку*)

Вот поднимает кто башкирский бунт.
Готовы русским глотки перегрызть!
(Солдаты связывают Иманку и бьют плетьюми).

1-é башкир

Ислам не покорить! Царь это знает,
Смирять нас крещеньем. Но нет Бога,
Кроме Аллаха, и пророк его —
Мухаммед!

Башкиры (*грозно*)

И пророк его — Мухаммед!..

1-é башкир

Царь то епископа в Уфу назначил,
А то попа к мулле приставил. Ныне
Мечети строить повелел — как церкви.
И ввел налог с мечети и муллы...

Башкиры (*шумят*)

И с каждого намаза!.. Произвол!..

Сергеев

Что, произвол! Крещенному башкиру
Царь сохраняет землю, и налоги
Скостил. А мусульмане, что, не так же
Несут ислам по миру! Что же мы
В одном грехе друг друга попрекаем?..
Мулле — вина! Не хочет — в глотку влить!
(Офицер и солдаты силой поят 1-го башкира вином.)

1-й башкир *(сопротивляется)*

Нет!.. Нет!.. Шайтан!..

Башкиры *(шумят)*

Шайтан!.. Не тронь муллу!..

Офицер *(влив вино)*

Вот так!.. Опасен трезвый на пиру.

Башкиры *(кричат)*

Неверные!.. Их идолы — болваны!..

Болвана бей!.. Ему молился!.. Бей!

(Башкиры набрасываются и избивают болвана, солдаты отгоняют их на солому.)

Сергеев *(офицеру)*

Пальни из пушки! Озверели, черти!

Офицер *(дает знак пушкарю)*

Во дураки — болвана избивать!

(Залп из пушки. Башкиры падают от страха на солому.)

Сергеев *(надевает на болвана парик)*

Попомнят у меня войну за веру.

Всех напоить до полусмерти!.. Ишь,

Подняли бунт от Волги до Тобола!

Мордву, татар и чувашей смутили —

Всех инородцев! Я вас усмирю!

(Солдаты поят башкир силой. Уразайко наклоняется над избитым Иманко.)

Уразайко *(тихо)*

Дыра в заборе есть за стогом сена.

Как опрокину я бочонок — ты

Беги, не то забьют до смерти.

Иманко *(тихо)*

Прочь!

Башкир неверный!

Сергеев *(пьет)*

Ото всех дорог

Великий государь велел собрать,

В связи с войной со шведами, наряд

С вас — двадцать тысяч лошадей.

Башкиры *(шумят, хватаясь за головы)*

Ай!..Ай!..

И так разорены!.. Нам не под силу!..

1-й башкир (*захмелевший*)

Ты круто, Александр Саввич, просишь.

Мы без мирского схода, без йыйына,

Решить не сможем.

Сергеев

Сможете. Натужьтесь!

Запру в приказе, а иных — в тюрьме,

А кто погорячей — в избе студеной.

2-é башкир

Мы, Александр Саввич, государю

Великому и рады бы служить.

Но безначальный мир — у нас, ты знаешь.

Сергеев

Велю вас на деревьях перевешать.

Пошлю драгун по четырем дорогам,

Чтоб вашу братию и жен с детьми —

Всех вырубить, до малого ребенка.

1-й башкир (*тихо Иманке*)

Иманко, даст Аллах бежать — беги

За помощью... к Булавину, на Дон.

Он бунтом Соляным бояр пугнул

И звал нас на немчин идти войною.

Иманко (*тихо*)

Мулле и здесь неймется верховодить.

Сергеев

Ну что, согласны ль подписать наряд?

2 -é башкир

Хотя бы треть...

1-й башкир

Не упадет без воли

Аллаха даже волос с головы.

Сергеев

А мы сейчас посмотрим... На правеж —

Тархана и муллу!

(*Солдаты бьют 1-й и 2-го башкира плетью.*)

2-é башкир (*кричит*)

Не смей пороть!..

Я выборный!.. Пожалуюсь султану!..

Сергеев

Да хоть — Аллаху!

1-é башкир (*кричит*)

Что творишь ты, изверг!

Весь мусульманский мир на Русь поднимешь!

Сергеев

Во-от!.. Не от прибыльщиков и налогов —
Вы, сучье племя, озверели! Под
Державой царской не живется вам.
Что, к туркам захотели отложиться?
*(Уразайко опрокидывает бочонок с вином. Солдаты
набрасываются на него.)*

Уразайко *(закрывает голову руками)*
Кровь!.. Кровь!..

Сергеев *(Уразайке)*
Жри, сука, снег!.. Чего удумал,
Гостей избавить от вина! Найдем!
Да я тобой и соберу остатки.
(Вытирает пролитое вино Уразайкой.)

Уразайко *(поднимается в красных разводах)*
Я тряпка, что ль!
Солдаты *(смеются)*

Рогожный куль с глазами!..
Отжать его бы!..

Уразайко *(в сторону)*
Век вам не прощу!

Иманко *(убегая)*
Попомните еще Иман-батыра!
(Пауза.)

Сергеев
Ну, что притихли, гости дорогие?
Сейчас я разбужу вас.
*(Направляет солнечное отражение от зеркала на лежащих
башкир.)*

Башкиры *(заслоняют лицо руками)*
Пить!.. Горим!..

Сергеев *(смеется)*
Кто просит пить — тому вина подайте.

Офицер *(пьяный)*
А трое не шевелятся.

Сергеев *(пьяный)*
Солому
Под ними подожги — очнутя сразу.
Подсыпь им пороху — и запали!

Офицер *(смеется)*
И запалю!.. Потеха!..
*(Сыплет в руки башкир порох и поджигает, порох
взрывается.)*

Башкиры *(вскакивают)*
Ай!.. Убили!..
Шайтаны!.. Покарает вас Иса!..*

* Иса — Иисус Христос (Иса бен-Марьян — Иисус сын Марии
(тюрк.)

2-é башкир (*под плетьюми*)

Помилуй, Александр Саввич! Насмерть
Хоть запори — но нет у нас пять тыщ.
По тыще триста лошадей с дороги
Еще найдем... И разоримся все.

Сергеев (*солдатам*)

Правеж закончить! Бросьте их на сено.
Впрямь поумнели от плетей... Согласен —
По тыще триста. Руку приложи!
(*Берет у офицера свиток и протягивает 1-му башкиру.
Тот не шевелится.*)

Офицер (*тормошит 1-аї башкира*)

Мулла-то умер!

Башкиры (*в отчаянии*)

Душегубцы!.. Звери!..

Офицер (*толкает лежащих башкир*)

Мертвы и эти.

Сергеев (*хватается за лицо*)

Ставь за упокой

Им свечки... На войне без жертв нельзя.

(*Солдаты ставят зажженные свечки к изголовью мертвых
башкир.*)

Башкиры (*пьяные*)

Не надо свечки!.. Мы — не христиане!..

Шайтаны!.. Пьяным умереть — позор!..

Что делаешь ты с нами, комиссар!..

Сергеев (*спохватывается*)

А где девятый?.. Сос-считать!

Офицер

Да здесь.

Эй, где Иманко?

Сергеев (*кричит*)

Разыскать! Убью!

Ни одного не выпущу! Огонь!

(*Залп из пушки. Свет гаснет. В темноте горят четыре
свечки. Высвечивается Петр I и болван.*)

Петр

Виктории Россия одержала!

Мы взяли Дерпт и Нарву. И сейчас

От Петербурга отогнали шведов.
Но в сей крутой фортеции момент —
Башкиры в спину нож вонзают нам.
Да время ль бунтовать! Так инородцы
Растащат всю Россию, ввергнут в хаос!..
Mein Herze,* Князь Александр Данилыч, ты
Уфимского одерни воеводу!
Чтоб никаких башкирам озлоблений,
Обид, налогов не чинил... пока.
И обуздал бесчинства комиссара.

Болван

Мой государь, башкирский вор Иманко
С тарханами Алдаром и Кусюмом
Грозят пойти ордою на Уфу.
И села и деревни разоряют,
Сжигают божьи храмы, рубят русских
Людей. Чтоб их утишить, комиссара
Сергеева пошлю тебе — по праву
Взыскать его жестокость и расправу.

З а н а в е с .

* Mein Herze — мое сердце /нем./

Картина вторая

СВАДЕБНЫЙ БУНТ

Январь 1706 года

Астрахань. Площадь в Кремле. На морозе — над толпой пар. По казачьему обычаю восставшие астраханцы обсуждают в кругу повинное послание царю, которое повезет в Москву стрелец Кисельников. Его охраняют от недовольных повстанцев — старшины. В центре круга сидит на скамье глава астраханской старшины Носов. Рядом с ним — совсем юный стрелец Москвитин. Их окружают группы стрельцов, посадских людей, раскольников. Послание читает игумен Дашков.

Носов

Пока прощают — надо повиниться.

Мы ж согласились. И молебен был.

И челобитные писали порознь.

Посадские (*выкрикивают*)

Писали!.. Да попробуй повинись!..

Носов

Стрельцам нейдет!.. Вот введут войска...

Читай, Дашков!

Дашков (*читает свиток*)

"...У нас, у астраханцев,

Все ловли рыбные в казну забрали,

И пошлины повысили на соль..."

Посадские (*прерывают его*)

Откупщики и прибыльщики душат!..

Стрельцы (*Дашкову*)

Ты про стрельцов читай!..

Дашков (*читает*)

"...Наполовину

Уменьшили довольствие стрельцам.

А тяготами службы — отбивают

От личного хозяйства..."

Стрельцы (*перебивают его*)

Разорились!..

Москвитин

Царь от стрельцов избавиться решил!

В Москве, где ни зубец — там и стрелец.

Дашков (*читает*)

"... А воеводу Ржевского убили

За надругательство и произвол..."

Москвитин (*перебивает его*)

Ведь надо ж куда спрятался, злодей!

В помете из курятника достали!..

Дашков (*читает*)

"...Обрезывал нам бороды..."
Раскольники (*вторят ему*)
Аж с мясом!..

Дашков (*читает*)
"...Одежды укорачивал..."
Посадские (*вторят ему*)
До сраму!..

Дашков (*читает*)
"...Немчинские велел носить наряды..."
Стрельцы (*вторят ему*)
Все русский корень извести хотят!..

Дашков (*читает*)
"...Хотел заставить кланяться болванам,
Богам кумирским..."
Носов (*перебивает его*)
Ересь потому,
Что патриарха нет, и Монастырский
Приказ ввели — а в нем одни немчины.

Раскольники
Вот и молись Петру, а не Христу!..

Дашков
Пытался Никон стать вторым царем.
Что вышло? Сколько крови пролилось!
Нет двоевластья — и не будет смуты.

Стрельцы
Сейчас не смута?.. Про немчин читай!..

Дашков (*читает*)
"... Нас капитан немчинский Мейер в осень
На дерево на блоках подымал
И в воду сбрасывал..."

Стрельцы (*перебивают его*)
Не зря скололи!..
Осатанели от немчим проклятых!..

Дашков (*читает*)
"...А слух прошел, что будут за немчин
Баб русских выдавать. Того боясь,
Венчались спешно — за день по сто пар..."

Посадские (*перебивают его*)
Безвременно!.. Пущай кривой — да свой!.. (*смех*)

Дашков (*посадским*)
Смеетесь!.. Недозволенные браки!
За тайные подачки! Подлый — клир!
Не Иисус им нужен — хлеба кус!

Раскольники (*шумят*)
А подлый мир — священников срамит...

И бьет плетьюми!.. И на войну берет!..

Дашков (*читает*)

"...И Свадебный поднялся бунт. Стрельцы
Пошли на Кремль..."

Стрельцы (*перебивают его*)

Что, мы — одни!..

Носов (*Дашкову*)

Впиши:

"А с ними заодно — все астраханцы".

(*На площадь входят Шелудяк в рысьей шубе и Уразайко в тонком зипуне.*)

Шелудяк (*обводит взглядом круг*)

А где татарский голова?

Носов

Уехал.

Шелудяк

Ну, пес! Поймаю — на кол намотаю!

Татар от нас сбивает отложиться.

Боярину Хованскому писал,

Что разделились надвое у нас:

Одни хотят виниться, а другие,

Побив татар, бежать.

Кисельников

А что, не так?

Шелудяк (*входит в круг*)

Своих-то бить!

Носов (*Шелудяку*)

А кто сбегал тебе?

Шелудяк (*показывает на Уразайку*)

Вон, Уразайко — от башкир приехал.

Уразайко (*входит в круг*)

В Казани слышал. На башкир туда

Пришел Хованский. А его позвал

На Астрахань татарский голова

Кашкарин.

Носов (*раздумчиво*)

Против нас — и крымский хан.

Кисельников

Что мы! Христос — и тот изменой взят!

Шелудяк

И ты, Кисельников, нас тоже предал!

Кисельников

В чем? От царя вам грамоту привез?

Москвитин

Поддельную!

Кисельников

Что брешешь зря, Москвитин?
Сам государь мне грамоту вручил.

Москвитин

Да государь — подменный. Говорю вам,
При родах — дочь царице подменили
Сынком немчинским. Вот — и чужебесье!
А вы не верите...

Носов (*Москвитину*)

Кончай бузить!

*(По площади мимо круга проходит Аннушка в лохмотьях
и белом платке.)*

Аннушка (*грозит пальцем*)

Царь мертвых — Петр. С боярами ворует.

И дергает овес, чтоб шибче рос.

А царь живых — Иван. В Ерусалиме.

Он любит чернь. Он знает жатве срок.

Спаси Христос! *(крестится)* Срок жатвы недалек... *(Аннушка уходит.)*

Посадские

Заговорила Аннушка!.. Блаженна...

Свихнулась, как снасильничал немчин...

Раскольники

Нет, Петр в стекольном городе закладен...

В столбе... Царя немчины подменили!..

Кисельников

Да подлинный! Сам щупал! И скорей

Меня к нему с повинной отпустите.

Шелудяк (*передразнивает его*)

Сам щупал! Что?.. Поэтому и спасся?..

Зовет виниться! Шиш! Лазутчик царский!

Руби его, изменщика, стрельцы!

(Бросается к Кисельникову с обнаженной саблей.

Старшины отбрасывают его в центр круга.)

Носов (*Шелудяку*)

По-стой!.. Кисельникова — мне не трожь!..

Буян!..

Шулудяк (*поднимается с земли*)

И на Дону, и на Москве,

И в Польше пытан — и остался жив!

Кисельников

Но видит Бог, не изменял, как вы.

Носов (*Кисельникову*)

Че-го?.. Как мы?..

Кисельников (*передразнивает его*)

Того!.. Мы в Черном Яре

Узнали от стрельцов — Царицын слаб.
Дождались Дериглаза с нашим войском.
А он невольно этой вести рад
Не выйдя — норовил домой вернуться.
А взяли бы Царицын...

Москвитин

Вы бы взяли!..

Аюка хан нас ордами калмыков
В Царицын не пустил.

Носов

Двухвостый лис!

Аюка с нами торговал — без пошлин.
А сам Москве служил — за десять пушек.

Москвитин

И казаки донские нас побили.
Что ж ты, Кисельников, их не прельстил?
(На площадь входят Булавин и Лоскут.)

Булавин *(Лоскуту)*

А Дону не приспичит — не поднимешь.

Кисельников *(Москвитину)*

Прельсти! Я ж говорил, что казакам
На бороды и платья, и болванов,
И на угодыя — утеснений нет.

Так разорались: "Вы у нас отцов
При Стеньке в Астрахани поймали
И перевешали? А ждете помощь!

Как вы затеяли — так и вертайтесь!"

Булавин *(входите круг)*

От, блажь!.. Да в Бахмуте у нас Шидловский
Казачьи солеварни все отнял.

А ты здесь подлю врешь — нет утеснений!

Носов *(Булавину)*

Ты шапку-то сними передо мной!

Булавин *(Носову)*

Донцу ли шапку гнуть перед купцом!

Ты, Нос, не заносись, а то срублю.

Носов

От вас, разбойничьих вертепов, станет.
Дай волю вам — всю Волгу разорите.

Лоскут *(Носову)*

Сам звал донцов — что рожу-то воротись!

Кисельников *(Лоскуту)*

Вы ж лаяли в кругу: "Взять этих воров!.."

И нас в колодах отвезли в Москву.

Булавин *(Кисельникову)*

Решил столкнуть донцов и астраханцев?..
С Царицына посыльные на Дон
Опередили вас — и казаков
Успел науськать атаман Максимов.

Носов

Ты что, Кисельников, пересидел
Сам в Черном Яре?.. А кричишь — измена!

Шелудяк (*Носову*)

Постой, Яков Иваныч! Не замай!
Не ты ли под Царицыным нас предал?
Идет измена — с головы!

Носов (*вскакивает*)

Рехнулся!

Шелудяк

А ну, Москвитин, говори, как было!

Москвитин (*мнется*)

Брось, Шелудяк!

Шелудяк (*бьет его*)

Ну, сука! Зарублю!

Москвитин (*распахивает тулуп*)

Да на, руби!.. (*пауза*) В Царицын не пустили —
Собрали круг. Стрельцы — зовут на приступ,
Посадские — на Астрахань вернуться,
Раскольники — бежать на Аграхань.
А Дериглаз — куда и гонор делся —
И выдай тайный Носова наказ:
В бой не вступать, лишь о царе проведать,
Подменный али нет.

Лоскут (*кричит*)

Ах, рог те в хайло!

Москвитин

Мы и опешили — ведь шли в Москву!
Чуть не скололи Дериглаза.

Носов (*садится*)

Войску

И знать не надо умысел старшин.

Посадские (*шумят*)

Вот дурят нас!.. А до сих пор молчали...

Москвитин

Мы запросили помощи. Пока же
Повел нас на калмыков Дериглаз.

Да оказалось — в Астрахань.

Стрельцы (*шумят*)

Стервец!..

И Нос — изменщик!.. Носова меняем!..

Носов (*Москвитину*)

Я ж вам потом писал: Царицын взять.

Москвитин

Писал, да Дериглаз не подчинился.

Носов

И войско на подмогу я послал.

Москвитин

Он и его на Астрахань вернул.

Носов

И кто ж изменщик — я аль Дериглаз?

Посадские

Изменщик — Дериглаз!.. Круг так решил...

Он оттого и умер...

Шелудяк

Ловко, Носов!

Его науськал — а потом подмял?

А помнишь, что кричал ты про царя:

"За веру христианскую мы встали.

Придется умереть — умрем достойно.

Не так, как ныне нареченный царь,

Который нашу веру порудил

Кальвинской ересью и лютеранской.

Царь уже умер — и душой, и телом!"

Носов (*Шелудяку*)

Я за свое отвечу! Ты ответь!..

У Разина был тоже Шелудяк —

На виселице и поплыл по Волге.

Шелудяк

Всех перевешают — коль повинимся.

Булавин

От блажь!.. Да ты, купец, давно всех продал!

Как сам — такую выбрал и старшину.

Вы встали за нажитое добро,

А не за веру!..

Шелудяк (*показывает на Булавина*)

Вот — нам атаман!

И Дон за ним пойдет.

Старшины

Надежней Носов!..

Избави Бог нас от донских голов!..

Они нас разорят — куда немчинам!..

Носов

Да плохо ль было мне бурмистром быть?

Вы ж, бунт подняв, пришли ко мне во двор

С ружьем и выбрали главой старшины.

Меняйте!..

Старшины

Не дури!.. Сменить недолго!..

Носов

Что в петлю лезть, коль выход есть?

Старшины

Винимся!..

(На площадь выходит Алина.)

Алина

Запановали в Астраханском ханстве —

И запужались — аж полны портки!

Носов

Чья это баба?

Кисельников

Да моя. Чихвостка!

Везли нас в Польшу-то с медведем белым,

Для польского двора — медведь и цапнул

Меня. Полячка эта исцелила.

Алина *(руки в боки)*

Та ж мне б сильней те рожу исцарапать!

Хвост подогнул! Так взять — да отрубить!

Носов *(Алине)*

Кыш с круга! Шалоболка!

Алина *(Носову)*

Испужалась!

Те с бабами — и воевать!

Носов *(вскакивает)*

Че-го?

Кисельников

Во, стервь! На мою голову — не сбудешь.

Булавин *(берет Алину за руку)*

Как звать тебя?

Алина

Алиной.

Булавин

А меня —

Кондратом. За меня пойдешь?

Алина

Пойду!

А то вояки здесь: в портки наложат,

И хвалятся — освободились!..

Стрельцы *(смеются)*

Стервь!..

Булавин *(Кисельникову)*

Ну что, отдашь, лазутчик?

Кисельников (*кивает*)

Приплачу.

Булавин (*прикрывает полячку полой кафтана*)

Я забираю. Буйные — по мне.

Алина (*целует его*)

Кондрат, тебе верна до гроба буду.

Булавин (*подталкивает ее*)

Поди покуда.

(*Алина уходит.*)

Шелудяк

Слушай, вольный люд!

Мы выбрали старшин и атаманов,

Побив немчин, дворян и воевод, —

И что ж, опять поклонимся им в ноги?

Старшины

Придется!..

Шелудяк

Разделили их угодыя

И животы, и деньги — все вертать?

Стрельцы

Вертать!..

Шелудяк

Поотнимали все налоги

И пошлины — опять платить?

Посадские

Платить!..

Шелудяк

И бороды с усами брить?

Раскольники (*шумят*)

Не будем!..

И сбреешь... Борода-то отрастет..

А голову снесут — и брить не надо!..

Дашков

Мы в челобитной просим государя —

Нам бороды и платья уступить.

Раскольники

Жди!..

Носов

И уступит — если повинимся.

Уразайко

Зачем виниться? На Казань айда!

Боялся Шереметьев, что в Казани,

Как в Астрахани будет, — вот и стало.

Носов

Башкиры рубят русских.

Уразайко

Лишь начальных
Людей — за издевательства и гнет.
Иман-батыр сказал, что вам поможет
Побить бояр.

Стрельцы *(шумят)*

В поход!.. В Казань!.. В Москву!
(На площадь входит Акбулатка.)

Акбулатка

Глянь, мертвые кричат!

Носов *(Акбулатке)*

Ты что блажишь?

Акбулатка *(входит в круг)*

Царь слух пустил, что подавил Аюка
Бунт астраханский.

Все *(шумят)*

Врешь!..

Акбулатка

Клянусь Аллахом!

Зря, что ли, я лазутчиком шнырял?
А Носов и старшина, мол, в тюрьму
Посажены по царскому указу.
И перевешаны стрельцы-смутьяны.
И правит всем архиерей.

Все

Во, брешут!..

Царь на управу скор — живых отпел...

Носов *(в сторону)*

И выбирай — что власть давно решила.

Акбулатка

А на Москве смутился черный люд, —
И подновляют стены к обороне.
Царь повелел ружье и деньги спрятать.

Шелудяк

Они ж боятся — мы возьмем Москву!

А вы — виниться!..

Все *(шумят)*

Нет!.. В поход!.. За веру!

В Москву!.. Рубить откупщиков-немчин!..

Дашков

Немчины — только знак! А нужен вам
Второй богоотступник — Стенька Разин!
Ан, нет его!

Лоскут

Коль нужен — значит есть.

Акбулатка

И слух пошел в Москве, что Соляной
Бунт на Дону поднял Кондрат Булавин.

Лоскут (*показывает на Булавина*)

А вот он — сам Булавин.

Булавин (*бьет его*)

Цыц, Лоскут,

Шелудяк (*Булавину*)

А че ж молчал?

Булавин

От, блажь!.. Есть срок всему...

Царь хочет извести всех казаков.

Отняли солеварни — я их сжег.

И на Кубань ушел — подмогу звать...

Люд астраханский! Не винись! Не трусь!

Такою кровью здесь вы волю взяли!

А вас старшины предали. Долой

Изменщиков!

Стрельцы (*шумят*)

Долой!..

Носов

Чего орете!

Фельдмаршал Шереметьев — у ворот.

С войны Севейской к нам привел полки.

Стрельцы

Посмотрим тех немчин!.. А може, сдюжим?..

Дашков

В развратном заблуждении - злой мысли

Не можете оставить, супостаты!

Шелудяк (*Дашкову*)

Что лаешь, казначей? Забыл, что служишь

Нам, старый пес?

Дашков (*в страхе*)

А что?.. Я — ничего...

(*На площадь входит 1-й гонец, кланяется
старшине.*)

1-й гонец

Поклон вам, астраханцы-атаманы!

В Терках беда. Изменой воевода

Взял атамана и старшин в тюрьму.

И всех терчан заставил повиниться.

Шелудяк (*1-му гонцу*)

Вот, пожалели воеводу — он

И отплатил. И тихая змея

Ужалить может насмерть.

Посадские (*шумят*)

Врет терчанин!..

Подослан воеводою!..

Раскольники (*шумят*)

Бежим

На реку Аграхань!.. Когда ж пойдем —

То разорим Терки!.. Попомнят нас!..

(На площадь входит 2-й гонец, кланяется Носову.)

2-й гонец

К тебе, Яков Иванович, с поклоном —

От черноморцев! Еле проскочил.

Царицынцы, калмыки, казаки

Одолевают — уже мочи нет.

Драгуны Шереметьева подходят.

На нас не покручиньтесь — помогите!

Пытались силой нас склонить к повинной.

А мы бы рады, только как без вас?

Все (*шумят*)

Они и рады!.. Врут!.. Винимся!.. Нет!..

Кисельников

Скорей меня с повинной отпустите!

Введут войска — и нам несдобровать.

Носов

Что, повинимся, астраханцы?

Все

Любо!..

Винимся!..

Носов (*крестится*)

Слава Богу!.. Забирай,

Кисельников, все наши челобитья.

С тобою вместе выборных пошлем.

Заверьте со слезами государя,

Что воеводу присланного — примем

И город отдадим. Согласны ль?

Все (*радостно*)

Любо!..

(Кисельников собирает челобитные стрельцов, посадских, раскольников.)

Булавин (*выходит из круга*)

Все!.. Вольница по Волге отгуляла!

Пора на Дон.

Шелудяк (*выходит из круга*)

Рассчитывай на нас.

Булавин

Я всех зову с собой — кто хочет воли

Дохнуть!

Носов *(Булавину)*

Дохни — смотри не задохнись!

Булавин *(обнимает Лоскута)*

Пошли, Лоскут!

(Появляется Алина, бежит за Булавиным.)

Алина

Коханый, подожди!

Лоскут *(Булавину)*

Я с Разиным гулял, теперь — с тобой.

(Булавин, Лоскут, Алина, Уразайко и Акбулатка с некоторыми астраханцами уходят.)

Дашков *(им вслед)*

Великим несмиреньем и развратом

Они сгубили души навсегда.

Носов

А мы же, во спасенье наших душ,

Молебен отслужить пойдем во храм.

(Астраханцы уходят в собор. Слышен звон колоколов.

Дашков остается с Кисельниковым и тайно передает ему свиток.)

Дашков *(Кисельникову)*

Ты к Шереметьеву ступай, не мешкав.

Отдай ему письмо, но не прилюдно.

И на словах скажи: коль он до полой

Воды успеет к нам — мы спасены,

А не успеет — будет вопль великий.

Раскольники дождутся половодья —

И, разоря нас, в Аграхань сбегут.

Мне вор на исповеди в том признался.

Смотри, не подведи!

Кисельников *(прячет свиток в тулуп)*

Не подведу!

Мне это — будет грамотой охранной.

(Слышно пение во храме. Свет гаснет. Высвечиваются Петр I и болван.)

Петр

Не мешкай, князь Борис Петрович! Спешно

Иди на Астрахань. И пусть возьмет

Бунт Свадебный в вину стрелец Москвитин.

Мол, при стрелецкой казни потерял

Отца — и вздумал отомстить царю.

Мы семя все стрелецкое потравим!..

Не дай соединиться астраханцам

С башкирами. Лишь рассекая, можно

Большой огонь унять... А Соляной

Бунт на Дону затих?

Болван

Мой государь!

На Дон послали дьяка Горчакова,
Сыскать про бунт. А в Астрахань — спешу.

Раскольник Носов будет колесован.

Стрельцов в другие вышлем города —

И тайным делом уничтожим всех.

Донцам же, в поощрение заслуг,

Пошлем казны, знамена и бунчук.

З а н а в е с .

Картина третья

ДОНСКОЙ ЗАГОВОР

Сентябрь 1707 года

Черкасск. Курень атамана. За столом ведут разговор Максимов и Зернщиков, задумавшие избавиться от прибывшего на Дон с отрядом драгун князя Юрия Долгорукого для сыска беглых, и ожидающие приезда позванного для сговора Кондрата Булавина.

Зернщиков

Что сыск несет? Опять — неволю, плети
И каторгу, и виселицы? Нам же —
Лишь разорение, за службы наши.

Максимов

Князь Юрий Долгорукий — волк матерый.
И не споишь!.. У вас, мол, тыщи беглых,
Хватило б на две армии царю.
А я ему — и лебедя, и стерлядь.
Мол, так и так, — лишь тридцать и нашли.

Зернщиков

И те — гультяи, пьяницы, — без проку.

Максимов

Ты надоумил хорошо, Илья
Григорьевич. И я пошел в атаку.
Мол, не было указу государя,
Чтоб пришлых к нам в Черкасск не принимать.
И потому здесь сыскивать не дам.

Зернщиков

Лис у норы охотиться не будет.

Максимов

И сказку подал за своей рукой
Для государя.

Зернщиков

Ну хватил, Максимов!
Рисковый войсковой!

Максимов (замахивается на него)

Не лести — побью!

Зернщиков

Волк страшен — да на то и есть охотник.

Максимов

Идет вторжение бояр на Дон.
Романов, Меншиков, Репнин, Волконский
И Шереметьев, тот же Долгорукий

Придвинули владенья к горлу Дона.
И все теснят — теснят, уже хрипим!

Зернщиков

Да, им не столько беглые нужны —
А городки очистить для себя.

Максимов

Ты в корень смотришь, Зернщиков, всегда.
Ведь изведут со свету казаков!

Зернщиков

Дон казакам пожалован еще
За доблесть Ермака Иваном Грозным.
Где эта грамота?

Максимов

Царь Петр отнял.

Того гляди — затянет на ошейник.

Зернщиков (*оглядывается*)

Давно мы царский поводок кусаем.
Еще, считай, с Бориса Годунова
Цари почали казаков травить.
А при Петре — и вовсе околеем.
Как обложил! Теперь нам ни в Азовском,
Ни в Черном море погулять нельзя.

Максимов

А Петр и на Балтийское пробился...
Казацкой саблей.

Зернщиков

Всю добычу отнял

И жить заставил на солдатский лад.
Впряг в службу гарнизонную в Азове,
В яремную почтовую гоньбу.
Не казаки — рабочий скот! Срамно!

Максимов

То наши ловли рыбные отнял,
То соляные промыслы отдай.
То сыском нас работников лишает...

Зернщиков

Уже не просто шпынь дьяк Горчаков
Грозит нам, а на Дон драгун прислали.
И ты еще им помогай! Не гады?

Максимов

Войска давно ввели на Дон, Илья.
Мы и не взвидели, как губернатор
Иван Андреевич Толстой в Азове
Нас приторочил к царскому седлу.

Зернщиков (*оглядывается*)

И на царя управа есть!

Максимов (*прикрывает дверь*)

Потише!

Зернщиков

Султан вон требует от государя
Нам вольности казацкие вернуть.

Максимов (*опять садится*)

Не нам, а украинским казакам.
Мазепа сеть плетет... Себя и словит.

Зернщиков (*придвигается ближе к нему*)

Сейчас момент удачный для охоты.
Все тлеют Астрахань, Яик и Терек.
От Украины — заполошный дым.
Огонь башкирский — с Волги до Урала.
Лишь сполоха донского не хватает.
Рискнем, Лукьян! А?

Максимов

Задом на кол сесть?..
Вот и пришлось лизаться с Долгоруким,
И посылать в верховья с ним старшин.

Зернщиков

В верховьях Дона сыщет — к нам вернется.

Максимов

Вот то-то и оно...

Зернщиков

А надо б сделать,

Чтоб не вернулся... Где же твой Булавин?

Максимов (*подходит к темному окну*)

Придет, коль я позвал...

Зернщиков

А что Петров
Поехал с Долгоруким — это кстати.
Так лебезит перед Москвой — тошно!
Случаем что — тень на него падет.

Максимов

Ты б написал в верховые станицы —
Пусть беглых по лукам пока попрячут.

Зернщиков

А ты подпишешь?

Максимов (*смеется*)

Нет... Чай, если ты —
То спрос с тебя, а если я — то с Дона.

Зернщиков (*смеется*)

Ловкач!

Максимов

Ход крайний нужен про запас.

Зерщиков

Ты надоумил, чтобы Долгорукий
Разбил отряд, для скорости, на части?
Охотникам — полегче?..

Максимов (*вздыхает*)

Ох, Илья!

Нас за удачный сыск — донцы накажут.

За неудачный — взыщет государь.

Приказ Преображенский — все узнает.

Боярин черных дел Ромодановский

Кой день не выпьет крови — так невесел.

Зерщиков (*плотней занавешивает окно*)

Да не трусь! Царю война со шведом

Не даст послать на Дон большое войско.

Максимов

Кто ж крест возьмет?

(*За окном слышен конский топот.*)

Зерщиков (*кивает на окно*)

Кто меченый — возьмет!

Бунт Соляной Булавина пометил.

Максимов (*понижив голос*)

Но чтобы после — тихо! Как ковыль.

Пугнем бояр, чтоб неповадно было...

(*В комнату входят Булавин, Лоскут и Алина.*)

Булавин (*кланяется*)

Здорово, атаманы!

Максимов (*обнимает его*)

Будь здоров!

Ты не один?

Лоскут (*оглаживает комнату*)

Булавиных — пол-Дона!

Зерщиков (*обнимается с Булавиным*)

Здоров, друзяк!

Булавин

Здорово, односум!

А ты, Лоскут, постой на карауле.

Алина, журавля отдай хозяйке.

(*Лоскут уходит.*)

Максимов (*Булавину*)

Сидай!.. Эй, Марья, накрывай на стол!

(*В дверях из соседней комнаты появляется толстая Марья.*)

Марья

Сейчас, сейчас!.. А это ж кто?

Булавин

Алина.

Марья

Эт при живой жене-то!

Максимов

Марья, цыть!

Алина

Красивой пани не прожить безгрешно.

Вот журавель соленый, прошу пани!

(Подает корзину с журавлем Марье.)

Булавин

У казака жена — лишь сабля востра.

Марья *(замахивается корзиной)*

Ух, непутевый! Милочка, пошли.

(Марья уводит Алину в соседнюю комнату.)

Зернщиков *(Булавину)*

Жена на сносях?

Булавин *(садится к столу)*

В Белгород отправил.

А Галя и Никитка — у братьев.

Максимов

И кобелишься потому с полячкой?

Булавин

С полячкой. Честен муж — женою доброй.

А все добро Ульяны — в передке.

Максимов

Охальник!.. *(пауза)* Я чего тебя позвал?

К нам прибыл из Москвы князь Долгорукий.

Булавин

Слышал.

Максимов

И до тебя ему — есть дело:

Сыскать причастных к Соляному бунту

И, заковав, послать царю...

Булавин *(вскакивает)*

От, блажь!..

Вмиг с ветром повенчаюсь.

Максимов *(усаживает его)*

Ты погодь!..

Кондрат, хоть жаловались мы царю,

Что разоряет казаков Шидловский, —

Но в Бахмуте мы промыслом владели

Наездами — когда варили соль.

Изюмцы же по царскому указу

Там городок построили — хозявы!

Ну сколько можно с ними спорить нам?
Отдай тот чертов Бахмут, повинись!

Булавин (*непристойный жест*)

Вот на-кась-выкусь! Столько лет ишачил!

Построил куреня и солеварни,

И мельницы — и все отдай? За шиш?

Зернщиков

Не хочешь отдавать — так защищайся!..

Мы тоже разоряться не хотим.

Булавин (*настороженно*)

А Зернщиков с Максимовым от бунта

В убытке не останутся?.. Я понял.

Вам головой моей не откупиться!

И Разин кровью Дон не искупил.

Максимов

Тебя просили солеварни жечь?

Велели грабить жителей изюмских?

Булавин (*громко*)

А что, изюмцы нас не жгли? Не били?

Что, нам от лучшей соли отказаться,

Чтоб Дон дрянную где-то покупал?

Я встал за всех! И ты меня одобрил!

Максимов (*озирается на дверь*)

Не впутывай меня!.. Молчим — идут!

(*Входят Марья и Алина с закусками, накрывают на стол.*)

Марья (*ставит жбан*)

Татарский жбан — да брага наша.

Зернщиков (*потирает руки*)

Любо!

Максимов (*наливает в кружки*)

Я написал верховым атаманам

И строго наказал под смертной казнью —

Всех беглых Долгорукому отдать.

Марья (*Булавину*)

Соленый журавель ваш вкусный — жуть!

Булавин (*отламывает кусок*)

Алина стряпает — язык проглотишь!..

Где ж наш закон, Лукьян Васильич, — с Дона

Не выдавать?

Зернщиков (*отламывает кусок*)

Плюют на наш закон!

Марья (*подает блюдо*)

И с перепелкой кругликов поешьте.

Максимов (*берет круглик*)

А воры — вне закона. Ведь берут

В зачет работ в Воронеже деньгу —
И к нам бегут. А мы — лови!

Булавин

Поймай!

Максимов (*поднимает кружку*)

Ну что, за древние устои Дона

С верховья и до устья!

Булавин (*поднимает кружку*)

И до дна!

(Все пьют и закусывают.)

Максимов

От воров же избавиться не грех.

А то мельчает Дон от голытьбы.

Зернщиков

Да только кабы бунт не учинился.

Марья (*угощает*)

Медку вишневого...

Максимов

Подите, Марья!

(Марья с досады швыряет кувшин на стол и уходит с Алиной за дверь.)

Булавин

И что же, сами Бахмут отдадим

Полковнику Шидловскому?

Максимов (*ест*)

Придется.

Тебе подыщем промысел иной.

Булавин

Вы так весь Дон уступите царю.

Хвосты поджали перед Долгоруким!

Пугнуть его, как дьяка Горчакова,

Чтоб было неповадно к нам ходить.

Зернщиков (*ест*)

Что, дело говорит?

Максимов

Договорится!

Держал за караулом дьяка?

Булавин (*швыряет кусок на стол*)

Блажь!..

Я ж охранял его, чтоб не побили,

И проводил под стражей.

Максимов (*передразнивает его*)

Охранял!

Чуть не прибил! И бросил на дороге.

А Горчаков опять на Бахмут едет.

Булавин

Что ж, сызнова мне на Кубань бежать?

Максимов

Я те сбегу!

Булавин

Уж лучше отпусти!..

Максимов (*берет с поставца тавро*)

Глянь, что привез нам Юрий Долгорукий.

Клеймо для беглых.

Булавин

Словно для скота.

Максимов (*кладет тавро рядом с булавой*)

Сбежишь — поймаю — и клеймом прижгу...

А на тебе — и астраханский бунт.

Не знаем, думаешь? Успел сбежать?

Кто не успел — всех Шереметьев взял.

А Долгорукий сыскивает здесь

И астраханских воров.

Булавин (*садится*)

От, блажь!.. Выдай!

Зернщиков

А шептуны найдутся и без нас.

Ефрем Петров зуб точит на тебя.

Максимов

Ты обещал бунташным астраханцам

Уже не солеварни — Дон спалить?

Примерь вон цепи Разина в соборе!

Булавин (*наливает всем и пьет*)

А с Дона можно запалить всю Русь.

Не зря ты так рычал на астраханцев,

Когда они за помощью пришли.

Максимов (*пьет*)

Да казаки и сами б не качнулись.

Булавин

Качнулись!.. Ты ж их осадил крестом.

Максимов

Раскольник!.. Так — о крестном целованьи!

Булавин (*показывает на болвана*)

А ты — болвана держишь в курене.

Максимов (*оборачивается к болвану*)

Подарок государя — спробуй выбрось!

Булавин

Привыкли войсковые трон лизать.

И колесом спина уж — от поклонов.

Максимов

С Азовского похода затаил
Зло на Петра? Царь обошел наградой?

Булавин

Нам — смерть и шрамы, а награды — знати.
Аж ломится курень. И кровь — на всем!
(*Вскакивает, берет бунчук.*)

Бунчук — за астраханцев, глянь — кровавит.
Еще не кончилась на них охота?
Еще донос и сыск справляют пир!
Хватают беглецов с постелей ночью,
И даже из огня севейской сечи.

Максимов (*отнимает бунчук у него*)

Не трогай, вшивокорм!.. Не кочевряжься!
Привел на Дон бунташных астраханцев —
Сам с Долгоруким и решай о них.

Булавин

А вы не кочевряжитесь, кривляки!
Кто не притворством может похвалиться?
Боимся заглянуть в глаза друг другу?
Чтоб со смеху не умереть!.. Что звали?
На бунт толкаешь—а грозишь расправой?..
Смотри, башкиры — как за волю бьются?
Отняли лошадей — все на дыбы!
Иной дите закладывал, чтоб лошадь
Купить царю! Все мало! Сыск нагрязнул.
Тогда и закипел котел башкирский.
Иман-батыр зовет Кубань и Крым,
И терских казаков, и астраханских
Татар... И нас зовет.

Зерщиков (*пьет*)

Пойдешь?

Булавин (*садится к столу*)

Пойду.

Максимов

Смотри, Кондрат! Твой Уразайко брешет!
Поймаю — и язык поганый вырву!
Башкирские тайши Алдар с Кусюмом
Зад лижут туркам. Что, и ты — лизнешь?
Дон предаешь?

Булавин

Ты сам, Лукьян, — Иуда!
С боярами кто списывался, чтобы
Всех пришлых выслать с Дона?

Максимов (*вскакивает*)

Да... Молчать!

Булавин

С тобою тайно Горчаков гутарил —
Чтоб в Диком Поле часть земель купить?
Шепну донцам о том — и сядешь на кол!

Зернщиков *(спохватывается)*

Лукьян, у нас же земли — неделимы!

Максимов *(разъяренно)*

Молчать, сказал!.. Не будь беды такой —
Ты попробовал бы сабли вдоль хребта!..

Хотели за тебя мы заступиться,

Но, видно, Долгорукому сдадим.

Бунт Соляной и дьяка — царь запомнил,

Велел тебя сковать...

Булавин *(отбегает к двери)*

От, блажь! Не тронь!

Убью! Лоскут! *(обнажает саблю)*

*(В комнату врывается Лоскут, из соседней двери выбегает
Марья с пищалью, за ней — в страхе следует Алина.)*

Лоскут *(с обнаженной саблей)*

Сарынь на кичку!

Зернщиков *(обнимает Булавина)*

Будя!

Убить — ума не надо, односум.

Булавин *(убирает саблю)*

Погодь, Лоскут!

Лоскут *(убирает саблю)*

Не пожалей, Кондрат!..

А ты, Лукьян, смотри, порву рыгалку!

Рогач те в хайло!

Марья *(выталкивает его)*

Ну, пошел, анчутка!

(Лоскут, Марья и Алина уходят.)

Зернщиков *(Булавину)*

От, золотая рота! Твой Лоскут —

Не пасынок ли Разина — Афонька?

Булавин *(садится за стол, пьет)*

Кто его знает?..

Зернщиков *(Максимову)*

Крест возьмет?

Максимов *(Зернщикову)*

Возьмет!

Булавин *(настороженно)*

Чего?..

Зернщиков

Кондрат, у нас к тебе есть дело.
Мы выбрали тебя... и покрывали.
А нынче твой черед нам послужить...
(Свет гаснет. В темноте высвечиваются Петр I и болван.)

Болван

Великий государь! Князь Долгорукий
Переусердствовал при сыске беглых.
В отместку — на Шульгинский городок
Напала ночью воровская стая —
И Долгорукого хватил Кондрашка
Булавин, и на месте заколол,
И порубил драгун, и лишь старшина
Успела убежать, в одном исподнем.
Булавина ж и воров — след простыл...
Не бунтом учинилось то, а мезью.
Но все ж послал я стольника Степана
Бахметьева с полком на душегубцев.
С Черкасска вышло войско атамана
Максимова — тех воров отыскать
И, как над неприятелем, чинить.

Петр (*попыхивает трубкой*)

Ты, князь Иван Андреич, не темни!
Не мезью беглых учинилось — бунтом!
И с казаками надо нам кончать!
Они не для баталий — а для смуты.
В стан воровской лазутчиков пошли.
Пусть посулят тому, кто выдаст вора
Булавина, живым иль мертвым, двести
Рублей. Не мешкав, укрепи Азов,
Чтоб к туркам казаки не отложились.
И слух пусти: царь сам придет на Дон...
Зело опасно ослабеть нам с Юга, —
Швед в перемирье отказал... Брат Карл
Стать хочет Александром Македонским,
Нас раздробить на княжества, а чернь,
Смутить на бунты и изгнать плетьюми
Не только из России, но со свету!..
А Дон бунтует — на потребу шведу.

З а н а в е с .

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

СМЯТЕНИЕ МАЗЕПЫ

Март 1708 год

Батулин. Дом гетмана. Мазепа сидит у стола с закутанными ногами, читает письмо. На столе — крест, шкатулка, лекарские склянки, у стола — на поставце ларец, рядом — болван с париком и орденом Андрея Первозванного на алой ленте.

Мазепа

Ничто не мило. Светит только власть.
И та не греет... Что лукавишь? Гетман —
Лишь мало меньше польских королей!..
Как я устал идти путем тернистым —
Сквозь подкуп, лесть, предательство и ложь!
И все сильней доносчики шипят.
Но в мире средства нет — сильнее правды.
Одна она низринет и поднимет,
Одна она погубит и спасет..
Ее лишь с пользой надо повернуть.
Вот и пишу доносы... на себя.
Вперед других. Но ни единый дух
Не знает тайных дум Мазепы.
(Стук в дверь. Мазепа прячет письмо в шкатулку).
Прошу!

(В дверь входит Орлик, подает Мазепе свиток.)

Орлик

Царь требует отправить казаков
На бой с Булавиным.

Мазепа *(швыряет свиток на стол)*

Послать бы рады.

Но как бы не было зараз вторженья
Союзных шведам басурманских орд.

И я пойти с полками не могу —
Недугой подагрической привязан.

Благодарю я Бога моего —

Он за мои грехи меня карает.

Натри мне. Орлик, ноги царским зельем.

(Орлик берет склянку со стола и натирает ноги гетману.)

Орлик

Как с Украины уходить, когда

Донцы на бунт смущают малороссов!

У нас своих бунтовщиков хватает:

Палей, Перебийнос и Гордиенко.

А вор Булавин — чай почище их.

Мазепа

Заступник воли — лишь завистник власти.

А наш народ — и глуп, и неустойчив.

Не взвидит, как отчизну потеряет.

Как я просил царя — прислать Палея

Ко мне в оковах. Нет, сослал в Сибирь!

Орлик

И Сечь Булавина не отдала —

Как ни приказывал ты запорожцам

Смутился мир!

Мазепа *(толкает его ногой)*

Ты что, щекочешь пятки?

Не знаешь — я ревнивый?

Орлик *(поднимается с пола)*

Как не знать!

Мазепа

Смутился... У Максимова с Кондрашкой

Нет фикции какой?

Орлик

Когда Максимов

Разбил тех воров — упустил не зря

Булавина. Лишь мелкоту казнили.

Мазепа

Поди, весь Дон повязан?

Орлик

Явно, сговор!

Булавин приходил в Черкасск монахом —

Могли б схватить. Он даже накричал

На Зернщикова за измену.

Мазепа

Игры...

А Зернщиков — давнишний враг Москвы.

Был атаманом войсковым — боровил.

Орлик

И в Сечь бежал Булавин неспроста.

Не раз бывал у них — и сговорился.

Бахвалился на раде: мол, Хмельницкий

Вас от неволи польской избавлял,

А я хочу избавить — от московской.

Мазепа, мол, с старшиною, с согласия

Царя, в неволе держат запорожцев,

И только что не запрягают в плуг.

И кошевого атамана сбросил —

Взамен поставил Костю Гордиенко...

Мазепа

Извечно, Орлик, нищим и убогим
Разжиться хочется за счет богатых.
Сиромата эта, спяну и не спяну,
Все дышит желчной горечью на нас.
Собаки беспризорные, не только
Панов и гетмана, но и царя
Облаять норовят и укусить.

Орлик

Чуть шайку наберут — грозят Москве.
Пока мутит Кондрашка Запорожье,
Какой-то Кузька на реке Хопре
Под именем Булавина явился.
Звал воров на Москву пойти войной.

Мазепа

Слышал. Башку срубили. Не суй носа
В чужое просо. Тож мне — Лжебулавин!
Престол для вора — лишь на Лобном месте...
Ты пластырь наложи.

Орлик *(накладывает пластыри Мазепе)*

Вы потерпите...
По всем запольным рекам всколыхнуло.
Некрасов, Голый, Дранный и Хохлач —
У Пристанского городка собравшись —
Все на Черкасск с Булавиным пошли.

Мазепа

Да не за то он борется, дурной!
Не в черни — корень жизни, а в богатых.
Сиромата пошумит — и облетит.
А жизнь богатые приумножают.
Но царь реформами изводит нас.

Орлик

Что, вся Россия потому бунтует?

Мазепа

Она сопротивляется Петру.
Он повернул ее на новый путь,
Понятный мало и ему. И зверской
Жестокостью торопит перемены.
Сиромата же почувствовала пропасть —
И норовит порвать все построики,
И разбежаться — в Крым, к полякам, к туркам...

Орлик

А что же вор Булавин не бежит?

Мазепа

И на Кубань бежал, и в Крым пытался...

Орлик

Своих жалея, Разин не пошел
Ни Доном, ни Днепром, а бросил войско
На Русь.

Мазепа

Он хочет Разина поправить.
Идет своим путем — но тоже в пропасть.

Орлик

Чтоб воевать — немало нужно денег?
Где их берет Кондрашка?

Мазепа

Помогают...

Орлик

А может, впрямь клад Разина нашел?

Мазепа *(держат от жжения ногами)*

С башкирами ведет переговоры,
Ногайцами, кубанцами и Крымом...
Поди, и к шведам посылал дружков.

Орлик

Терпите!..

Мазепа

Нет! Снимай! Проклятый, жжет!..

Пошлем мы на Булавина Полтавский
И Компанейский конные полки.

Орлик *(снимает повязки)*

Они же шаткие — в соседстве с Сечей
Крамолой вольной надышались...
(Стук в дверь.)

Мазепа *(останавливает его)*

Прошу!

(Входит Мария с фермуаром на шее.)

Мария

Коханный мой, идет мне фермуар
К такому платью?

Мазепа *(машет на Орлика)*

Орлик, ты свободен.

Орлик

Я подготовлю о полках письмо.

(Орлик уходит с повязками, пряча их за спиной.)

Мазепа *(встает навстречу Марии)*

Идет, Мария! Это чудо света
Прислал король Станислав нам в подарок.
Целую ручки *(целует ей руку)*.

Мария

Он — уже король?

Мазепа (*прикладывает палец к губам*)

Ш-шш! Это — наша тайна!

Мария (*передразнивает его жест*)

Я молчу.

Уж я не выдам тайн, как мой отец.

Мазепа

Нельзя, Мария, грудь кусать, которой
Тебя вскормили.

Мария (*всхлипывает*)

Ах, мне жаль отца!

Мазепа (*обнимает ее*)

Бог даст, мне повинится Кочубей.

Мария

И ты его простишь?

Мазепа

И я спасу

Его от самого себя, для нас.

Мария (*прижимается к нему*)

Ты добрый... Я же не прощу позора.

Сам пожил всласть, а мне не хочет дать

Пожить... в раю. Мазепа — ты мой Бог.

Мазепа

И добре. Я же — крестный твой отец.

А ты — с небес сошедший ангел мой —

Хранитель. Утешенье мне под старость.

Мария (*закружив его*)

Что сверстники! Мне мало их любви.

Я в юности — хочу все счастье мира.

Все — все!.. Сей — час!.. Немедленно!.. Взахлеб.

Мазепа (*останавливает кружение*)

Но Кочубей к венцу нас не пускает...

Мы ж с ним еще служили Дорошенке,

Самойловича вместе низвергали...

Три тысячи дворов я дал ему.

Из писаря повысил до судьи.

Все мало! Руку вздумал укусить!

Мария

Уставом церкви брак наш запрещен.

Мазепа (*целует ее*)

Кто, как не мы, уставы эти пишем?

Ты просто трусишь.

Мария

Проклянет отец!..

Мазепа (*открывает ларец, достает вещи*)

Смотри, он сам мне слал твои подарки.

Вот локон от твоих волос душистых...

Рубашка, что хранит твоё тепло...

Манисто с белой шейки...

Мария *(наклоняется над ларцом)*

Клад любви!

И от тебя подарки я храню:

Твой обруч диамантовый...

Мазепа *(целует её)*

Мария!..

Для украшения — женщин Бог создал.

Дай мне зацеловать твои уста

Коралловые... беленькие ручки...

Все ямки тельца нежного...

Мария *(целует его)*

Сожжешь!..

Как юны ласки мудрые твои!..

Мазепа

Твой свежий пыл мой жребий оживил...

Я дожил до великих испытаний.

Тебе ж придется к матери вернуться...

Мария *(прижимается к нему)*

Нет!.. Не гони! Простить ей не могу

Донос отца! *(всхлипывает у него на груди)*

Мазепа *(гладит её)*

Ребенок пуповиной

Привязан к матери навеки.

(Стук в дверь. Мазепа недовольно оборачивается.)

Прошу!

(Орлик впускает ксендза в капюшоне).

Орлик

Прошу прощения, ваша вельможность.

(Орлик уходит.)

Мазепа *(настороженно)*

Входи, святой отец!.. Мария, ты бы

До сада прогулялась.

Мария *(огорченно)*

Ах, досада!

(Мария уходит, ксендз снимает капюшон, оказавшись княгиней Дольской.)

Мазепа *(бросается к её руке)*

Княгиня Дольская! Целую ручки, *(целует)*

Дольская *(садится к столу)*

Политика — все тот же маскарад.

Мазепа

А женщина скорее платье снимет,

Чем маску.

Дольская

Ты, Мазепа, — все блудник.

Мазепа

И вы — все та ж прелестница, княгиня.

А мы еще при короле Собесском

Крестили вашу внучку.

Дольская (*подает ему свиток*)

А теперь

От короля Станислава из Польши

Я привезла тебе универсал.

Сама! Другому это не поручишь.

Мазепа (*читает*)

"...И вместе с предостойнейшим вождем

Малороссийским гетманом Мазепой

Стараться вам о низверженьи с шеи

Своей московского ярма, при скорой

Вам помощи от шведских войск и польских..."

Дольская (*громко*)

Его величество король...

Мазепа (*перебивает ее*)

Потише!

Доносчиков — хоть пруд пруди!

Дольская (*тише*)

И Орлик?

Мазепа

Я думаю, мой генеральный писарь

Подслушивать и мысли научился...

А нынче Кочубей послал донос.

Дольская

Все мстит тебе за дочь свою Марию?

И право, ты — блудник! В твои-то годы —

Дочь друга соблазнил! Полячек мало?

Мазепа

Он вздумал тайно обвенчать ее

С сынком судьи, ну а меня — сгубить...

Разброд в умах старшин и казаков.

Кто льнет к Москве, кто к туркам, кто к полякам.

И одного универсала мало...

Едино русло у Днепра, а правый

И левый берега все не мирят.

Дольская

Пора их примирить.

Мазепа (*прячет свиток в ларец*)

Жизнь положу!..

Княгиня, я на Северщине мог бы
Готовить Карлу зимние квартиры.
Склонить бы мог переметнуться к шведам
Не только запорожских казаков,
Но и донских.

Дольская

Булавин же — твой враг?

Мазепа

Я и врага заставлю мне служить.
Он тайным соумышленником будет
В моих руках, не ведая о том.
К нему приставил я людей надежных.

Дольская

Склонятся ли к полякам казаки?

Мазепа

Лжедмитрию они же помогали.
Пожарского убить пытались даже...

Дольская (*перебивает его*)

Но выбили поляков из Москвы.

Мазепа

Да то была казачья голь — сиромма...
А коренные казаки склонятся...
И в Сече кошевым стал Гордиенко,
Старинный враг Москвы, — моею волей.

Дольская (*в сторону*)

Вот так не знаем мы, кто нас ведет.

Мазепа

Склонить бы мог калмыков и башкир.
Их черни предводитель — вор Иманко
Убит, а с ханом мы договоримся.

Дольская

А что за хан?

Мазепа

С Кубани привезли.
Хозяю. Хотят в Казани посадить.
Бунтуют все башкирские дороги.
Ослепли турки, случая не видят
Вернуть все, что отняли москали.
Петр золотом глаза им застилает.

Дольская

Россия с Портой в мире — как подруги,
Все норовят друг другу навредить.

Мазепа

Но я смогу Станиславу вернуть
Все полоненные владенья Польши!

Дольская

А короли наградой не обидят —
И ты часть Белоруссии получишь.
Князь Витебский и Полоцкий — Мазепа
Сравнится с герцогом Курляндским!

Мазепа *(пытается ее обнять)*

Добре!

Дольская *(отстраняется от него)*

Нет, пой своей Марии "Песню песней"...
Итак, Карл из Литвы пойдет в Москву,
Станислав же из Польши — в Киев.

Мазепа

С Богом!

Дольская

А крымская орда поможет им —
Султан турецкий королей заверил.

Мазепа

А, значит, турки все же не ослепли?..
Заверь и ты Станислава и Карла:
Мазепа с войском вступит в их союз.

Дольская *(встает и накидывает капюшон)*

Ну, мне пора.

Мазепа *(целует ей руку)*

Целую ручки.

(Входит без стука в дверь Орлик, все в замешательстве.)

Орлик *(удивленно)*

Позв...

Мазепа *(перебивая его)*

Прощай, святой отец.

Ксендз *(крестит его)*

Храни вас Бог!

Мазепа *(устремляется к двери)*

Я провожу.

(Ксендз и Мазепа уходят.)

Орлик *(один)*

Как, в молодые годы,

Поляки посадили блудника

Лицом к хвосту коня, так и поныне —

К России скачет, а глядит на Польшу...

Вот наваждение — чем больше шлют

Доносов, тем Мазепе больше веры.

Уже гора костей — из тех людей,

Которых загубил "прелестник" этот...

Тем сладостней изменника предать!

(Входит Мазепа.)

Мазепа (*замахивается на Орлика*)

Ты что, без стука?..

Орлик (*увернувшись от удара*)

Кочубей и Искра...

Мазепа (*перебивает его*)

Потише, чтоб не слышала Мария!

Орлик (*тише*)

... увидев приближение солдат,
Бежали из Диканьки в Красный Кут...
К Булавину поближе.

Мазепа (*садится к столу*)

Не поможет.

Теперь возьмут их царские войска.
Допросит Петр — и выдаст мне на казнь.

Орлик

И не поверит?

Мазепа

Кто же верит ворами?..

Вот, Орлик, как опасно тайны знать.
Не можешь прикусить язык — погибнешь.

Орлик

Я не боюсь.

Мазепа

О-о! Храбрец! Проверим...

Мне в Киеве князь Меншиков шепнул:

"Пора за казаков нам приниматься!"

Орлик

Как?

Мазепа

Коренных — в драгуны повернуть,
Мятежников — в оковы и в Сибирь,
А запорожцев — вовсе извести...
Ты думаешь, я что в Москву не еду?
Мне рот хотят заткнуть княженьем римским,
А Меншикова гетманом поставить.

Орлик

Не может быть!

Мазепа (*тише*)

Племянник Войнаровский
При Меншикове служит. Он узнал.
Они все наши города и села
Опустошат, а малороссов — в шею,
Как скот, за Волгу сгонят, за Урал.
И запануют здесь!

Орлик

Нет, я не верю!
Под скипетром российского царя
Не худо нам. От податей — вольны,
И маятностями обогатились...
И нас одна соединяет вера.

Мазепа

О-о! Не худо! Як перепелицы
Под ястребом, голов поднять не можем.
Царь нынче волю дал — а завтра взял.
И как бы не сулил он Украине
Молочных рек в медовых берегах —
Все разорит.

Орлик

И что ж, нам бунтовать?

Мазепа

Бунт воли не прибавит. Лишь погубит.
Нужна защита... Польша предлагает...

Орлик (*перебивает его*)

Забыли, как рубили нас жолнеры?

В воде топили и сажали на кол!

И заживо вмораживали в лед!

А наших жен терзали, вынуждая

Ошпаривать младенцев кипятком!..

Мазепа (*перебивает его*)

А русские солдаты, что ли, лучше?..

Не зря ж меня старшины принуждают

На сговор со Станиславом и Карлом?

Я ж, аки агнец меж волков, — в смятеньи...

И так сказал: "Решайте, воля ваша.

Как вы решите, так и поступлю".

Орлик

Ах, агнец! Думаешь хитрее Бога!

И я — не лыком шит, ни в темя бит.

Прельщаешь, а потом царю отдашь?

Не на того напал!

Мазепа (*бьет по столу рукой*)

Вот я — дурак!

Сам взял — и все открыл!

Орлик (*показывает на шкатулку*)

Еще не все!

В твоих бумагах спрятан договор

С Станиславом — сдать Украину Польше.

Мазепа (*вскакивает*)

Да!.. Был бы дураком, коль в эту смуту

Не преклонился к польской стороне!..

Все двадцать лет, служа царю, я сердцем
Считал себя слугою верным Польши,
А Малороссию — ее наследьем.

Орлик *(подходит к Мазепе)*

Иезуит!

Мазепа *(ему в лицо)*

Да, я — иезуит!

И униат! И шляхтич!.. И горжусь!

И я бы задушил Петра руками

Вот этими! Иль шведам сдал. И сам

Пошел бы с казаками на Россию!

Орлик *(пятясь от него)*

Ты сам признался в этом — берегись!

Мазепа *(хватает его за руку)*

Нет, Орлик, слишком много ты узнал,

Чтобы грозить. Теперь ты — мой, до смерти!..

Ты думаешь, что обхитрил Мазепу?

*(Выбрасывает на стол из ларца подарки Марии
и достает свитки, развернув один перед Орликом.)*

Вот, верный Орлик, списки всех твоих

Доносов на меня. Смотри!.. Писал

Яворскому?.. Бог видит все... глазами

Иезуитов!

Орлик *(падает на колени)*

Нет!.. Не может быть!

Мазепа

А я могу доносчиков уважить.

Орлик

Прости, ваша вельможность! Пощади!

Мазепа *(бьет его по щекам)*

Ты ж — писарь, правая моя рука.

Вот отсеки тебя — и я безрукий.

Орлик *(закрывая голову руками)*

Мой Бог! Я ж исповедался от страха,

Что стал причастен к замыслам преступным.

Мазепа *(садится к столу)*

Нашел духовника!

Орлик

Стефан Яворский —

Блюститель патриаршего престола!

Мазепа

Он — униат, со мной учился вместе...

(Разворачивает другой свиток из ларца)

Вот списки и с его черновигов —

Он песнь слагает о моей измене:

"Изми мя, Боже, вопиет Россия..."

Слагает, а царю о том молчит.

Орлик *(пораженный)*

Он — униат?.. Молчит?..

Мазепа *(бросает в ларец свиток и вещи)*

И Камень веры

За пазухой держит... Твой Яворский,

В согласьи с украинским духовенством,

Возвысить хочет церковь над царем.

И поощряет казаков донских

В борьбе за "истинную веру"!

Орлик *(крестится)*

Боже!

Все исповедники твои смутились!..

Ведь врешь!.. Все врешь!..

Мазепа *(подходит к нему)*

Никто не знает правды...

Я — духовник твой. Встань и укрепись!

Скажи спасибо, что ты — не кацап,

А чех.. Что значит имя Карл?.. Свобода!

Орлик *(встает с колен)*

Но он — мальчишка, сорванец, разбойник!

Охотится на зайцев в зале Сейма...

Мазепа *(перебивает его)*

А дал урок под Нарвой москалям!

Так, что пришлось колокола на пушки

Переливать антихристу Петру...

В осьмнадцать лет, Карл судьбами Европы

Распоряжается.

Орлик

И все же Петр

Остановил его?

Мазепа

Но под ногами

Петра горит бунташная земля.

Его — не нас — Карл сгонит за Урал.

Ему — законы будет диктовать.

А Украину, Сечь и Дон избавит

Навеки от московского ярма.

Орлик

А чем платить?

Мазепа *(кладет ему руку на плечо)*

Не заступать дорогу...

Так не упустим случая, мой Орлик!

Поднимем украинских казаков

И запорожских, и донских — и смело
Пойдем со шведами на москалей!

Орлик (*целует руку ему*)

Ясновельможный гетман, только ты,
Как подобает главному вождю
Малороссийского народа, сможешь
Спасти нас. И отныне я—с тобой!

Мазепа (*берет со стола крест*)

Клянись, что будешь верен мне!

Орлик (*целует крест*)

Клянусь!

Мазепа (*ставит крест на стол*)

Предсказывал когда-то Парацельс,
Что Золотой Лев Севера сразится
С Орлом и, одолев, притупит когти
Ему. И власть свою распространит
На Азию и Африку. И всюду
Он установит истинную веру.

Орлик

Вот только как бы Льва не заклевал

Орел...

(*Свет гаснет, высвечиваются Петр I и болван.*)

Петр

Mein Herze*! Князь Александр Данилыч,

Переиграл меня подлец Мазепа.

Такого игрока я упустил!

Он мог бы к нам не только Украину,

Но даже Польшу присоединить...

Войну готовя, рад вредить султан

России через казаков бунташных.

Мазепинцы с булавицами могут

Нас вынудить и с Портой воевать.

А корень всех измен и бунтов — Сечь.

Стереть ее и сжечь!

Болван

Мой государь!

Министр турецкого двора шепнул:

Пока что можно не бояться Порты.

*Mein Herze - мое сердце (*нем.*)

А запорожцев выкореню я!

Считай, что остров скрыт — и Сечи нет.

(*Свет зажигается. На эшафоте под виселицей — чучело*)

Мазепы. Рядом — палач и барабанистики, перед Петром I склонились в молчании украинцы и запорожцы, Мария лежит в беспамятстве. В стороне — за всеми наблюдают ксендз, Мазепа и Орлик.)

Петр (*читает свиток*)

"...Изменник и клятвопреступник гетман
Мазепа, позабыв страх Божий, тайно,
По уговору с шведским королем
И притязателем на польский трон
Станиславом, переметнулся к шведам,
Дабы, при их содействии коварном,
Всю Малороссию от нас отторгнуть
По-прежнему под польское владенье,
А церкви божьи — унии отдать.
За эти и другие злодеянья,
Дарованной нам властью, ныне мы
Снимаем гетманство с Мазепы!.."

Голоса

Любо!..

Петр (*читает*)

"...И казни предаем его личину
Через повешение!.."

Голоса

Любо!.. Любо!..

(Дробь барабанов. Палач вздергивает на виселицу чучело Мазепы. Шум одобрения.)

Петр (*читает*)

"...Оболганных изменником Мазепой
Радетелей народа Украины
Палея и — посмертно — Кочубея
И Искру мы помиловали..."

Голоса

Любо!..

Мария (*поднимает голову*)

Прости, отец, преступную любовь!

Ксендз (*в сторону*)

Смерть лицедея — тот же маскарад.

Мазепа (*Петру*)

А если Карла сдам, простишь?

Петр (*Мазепе*)

Прощу!..

Орлик (*читает свиток*)

"Был памяти панславной антицесар
Ясновельможный гетман наш Мазепа —
Малороссийских вольностей ревнитель.

Мы сохраним в сердцах единомыслье,
Неугасающую горделивость
До обороны нашей от неволи
Московской для себя и для потомков.
Чего желаю христианским сердцем
Всем малороссам. Орлик, гетман."

Петр (*Орлику*)

Цыц!

(*Слышен колокольный звон, церковное пение.*)

Голос (*вдали*)

И аще что мы свяжем на земле,
То будет связано на небесах.
Изменник сей и вор Иван Мазепа,
За клятвопреступленье перед Богом
И за измену перед государем, —
Анафема!

Голоса

Анафема, вовеки!.

Анафема!..

Петр

Личину сжечь дотла!
Мазепу Украина прокляла!
(*Палач поджигает чучело Мазепы.*)

З а н а в е с .

Картина пятая

ДОНСКАЯ ЛИБЕРИЯ

Май 1708 года

*Черкасск. Майдан у Воскресенского собора. Шумит круг.
В кругу — Зернищиков, Некрасов, Фролов, Лоскут,
Соколов и другие старшины, группы черкасских казаков,
булавинцев, раскольников. Вдали на Черкасских буграх —*

на шести кольях головы казненных.

Казаки *(между собой)*

Князь Долгорукий мстить пришел за брата!..
Сдадим Москве Кондрашку — царь простит!..
Вечер напали в бане на него...
В тюрьму сажают... Стал ходить с охраной...
За палец свой кривой — зол на весь мир!..

(Булавин из войскового куреня проходит в круг с булавой и кладет ее рядом с Евангелием на столешницу под знаменем, садится на скамью. Ананьин и охранники оттесняют от него казаков. Круг ведет писарь Соколов.)

Соколов

Ну, тихо!.. Атаманы-молодцы,
Наш войсковой трухмянку гнет.
Булавин *(дожидается тишины)*
От, блажь!..
Вас, казаки, и весь гулящий люд
Позвал я, чтобы вольно погулять
И постоять за веру и за Дом
Пречистой Богородицы с раденьем...
А вы разбой в Черкасске учинили?

Булавинцы *(шумят)*

Нет жалования!.. Позвал — плати!..
Раздеты и разуты!.. Голодаем!..
А старожилые жрут-пьют в три горла...
Пусть делятся!.. Не то отыдем силой!..
Булавин *(поднимает руку с кривым пальцем)*
Я вижу сам... Так больше жить нельзя.
Вот и собрал вас — будем думать вместе.

Казаки *(шумят)*

Навел в Черкасск гультяев — отвечай!..
Всех старожилых разоряют воры!..
А не уймешь — начнем их убивать!..
Плати им — чай, ограбили казненных!..

Булавин

От блажь!.. Ограбили!.. Я ж говорил:
Признались мне Максимов и Петров,
Что переправили в Азов пожитки.

Фролов

Да ты соврешь — недорого возьмешь.

Булавин *(старшинам)*

Что, атаманы-молодцы, вам любо ль
Отписку губернатору послать,

Чтобы вернул имущество донское?

Старшины

Согласны!.. Любо!.. Не отдаст.. Отымем!..

Булавин

Были бы зубы!.. А пока в Черкасске

На хлеб понизим цены — за мешок

По гривне.

Казаки (*ропцут*)

Даром?.. Разорил на нет!.

Булавин (*казакам*)

Вас не убудет!

Казаки (*шумят*)

И воюйте сами!..

Ссужать не будем!.. Не дадим коней!..

Булавинцы (*шумят*)

Побьем всех старожилых казаков!..

Спалим Черкасск!.. Добычу раздуваем!..

Зернщиков

Вы наживите — а потом дуваньте!

Коль воров не уймешь ты, войсковой...

Лоскут (*перебивает его*)

Ах, рог те в хайло!

Булавин

Осади, Лоскут!

Лоскут

Что, осади! Богатым потакаешь?

Их не прельстишь — и потеряешь нас.

А Зернщиков и нынче правит Доном.

Не наказной — а наказанье наше.

Казаки

Кондрат резов — возле чужих возов...

Холопов он купил на наши деньги...

Булавин

Кто куплен — тот холоп, а кто не куплен —

Вольный казак. А вы на царском хлебе —

Забыли, что и были казаками.

Поди, и сабли жиром заросли.

Казаки (*шумят*)

Посмейся!.. Сменим!.. Вшивокорм!.. Тума!.

Булавин (*старшине*)

А может, нам уважить недовольных?

Всех крикунов — в тюрьму!..

Некрасов (*перебивает его*)

Стой! Не пыли!..

Когда пошел от скудости раздор —

Пусти нас лучше погулять на море.

Булавин

Погодь, Игнат! Вот ежели губернатор
Толстой ужо нам не вернет пожитки,
Я сам пойду войною на Азов.

Некрасов

Тогда пусти на Волгу. Я Саратов
Тебе достану.

Булавин

Больно ты быстёр.

Лоскут

Да че на Волгу вы идти боитесь?
Я там со Стенькой Разиным гулял.
И я — прямой вам Стенька. Даже лучше!
Я — вож вам буду!

Булавин *(смеется)*

Вож или вожжа?..

Что, атаманы-молодцы, пойдём
На Волгу?.. Аль в Азов?

Старшины

В Азов!.. На Волгу!..

Лоскут

Куда наш атаман свой кинет взгляд —
Туда и головы свои мы сложим.

Фролов

Сложили... запорожцы Хохлача,
Когда на Битюге разбил их Рыкман.

Булавин

Пришлет нам Гордиенко запорожцев.

Лоскут

Сечевикам дай Боже воевати,
Да сабель не выимати.

Зернщиков

Кошевой
Их бережет до Карла... чтобы с ним
Пойти войною на Москву.

Булавин

От, блажь!..

Зернщиков

Про это знал Максимов от Мазепы.

Лоскут *(растерянно)*

А наши запорожцы за кого ж?
За шведов аль за русских?

Булавин

Все — за волю!

(На майдан входят Старченок и Томахин с крестьянами.)

Соколов *(крестьянам)*

Вы кто?

Старченок *(направляется в круг)*

Я — атаман Старченок, с Волги.

Про Нижний Новгород слышали?..

Булавин

Слышал.

Вы написали на стене кремлевской:

"И в Нижнем бунт, как в Астрахани, будет?"

Старченок

Погостевали в волжских деревнях.

В приказных избах все бумаги драли.

Казну — с собой, колодников — на волю,

Людей начальных — на правез всем миром.

И завели казачьи круги.

Булавин

И много красных петухов пустили?

Старченок

Нагнали страху на бояр проклятых,

Считай, от Нижнего до Костромы.

Томахин

Заворовался черный люд — без веры.

Булавин *(Старченку)*

Я вижу, и тобой не все довольны.

Старченок *(толкает Томахина)*

Вот взял его на Дон, чтоб вразумить.

Булавин *(Томахину)*

Ты кто ж, такой дремучий?

Томахин

Я?.. Томахин...

Христианин и землепашец... Был!

Да, вишь, прошла казацкая орда

Через мое село — и стал бродягой.

Стыду головушке!.. Бедно — а жили!

Вы ж — все порушили. А нам — латать.

Булавин

Пустой ты человек, Томахин.

Томахин

Я?

Булавин

Нет ничего в тебе, за что бороться.

Томахин

За жизнь земель...

Булавин *(перебивает его)*

Да разве это жизнь!
Привыкли кнут лизать — а мы кусаем.

Крестьяне (*шумят*)

Кусни!.. Крестьянин право окаянен...

Жизнь голодает — подати растут...

Вот и бежим, куды глаза глядят...

Булавин

А ныне все глаза глядят — на Дон.

Лишь казаки дадут крестьянам волю.

Томахин

Радетель!.. Ворон куру целовал —

До перышка последнего. Тьфу, пропасть!

Вся ваша воля — грех и стыд, и кровь!

Старченок (*Томахину*)

Аль прибыльщики лучше? Истошат,

Ограбят — и уйдут. Хоть помирай.

А помирать не смей — опять придут.

Все у крестьян — в гостях. А в благодарность

За это — нас живьем едят!

Крестьяне (*шумят*)

Живьем!..

Навьючат, оседлают да и пашут!..

Хужей, чем подъяремный скот!.. Доколь?..

Ну, человекоедцы, погодите!

Старченок

Мужик хоть гол — в руках его топор.

Терпенье лопнуло — и взбунтовали.

Вас, казаков, пришли на помощь звать.

Булавин (*старщинам*)

Что, атаманы-молодцы, пойдём

С крестьянами на Волгу?.. Аль в Азов?..

Старшины

Что тянешь на Азов?.. На Волгу!.. Любо!..

(*На майдан приходит Уразайко с башкирами.*)

Булавин

С какою вестью прибыл, Уразайко?

Уразайко (*входит в круг*)

Башкиры наступают на Казань.

Да хан Аюка преступил дорогу.

Вот и зовут донцов Алдар с Кусюмом.

Булавин

От блажь!.. Сколь хан Аюка попил крови!

Царь волю дал калмыкам грабить Дон.

Подарками поднял их на башкир...

И астраханцев... И у нас калмыки

Есть. Пусть орду Аюки нам прельстят
И повернут войною на бояр.

Старшины

Пойдем на Волгу — встретимся с Аюкой!..
Поможем и башкирам... И крестьянам...

Булавин

Так войском и приговорим.

Фролов (*Булавину*)

Не так!..

Ты что толкаешь Дон на преступленье?
Пошлем царю отписку — повинимся!

Булавин (*Фролову*)

Писали и винулись — царь смолчал.
И сам пошел на нас войной. На Дон
Привел полки Василий Долгорукий.
Станицы жгут и рубят казаков.
Никита Голый и Лукьян Хохлач
С Семеном Драным ждут от нас подмоги
В верховьях Дона...

Казаки (*шумят*)

Что нам эти воры?..

Мы разоренья не хотим!.. Винимся!

Отписку Долгорукому пошли...

Старченок

Надежи на царя такого нет!
Подменный он. Все предал поруганью.
Болванам заставляет поклоняться,
Какие на могилах у немчин.
И нас немчины учат — как нам жить.
И русские бояре переняли
Немчинские кривлянья и портки.
Как сами ряженные — так хотят
Нас, христиан, в козлища обратить.
Не выйдет! Нас немчинами не сделать!

Крестьяне (*шумят*)

Не будем их болванам поклоняться!..

Не станем бороды с усами брить!..

И тайные уды у баб... (*смех*)

Некрасов (*Соколову*)

Дай слово!

Соколов

Игнат Некрасов хочет говорить.

Некрасов

Пришел антихрист в облике Петра.

Он — из колена Данова жидовин.

Раскольники *(шумят)*

Антихрист от антихриста рожден...
Его отец, царь Алексей — был дьявол...

Некрасов

А сын его — на пушки перелил
Колокола. Он — враг церковных таинств.
А это значит — скоро Страшный суд.
Самим спасаться надо божьим людям,
И землю от антихриста очистить.
Пусть поведут за веру нас все силы
Небесные — рубить святым мечом
Антихриста-царя и всех его
Бояр, архиереев и немчин!

Раскольники *(шумят)*

Гнездо антихристово мы разрушим!..
Клянемся на Евангелии!..

Булавин *(поднимает Евангелие)*

Любо!
Ни царь, ни воеводы, ни немчины
Теперь над нами — лишь казачий круг.
И заповедь в Черкасске учиним —
Не вспоминать царя. На том клянемся!
Кто заикнется принести ему
Повинную — того казним!

Все *(целуют Евангелие)*

Клянемся!..

Булавин

Не поминать отныне и в соборе
Царя. И не служить по новым книгам.
И староверов впредь не называть
Раскольниками — а иначе смерть!

Все

Клянемся!..

Булавин

Кто ж воюет за царя
И норовит ножом ударить в спину,
Тех вышлем вместе с семьями в Кагальник.

Все

Клянемся!..

Казаки *(между собой)*

Не погибнуть бы!.. Бежим!..

(Часть казаков убегает с майдана.)

Фролов

А ежли не осилите царя,
Что делать?

Булавин (*Фролову*)

Выжить! И собой остаться...

Не на Дону, так на другой реке.

Некрасов

И ежли даже на Кубань уйдем,

То будем воевать с царем оттуда.

А и вернемся — только лишь тогда,

Когда падет последний русский царь.

Казак (*шумят*)

Зачем нам к басурманам?.. Не хотим!..

Порушат нашу веру...

Некрасов

Не порушат.

Мы сохраним и веру, и язык,

Уклад и норов. Лишь родниться с турком

Не надо.

Зерщиков

Нет! Мы с Дона не уйдем!

Булавин (*кладет Евангелие на стол*)

Уйдем, аль не уйдем — но атаману

Кубинских староверов-казаков

Савелию Пафомычу отпишем,

Почто заколыхалось на Дону.

Там много наших казаков донских,

И астраханцев после бунта — много.

Они окажут вспоможенье нам.

Что, атаманы-молодцы, пошлем ли

С отпиской Уразайку?

Старшины

Любо!.. Любо!..

Булавин

Добро!.. Поход азовский тоже нужен.

Азов нас держит под прицелом царским.

Зерщиков

Царь собирается в Азов.

Булавин

Стращает.

К июлю войско соберем большое...

Казак (*ропцут*)

К июлю нам сена косить на зиму...

Зачем тогда сейчас нас поверстал?..

Там бабы надрывают животы...

А мы здесь проживаемся...

Соколов

Ну, тихо!

Булавин

Пока вы попусту в кругу шумите,
Царь и бояре порешили тайно —
Отдать все наши городки по рекам
Хопру, Медведице и Бузулуку
Воронежской губернии...

Все (*возмущенно*)

Разбой!..

Мы не потерпим!..

Булавин (*поднимает руку*)

Остальные земли

В Азовскую губернию отдать.

Казаки

А нам — взлететь на воздух?.. Смерть боярам!

Булавин

Кому плевать на Дон, пусть сено косят.

А мы пойдем косить людей начальных.

Мы постоем за Дон!

Все

В Азов!.. В Москву!.

Булавин

Москву давно мы держим на уме.

Но надо нам тылы завоевать.

Азовские походы мне привычны.

При взятии Азова был я вместе

С Васильем Долгоруким и Мазепой.

И сам вас поведу в поход.

Зерщиков (*Булавину*)

Не рвись!

Тебе Черкасск опасно оставлять.

Походные найдутся атаманы.

Лоскут (*Зерщикову*)

Не ты ли?

Зерщиков

Хоть и я, или Казанкин.

Булавин

Что скажет круг?

Старшины

Казанкин!.. Любо!.. Любо!.

Булавин

Ну воля ваша. Так и порешим.

Жаль, что погиб лазутчик Акбулатка.

Его бы я послал прельстить азовцев.

Зерщиков (*Булавину*)

А в гарнизоне — брат мой. Он поможет.

Томахин (*Булавину*)

Куда склонится дерево — туда
Его и посекут. И ты склонил,
Кондрат, на плаху голову.

Булавин

Пусть рубят!

Но знают пусть, как злобить казаков.
Мы князя Долгорукого уважим,
Как его брата в городке Шульгинском...
Что, атаманы-молодцы, вам любо ль
Послать часть войска с Лоскутом на помощь
Семену Драному с Никитой Голым?
А бурлаков и староверов войско
Игнат Некрасов поведет на Волгу.
С крестьянами Старченка он поладит.
Башкиры удесятерят им силы.
И астраханцы снизу подойдут.
А на Азов пойдет в поход Казанкин...
Для верности — с Лукьяном Хохлачем.
Так, атаманы-молодцы? Прошу
Вас войскового поддержать. И я
Вас поддержу своею властью.

Старшины

Любо!..

Некрасов

Что, "любо"? И себя, и дело губим!..
Я первый глотку драл, чтоб войсковым
Ты стал, Кондрат. И что же ты творишь?
Как Разин, войско распыляешь. Нас
Драгуны по частям всех перетопчут.
Давай всей силою пойдём на Волгу!
Наделаем царю забот — и он
Уступит казакам...

Булавин (*прерывает его*)

А не уступит?

Казаки (*шумят*)

Некрасов прав!.. Погубишь всех!.. От, дурень!..

(Свет гаснет. Шум стихает. Высвечиваются только Булавин и Некрасов.)

Булавин

И ты, Игнат, пошел против меня?
От блажь!.. По горло сыт я атаманством.
Бунтуй, воюй, суди, казни — все плохо!
А что в душе — и знать никто не хочет.
Но я — ведь тоже Божий человек.
За каждый грех, свой и чужой, в ответе.

За что, Игнат, мне наказание это —
Встать над законами царя и Бога?
Душа перед расплатой цепенеет!
Некрасов (*обнимает его*)
Превозмоги судьбу свою, казак!
Тогда ты сможешь и казачий род
Спасти от гибели, и Дон, и Русь.
Что смута? Что война? Мы — мужики!
Обязаны и выдюжить, и выжить!
Но не пыли!

Булавин (*растегивает ворот*)
Душа ожесточилась...

Все силой держится. Не будет силы —
И разлетится мир ко всем чертям.

Некрасов

Да, силой! Но — с умом. Не напирай!
(*Свет зажигается. Шум в кругу оживает. Булавин поднимает знамя.*)

Булавин

За усмирение бунта астраханцев
Царь Петр пожаловал нам знамя это
Пречистой Богородицы. Мы ж с ним
Пойдем за волю, истинную веру —
Войною на бояр и на немчин.

Фролов (*кричит*)

Самоуправец — пуще, чем Максимов!

Булавин (*показывает на бугры*)

С Максимовым лишь пять старшин казнили,
А надо б — всех. Тогда б ты не кричал.

Фролов

Вы взяли власть — и под себя гребете.

И отделить нас от Руси решили.

Но все равно — мы только часть ее.

Должны оберегать ее границы.

А перестанем — всех погубит царь.

И ты, Булавин, в том повинен будешь.

Булавин (*опускает знамя*)

Ты, Фролов, больно хвост не распускай.

Не то пушу тебе я перья!

Фролов (*наступает на него*)

Пустишь!

Прошло то время, когда вольный Дон,

Как жить, не спрашивался у Москвы.

Булавин (*отталкивает его*)

Вот и пошлем тебя к царю —спросить.

Лоскут (*хватается за саблю*)

Да что с ним цацкаться! Срубить - и смолкнет!

Булавин (*останавливает его*)

Не тронь, Лоскут! На то у нас и воля...

От, блажь!.. И я по воле поступлю.

Ананьин!

Ананьин (*выступает вперед*)

Вот я!

Булавин (*Ананьину*)

Фролова — на цепь!

(*Ананьин и охранники хватают и вяжут Фролова, он сопротивляется.*)

Ананьин (*Фролову*)

Не рыпайся!

Казак (*шумят*)

Круг не решал!.. Сдурели!..

Фролов (*связанный*)

И самого тебя поймать недолго!

Самоуправец! Хоть сажайте в воду!

Но мое слово не умрет... Слепцы!

Вы отдали Черкасск такому вору!

И выбрали разбойников-старшин.

Постойте ж, скоро царь очистит Дон.

И ты, Кондрашка, лютой казни жди!..,

(*Фролова конвоируют из круга, Ананьин уходит с ним.*)

Булавин (*вслед Фролову*)

Я знаю, кто кричать вас подбивает.

Но нет у нас пути иного. Нет!

1-й казак (*кричит*)

Три брата вас — все в атаманы влезли.

И правите, как вотчиною, Доном.

Булавин (*оборачивается на крик*)

Меняйте войскового!

Зернщиков (*протяжно*)

Ты — наш вож!

2-й казак (*кричит*)

И кровь из нас сосешь, как вошь!

Булавин (*казаку*)

Порыкай!

2-й казак

Ты рот не затыкай, кизяк вонючий!

И на тебя затычка есть! Пришел

На Дон майор Василий Долгорукий.

1-й казак

Что, всем нам пропадать через тебя?

Булавин

И вас на цепь сажать?.. Придет Ананьин...

2-й казак

Всех не перекуешь... И мы можем!

У нас в согласьи много... Бей его!

(Два казака кидаются на Булавина, охранники хватают их, завязывается драка казаков и булавинцев.)

Булавинцы *(шумят)*

Измена!.. Берегите войскового!..

Вяжи подлюк!..

(Лоскут обнажает саблю, протискиваясь к нападавшим.)

Лоскут

Ах, рог вам в хайло! Суки!

Пусти!.. С дороги!.. Откушу башку —

И выплюну!..

Булавин *(за спиной Зернищикова)*

На цепь царевых псов!

1-й казак *(связанный)*

Ужо тебе рога пообломают!

2-й казак *(связанный)*

Зарежу, падла! В стремя... в душу... мать!

Лоскут *(размахивает саблей)*

Дай мне хоть рубль — я их срублю! .

Булавин *(Лоскуту)*

Не сме-е-ей!..

(Лоскут закалывает обоих казаков. Круг расступается.)

Соколов

Круг осквернили!.. Унесите мертвых!

(Убитых уносят с майдана.)

Зернищиков

Лоскут не может без кровопролитья!

Лоскут *(Зернищикову)*

Все тайные враги для войскового

Известны — в скорых числах им конец!

Казаки *(шумят)*

Да что же вы творите над людьми!..

Вот наказание Дона!.. Душегубцы!..

Вам отольется наша кровь!..

Соколов

Ну тихо!

Зернищиков

Мы в атаманы ставили Кондрата

Булавина — и вправе только мы

Снимать, казнить и миловать его.

И никому управы не позволим!

Булавин

Что ропщете? Что льете кровь напрасно?
Зря, что ль, войну царю мы объявили?
Не видите попоранье наших прав?
И тяготы царевы, и налоги?
Хотите этого ярма и впредь?
Казачью славу на посмех отдать?
Покончит царь со шведскою войной —
И руки у него освободятся
На вечную погибель казаков.
Я вас заставлю воевать за волю!
А ежели я от слова отступлю,
Вот сабля — голову мою снесите!
(Кладет свою саблю на столешницу.)
Не раз грозили мне враги и братья.
Но хоть убейте — не сверну с пути!
*(Ананьин вкатывает на майдан бочку вина. За ним —
Алина и охранники несут кружки.)*

Ананьин

Бочку вина за волю Фролов дал.
Ну я и заковал его покрепче.

Алина

Кончайте щеки дуть и глотки драть!

Булавин

Алина, цыц!

Алина

А шо? Я ж баба тэмна,
Я ж ничего не разумию.

Булавин *(стреляет из пистолы в бочку)*

То-то!

Гуляй, казак!

(Булавины первые бросаются к кружкам к фонтану из бочки.)

Булавинцы

Гуляй, гультаи!.. Любо!..

Лоскут (*пьет и запекает песню*)

О-ох, эх да, ведут парня в кандалах,

Воты да, парня молодого,

Ой да, ведут парня молодого,

Эх, казаченьку удалого.

Все (*подхватывают*)

Ой, жги, говори,

Комарики, комары!

Ге-е-ей!

Эх, как девка обулась в лопотки,

Воты да, бережком бежала,

О-ох, да она бережком бежала,

Все-то часты слезы роняла.

Ой, жги, говори,

Комарики, комары!

Ге-е-ей!

Ой да, ну постой, ну, ты погоди,

Эх, не роняй ты, девка, слезы.

Воты, не роняй ты, девка, слезы.

Да, этим кандалам нет сносу.

Ой, жги, говори,

Комарики, комары!

Ге-е-ей!

Лоскут (*один*)

Эх да, я боярина задушу,

Воты да, вновь к тебе вернуся.

Ой да, я опять к тебе вернуся,

С тобою крепко обнимуся.

(*Лоскут обнимает Алину, она его отталкивает.*)

Все

Ой, жги, говори,

Комарики, комары!

Ге-е-ей!

Эй да, как мы... к Булавину сбежим,

Вот, погуляем в Диком поле.

Ой да, погуляем в Диком поле,

Эх, заживем легко на воле.

Ой, жги, говори,
Комарики, комары!
Ге-е-ей!

(Свет гаснет. Шум стихает. Высвечиваются Петр I и болван.)

Болван

Мой государь, Камышин взбунтовал.
Раскольник вор Некрасов взял Царицын.
На Волге и на Каме беспокойно.
На Астрахань надежды снова нет.
Я спешно из Воронежа пошел
Навстречу возмутителям и ворам.
Поставил виселицы по дорогам
И пущих воров вешать повелел.
Как в бытность с ними поступал мой предок
Князь Юрий Алексеич Долгорукий.
Нам, Долгоруким, видно, жребий — черный.
А вселукавый дьявол вор Булавин,
Некрасова и Драного зовет,
Чтоб всею силой на Азов пойти.
Но спутал их казак Василий Фролов:
Списавшись с губернатором Толстым,
Их воровской табун угнал в Азов.
Булавину за дружбу, сколько хватит
Сил, буду я платить...

Петр *(перебивает его)*

Ты, князь Василий
Владимирович, на Черкасск спеши!
Всех, кто противится, руби нещадно!
А кто винится — обнадежь... пока.
А смерти брата своего не мсти,
Чтоб от молвы той хуже бы не вышло.
И пуще ока береги Азов
С Воронежем — нам флотом воевать.
Боюсь, как швед навалится на нас —
Так янычары сунутся в Россию.
Султан и Карл с Станиславом хотят
Россию от Прибалтики отбросить
И Петербург стереть с лица земли,
Отдать наш Север с Новгородом — шведам,
А туркам с крымцами — наш Юг и Дон,
А Украину и Смоленск — полякам.
А посему, по прежнему указу,
Жги воровские городки казачьи
По списку: сверху по реке Хопру

И по Медведице, и по Донцу,
И Бузулуку — все, Айдару — все,
Дрекуле — все, задонным рекам — все!
Либерию Донскую развели!
То Хаос тщится одолеть Порядок.
Я поверну российской жизни реку,
Вгону ее в крутые берега.
Хватай фортуны — одолей врага!

З а н а в е с .

Картина шестая

ВСЕШУТЕЙНЫЙ СОБОР

Июль 1708 года

Петербург. На крепости — желтое знамя с черным орлом и серебряный полуголый казак с саблей на винной бочке. На площади — пирамида, увитая хмелем и виноградными лозами, большие бочки с вином, лапти вместо светильников на столбах. Вокруг — ряженые: Петр I — барабанщик; другие действующие лица — боярин и боярыня в древнерусском платье, придворные в европейских одеждах и париках, епископ и игуменья, ксендз, немчины, турок, Бахус, козел, медведь, свинья. Все — с кубками, хмелем, трещотками, свистками. Распорядитель праздника — Куншт. Шум, смех, свист, веселье. Зал пушек с кораблей на Неве. Куншт трубит в трубу. Петр бьет в барабан. Площадь затихает.

Куншт

Зер гут! Мы начинаем всешутейный
И сумасброднейший, и всепьянейший
Собор во славу Бахуса!

Все

Виват!..

(Шум, свист, ликование. Бахус раскланивается. Раздается колокольный звон. Из церкви Святой Троицы выходят в мантиях Булавин и Алина. Над их головами фавны несут венцы. За ними — пьяные казаки в одеждах кардиналов с изображением Бахуса на груди. Бахус приветствует их шестие ударами большой деревянной ложки о бочку. Новобрачных осыпают хмелем. Куншт подводит их к бархатному красному креслу.)

Куншт (Булавину)

Ты веруешь ли?

Булавин (как во сне)

Верю.

Куншт

Пьешь ли?

Булавин

Пью.

Куншт

Ложись ли спать трезвым?

Булавин

От, блажь!.. Нет!

(Козел осеняет его сдвоенными, в виде дикирия, чубуками.)

Куншт

Приемлешь ли избранье всешутейным

Первосвященником верховным?

Булавин

Да.

(Медведь и свинья надевают на него белую скуфью и жестяную митру, вручают ему жезл.)

Куншт

Зер гут!.. Отныне миру возвещаем
Великую и радостную весть:
Князь-папа — атаман Кондрат Булавин,
Наш всешутейный патриарх Донской,
Московский, Петербургский и всея
Реки!

Все *(шумят)*

Виват!

(Зал пушек, ликование, треск фейерверков, Булавина сажают на папское кресло.)

Куншт

Да славится его
Супруга всешутейная!

Все

Виват!

Куншт

А также атаманы-кардиналы,
Обжоры, воры, пьяницы!

Все

Виват!

(Бахус черпает ложкой вино из бочки, Алина подносит с поклоном кубки ряженым.)

Петр *(Булавину)*

Глинтвейну выпьешь, папа?

Булавин

Мне бы водки.

(Бахус подает Петру большой кубок, и Петр, преклонив колено, подносит его Булавину.)

Петр

О, всешутейное преосвященство,
Благословенья твоего нижайше
Прошу, раб и холоп твой, протодьякон
Петрушка Алексеев.

Булавин *(в сторону)*

Впрямь подменный!

Петр

Прими сей кубок Бахуса! И знай,
Что ты — отец князей и государей,
Ты — примиритель всех обжор и пьяниц,
Наместник бога Бахуса. Ты — наша
И вера, и надежда...

Бахус *(перебивает его)*

И запой!

Все

Запой!.. Запой!.. Да здравствует запой!..

Бахус

Пей, не жалей! Чтоб пелось веселей!

Все (идут по кругу, пьют и поют.)

Свяжи, Хмелю! Ты милее причащенья.

Свяжи крепче! Всех плодов земных сильнее.

Свяжи пьяниц! Богородицей рожденный.

Свяжи, Хмелю! Свяжи крепче!

Свяжи всех пьяниц!

Поми-и-луй на-а-ас!

Булавин

Во, богохульники!

Петр

Страшнее воры!

Булавин

В отписках мы клялись служить тебе.

Петр

Да кто ж поверит фитилю в подкопе?

Уж я спущу дурную вашу кровь!

Булавин

Мы — тоже семя Божье.

Петр

Вы — сорняк.

Булавин

Без перекати-поля вымрет степь.

Без нас забудут, что такое воля.

Петр

Казак — поперек горла государству.

Булавин

Ну ежели так — мы войском реку Дон

Тебе уступим и уйдем.

Петр

Попробуй!

Булавин

А будешь разорять станицы наши —

И мы начнем противиться тебе.

Петр (кланяется ему)

Не гневайся, владыка всешутейный!

Давай с тобою выпьем... за вражду!

(Резко чокаются кубками и пьют.)

Куншт (трубит)

Подходим для благословенья к папе!

(Медведь подводит к Булавину боярина и боярыню.)

Боярин *(Булавину)*

Благослови нас, всешутейный князь!

Булавин *(поднимает жезл)*

Воздастся вам, изменники-бояре.

На ваших шеях будут сабли наши!

Боярин *(на коленях)*

Помилуй, всешутейный, пощади!

Когда-то мы, бояре, были в силе,

Да вот немчины нас сменили. Царь

Отдал нас в кабалу торговым людям.

Боярыня

Дня не сидит, а мы за ним — скачи.

Освой, поди, французский политес!

И что еще надумает — не знаешь.

Боярин *(встает с колен)*

Живем чужим умом, свой — на потом.

Замучил царь, нет мочи. Поскорей бы

Его сменил царевич Алексей.

Он казаков пожаловать готов.

Петр *(хватает его за бороду)*

Клевещешь!

Боярин *(падает на колени)*

Отче наш, ты, Петр Великий!

Нас от небытья в бытье ты привел.

Мы до тебя в неведении были,

Не имущи, не знающи, не пимши.

И все последними нас нарицаху.

Аминь! *(крестится)*

Петр *(срезает его бороду ножом)*

А грех искупишь бородой.

Боярин

Ой! За нее ж я пошлину плачу!

Петр *(прячет бороду и нож в карман)*

Не плачь! Ум — в голове, не в бороде.

И бороду раскольнику я срежу,

Хоть он — и папа.

Булавин *(хватается за бороду)*

С мясом?

Петр *(смеется)*

С головой!

(Входит Аннушка.)

Аннушка *(Петру)*

Лесть идольская — празднованье это!

Придут на вас двенадцать трясовиц:

Трясея и Огня, и Ледея,

Ломея и Пухпея, и Желтея,
Грынуша и Гнетея, и Глухея,
Каркуша и Глядея, и Невея.
Порушат ваши новые введенья,
Антихристовы ваши искушенья!

Петр

Вон с глаз, бесица!

Аннушка

Сатану не сглазишь.

Петр *(в конвульсиях)*

Дочь Ирода!

Аннушка

Нет, ты — не Отче наш. *(Аннушка уходит.)*

Куншт *(трубит)*

Подходим для благословенья к папе!

(Козел подводит к Булавину епископа и игуменью.)

Епископ *(Кланяется)*

Благослови нас, патриарх Донской!

Булавин *(поднимает жезл)*

Что, пастыри духовные, козлища,

Вы молитесь Петру и Кабаку?

Что ересью прельстились богомерзкой —

Латинской, лютеранской и кальвинской?

Дон православный покарает вас!

Епископ *(на коленях)*

Помилуй, сумасброднейший! Как ты,

Глумленье терпим от еретиков.

Коллегум царский веру извратил.

Игуменья

Да с Никоном царица-мать сблудила

В темнице — и родился темный царь

Епископ *(встает с колен)*

На тайну исповеди замахнулся:

Выведывать велел у прихожан

О бунтах — и в приказы доносить.

Мы доверяли до Петра — душе,

Теперь — глазам. Одна у нас надежда —

Царевич Алексей — ревнитель веры.

Ксендз *(подходит к Булавину)*

Церковь-душа, а государство — тело, —

Так учит папа.

Петр *(хватает его)*

Стой, иезуит!

Фу, бабой пахнет! Все вы, ксендзы, — рыхлы.

Ты, брат, — зело ученый. Только вера

Твоя — для тайного обогащенья,
Чтоб папа твой был над государями.

Ксендз (*вырывается*)

Да, папа — царь царей, владык владыка.

Петр (*показывает ему кукиши*)

А на-кась-выкусь! Царь России — Божий

Памазанник, и туфлю он у папы

Не будет целовать.

Ксендз (*в сторону*)

Века покажут.

Петр (*кивает на Булавина*)

И этот, всешутейный, возомнил,

Что может самодержцев низвергать.

Булавин (*Петру*)

За веру и за волю встал я.

Петр

Воля

И вера — несовместны!

Булавин

От, блажь!.. Как эт?

Петр

Мы все — рабы. Все — рабы Божьи! Понял?

Не понял дьявол — и низвергнут в ад.

Булавин

Царь — раб?

Петр

И царь.

Булавин

Но я — не раб раба!

Петр (*поднимает кубок*)

Так выпьем же за вольного князь-папу!

(*Шум, ликование, свист.*)

Все

Виват!.. За вольного князь-папу!.. Любо!..

(*Все идут по кругу, пьют и поют.*)

Свяжи, Хмелю! Красоту лица ты сводишь.

Свяжи крепче! С женой мужа разлучаешь.

Свяжи пьяниц! В дом приносишь разоренье.

Свяжи, Хмелю! Свяжи крепче!

Свяжи всех пьяниц!

Поми-илуй на-а-ас!

Куншт (*трубит*)

Подходим исповедываться к папе!

(*Свинья подводит к Булавину пьяных кардиналов.*)

1-й кардинал

Кондрат, узнал меня? Да, я Лоскут.
Я чудом из-под гибели ушел.
Изюмский бригадир Шидловский, вкупе
С полками Компанейским и Полтавским,
Разбил нас на Донце и Бахмут выжег.
И Семка Дранный в том бою погиб.

Булавин

От блажь!.. Лишь на него была надежда.

2-й кардинал

Очнись, Кондрат!

Булавин

Игнат? Некрасов? Ты ли?

2-й кардинал

Беда! Бежать осталось на Кубань.

Царицын и Саратов, и Камышин

Отбили государевы полки.

Как подошли к Царицыну калмыки,

Я, пушки захватив, хотел уйти

На Аграхань. Но возмутился круг,

И бурлаки побили казаков.

Уводим с Дона вольницу! Решайся!

Булавин

Что я? Решает только круг в Черкасске.

(Петр подходит к Булавину с немчинами.)

Петр

За вас решит мой, иноземный круг.

Булавин *(Петру)*

Твои немчины — те же казаки.

В семи ордах, в семи морях служили.

1-й немчин *(Булавину)*

Вся разница лишь: перекати-море?

2-й немчин

Там и отечество — где хорошо.

Петр

И государь Иван Васильич Грозный

К нам иноземцев призывал служить.

А он — всем русским самодержцам папа!

Булавин *(кивая на Куништа)*

Вот и твой пир — немчины правят.

Петр

Цыц!

Кнутмейстер Куншт — лишь маршал маскарада.

Булавин

А не бунтуй — ты б онемечил нас.

Петр

Ты на Восток глядишь, а я на Запад.
Ты — в степь, а я на море...

Булавин (*перебивает его*)
Из степи?

Петр

Не чувством надо жить, а головой.
Тогда не будем отставать от мира.

Булавин
В неволе отставать?

Петр
Вам воля — дикость.
А я хочу, чтоб россиянин мог
Гулять по миру.

Булавин (*в сторону*)
По миру пустить...

Петр
Вас за уши тяну из нищеты —
Вы ж упираетесь. Что, так и будем
Мы нищими на золоте сидеть?
Сквозь страшные препятствия иду.
Грозят снаружи швед, поляк и турок.
Внутри — казак, раскольник, инородец.
Крестьяне отложились от земли.
На пепелищах — печи в лопухах.
Я Диким Полем вижу всю Россию.
Вы налетели баламутным ветром —
И зашумевшую листву сорвали.
Но не свалить державные леса.
Я вас смирю! Заставлю вас работать,
За новую Россию умирать!

Булавин
А мы и так уж загнаны до смерти.
От тягостей твоих — босы и голы.
Ты не со шведами воюешь — с нами,
С жестокостью безмерной...

Петр (*перебивая его*)
Несовместны
Великость духа и многосердечье.

Булавин
Свой крест несешь, ступая по крестам.

Петр
Все новое рождается в крови.

Булавин
Погибнуть могут в муках мать с дитем,
Когда не в срок плод из утробы тянут.

Петр (*поднимает кубок*)

О, всепьянейший, выпьем за тебя!

Все

Виват!.. За всепьянейшего князь-папу!..

(Все идут по кругу, пьют и поют.)

Свяжи, Хмелю! Тонки ноги, толсто брюхо.

Свяжи крепче! Ты в руках всю землю держишь.

Свяжи пьяниц! Голове твоей нет равных.

Свяжи, Хмелю! Свяжи крепче!

Свяжи всех пьяниц!

Поми-и-луй на-а-ас!

(К Булавину подходит турок.)

Булавин

И ты на этом пире, Уразайко?

Турок

В Казани князь Хованский нас прельстил —

Пообещал нам милость государя.

И даже хан Хазия повинулся.

Пришлось башкирам целовать коран

На верность русскому царю.

Булавин

От, блажь!..

Да можно ль верить прелести боярской!

Турок

Теперь уже мы никому не верим.

И те же воеводы грабят нас,

И тот же комиссар Сергеев мучит.

И на своих пошел тайша Кусюм.

Один Алдар зовет башкир на бой.

Булавин

А что султан турецкий?

Турок (*озирается*)

Берегись!..

(Козел подводит к Булавину черного кардинала.)

Черный кардинал

Кондрат!

Булавин

Хохлач?

Черный кардинал

Убит я под Азовом

Походным атаманом.

Булавин

Что, измена?

Черный кардинал

Наш заговор в Азове не удался:

Боярину Толстому донесли.
И нам никто ворота не открыл.
Мы трижды шли на приступ — все напрасно.
Так били пушки — не поднять голов.
Но мы Азов бы взяли, да Казанкин
Изменой с конницей бежал в Черкасск,
А запорожцы — в Сечь.

Булавин

Прости, Хохлач!

Обнимемся!

Черный кардинал (*отходит*)

Еще не срок.

Булавин (*ему вслед*)

Но знай,

Мы вольницу царю не отдадим.

Петр (*Булавину*)

Ты с кем, со мною вздумал воевать?

Булавин

Когда в огне — не трусят защищаться.

Петр

Свою судьбу ты бросил сам в огонь,

Сжигая Бахмутские солеварни.

Плел сети. Связывал свой бунт донской

С башкирским, астраханским, украинским.

Прельщал Поволжье и Кубань, и Крым.

Все думал: ты — паук! А ты — лишь мошка

В той паутине, что плели враги.

Не зря же турок, шведов и поляков

Так радуется Либерия донская.

Но князь Василий Долгорукий живо

Очистит Дон от воров-казаков.

А долгих рук у самодержцев много!

Булавин

Моя душа не ведала корысти...

С отчаянья — на клятвопреступленье

Пошел я, чтобы волю отстоять,

Пусть не на жизнь, так хоть на смерть свою.

Вы сами не по совести живете,

Которую придумали для нас.

А чуть мы ваши правила нарушим —

Готовы нас анафеме предать...

Но быть чужой игрушкой — полбеда.

Страшней, когда моими же руками

Чинится зло — и не пресечь! И только

Еще душа вольна роптать...

Петр (*перебивает его*)

Притворщик!

Булавин (*крестится*)

Вот крест...

Петр (*показывает ему свиток*)

А вот письмо твое кубанцам.

Не ты писал, чтоб мне султан турецкий

Отнюдь не верил в мирном состояньи?

Что я на турок корабли готовлю

И всякий воинский снаряд... Писал?

Преступник! К туркам вздумал отложиться!

Хотел отдать врагу Азов — за волю?..

Булавин

За волю Стенька Разин воевал.

А я — за вольный люд. Нас не сломаешь!

Уйдем за море вольными людьми.

Петр (*поднимает кубок*)

Что ж, выпьем на дорожку!

Булавин (*подходит к Бахусу*)

Стременную!

(*Бахус наливает ему вино в кубок, увлекает его в круг.*)

Все (*поют*)

Свяжи, Хмелю! С кем подружишь — не отстанешь.

Свяжи крепче! Дрожат руки, гнутся ноги.

Свяжи пьяниц! Пьешь — и дух горит от жажды.

Свяжи, Хмелю! Свяжи крепче!

Свяжи всех пьяниц!

Поми-и-луй на-а-ас!

(*По знаку Петра медведь сталкивает захмелевшего Булавина в бочку, он выскакивает из нее — весь в красном вине.*)

Булавин (*Петру*)

От, блажь!.. Ты долго будешь издеваться!

Петр (*смеется*)

Ну, нагулялся — весь в крови! Князь черни!

Булавин (*трижды осеняет его крестом*)

А ты — князь тьмы! Вся Русь — как ад!.. Чур!.. Чур!..

Петр (*корчится в конвульсиях*)

В моем аду — твой старший сын Никитка

И брат Иван, и вся твоя родня —

Кровавою мольбой нас потешают.

Булавин (*кричит*)

Ники-и-итка!.. Батьку прокляни!..

Детский голос (*в ужасе*)

Не-ет!.. Не-ет!..

Булавин (*Петру*)

Ты... и жену мою... с младенцем!.. мучишь?

Петр (*кивает на Алину*)

Тс-сс!.. Всешутейная жена услышит.

Булавин (*отпрянув*)

Царь подменен на дьявола!

Петр (*кричит*)

Огонь!

(Раздается одиночный выстрел.

Пауза.)

Алина (*бросается к Булавину*)

Кондрат, мне страшно!

Куншт (*трубит*)

Время брачной ночи!

Петр (*Бахусу*)

Глинтвейну!

(Бахус наливает вино, два фавна преподносят новобрачным два больших кубка в виде мужского и женского половых членов.)

Булавин (*как во сне*)

Закурганная?.. От, блажь!..

Чаша сия не минула меня.

Петр (*поднимает кубок*)

В оздравье всешутейных молодых!

Все (*шумят*)

До дна!.. В оздравье!.. Горько!.. Горько!.. Любо!..

(Булавин и Алина пьют до дна под шум и ликование, целуются и входят в пирамиду. Алина снимает с себя и Булавина мантии и ложится с ним на рогожу. Ряженые ходят вокруг и подглядывают в щели за ласками молодых. Медведь, козел и свинья отгоняют любопытных. Бахус играет на флейте. Свет гаснет. Все стихает.)

Алина (*в темноте*)

Коханный!.. Сладкий!.. Ненасытный мой!..

Не слушаешь меня... Ушли бы в Польшу...

Булавин (*в темноте*)

Ты не меня, ты полюби — мое...

Алина

А что твое?.. Кондрат, очнись! Беда!

(Нарастает шум. Высвечиваются Булавин и Алина.)

Булавин (*очнувшись*)

Кошмарный сон!.. И крикнул царь: огонь!..

И выстрел... Перепил вчера... Но пуля

Уже летит в меня?..

Алина

Вставай, Кондрат!

Измена! Зернщиков смутил Черкасск.

Нас окружили. Требуют тебя.

Охрана перебита. И палят
Из пушки. И грозят поджечь курень!

Булавин (*поднимается*)

От, блажь!.. Живьем не дамся. Я — не Разин...

(Из темноты появляется Ананьин, протягивает Булавину пистоль.)

Ананьин

На, войсковой.

Алина (*кричит*)

Ананьин, не стреляй!

(Ананьин стреляет Булавину в голову и исчезает в темноте.)

Булавин (*хватается за висок*)

Сон — в руку... Пуля долетела... (*падает*)

Алина (*бросается к нему*)

Не-е-ет!..

(Из темноты появляется Уразайко с кинжалом и закалывает Булавина в живот.)

Уразайко (*прячет нож*)

Ответ султана на твое письмо. (*Уразайко исчезает в темноте.*)

Алина (*в слезах*)

О, Матка Боска! К пуле — да кинжал!

Ах, плачьте, очи! Рвись, душа, за ним!

Умри же, сердце! Тело, будь землей!..

(Из темноты появляются Зернщиков и Соколов.)

Зернщиков (*склонившись над Булавиным*)

Живым бы — от царя мы откупились.

Соколов (*вкладывает в руку Булавину пистоль*)

Он застрелился сам... Пошли, Алина!

(Соколов с Алиной исчезают в темноте.)

Зернщиков

Мы не Булавина убили — волю!

(Из темноты появляется Некрасов.)

Некрасов

Убрал соперника?

Зернщиков

Он застрелился.

Некрасов

А после закололся?.. Власть — твоя.

Зернщиков

Нет, я предпочитаю быть вторым,

Тогда к услугам — удила и шпоры

Правителями править, и в пути

Их заменять, как лошадей прогонных...

Не понял он, что пробил час виниться.

Дон разорит за брата Долгорукий.
Ты на Кубань решил бежать? Беги!
А мы умрем, а с Дона не уйдем!

Некрасов *(склонившись над Булавиным)*

Прости, Кондрат! Не разглядел Иуд.
Прощай! Но мы сюда еще вернемся,
И отомстим за Дон и за тебя.

(Свет зажигается. Зерничиков кланяется Петру, сидящему в кресле папы и поыхивающему трубкой. Все ряженные — на прежних местах.)

Зерничиков

Великий государь, тебе всем войском
Донским приносим мы свои вины!
И просим милости твоей. И впредь
Служить тебе готовы, как и прежде.
Помилуй нас, твоих холопов!

Петр

Воры!

Полно шпионов — а живым не взяли.
В солдаты — Соколова, на войну!
Ананьина — в Приказ Преображенский!
А Зерничикову — голову срубить!

(Зерничикова, Соколова и Ананьина, в мантиях кардиналов, солдаты уводят под конвоем.)

Боярин *(Петру)*

По случаю такого окончанья
Донского воровства — салют?

Петр

Не сметь!

Епископ *(Петру)*

Анафеме Булавина предать?

Петр

Цыц! Дурости такой не учиним,
Как при родителе моем покойном.
Анафема! Не много ль чести вору?
Четвертовать в Черкасске, на майдане.
А руки, ноги, голову — на колья.
И довести до сведенья послов
Всех иностранных государств об этом,
Чтобы не ждали льгот от наших смут.

Немчины

Зер гут!..

(Входит Аннушка, склоняется над Булавиным.)

Аннушка

Лежал на море-окияне,
На острове-Буяне, горяч камень.

На камне том сидела Божья мать.
Иглу в руке держала золотую.
Живою ниткой зашивала рану.
Тебе, кровавой ране, не болеть!
Тебе, горячей крови, не бежать!
Аминь! (*крестит Булавина*)
(*Свет гаснет, высвечиваются Петр I и болван.*)

Болван

Мой государь, бежал раскольник
Некрасов с казаками на Кубань.
А на Дону опять какой-то вор
Булавиным назвался — и бунтует...

Петр(*перебивает его*)

Князь Алексей Данилыч! Бесов — тьма!
Взъярились все мятежные стихии.
Господь, спаси и сохрани Россию! (*крестится*)

Занавес

Конец.

Июнь 1992

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Из сборника «Полынь», 1983 г.

* * *

В деревне одной подмосковной,
Куда приезжаю порой,
Спешу, словно к матери кровной,
К березе с шершавой корой.

Не встретит родня на пороге,
Не бросится радостно пес,
Но ждет, как всегда, у дороги
Единственная из берез.

* * *

Весна опаздывала,
Весна проказничала,
Весна капризничала,
Была ершистой.
А нынче, важничая,
Деревья сумрачные
Покрыла праздничною
Листвой пушистой.

Морозы выстояла,
Все рамы выставила,
Дома все выкрасила,
Сердца открыла.
Влюбленных парочками
Под всеми арочками,
Под всеми звездочками
Соединила.

* * *

Говорят, кто растет,
Тот летает во сне.
Хоть и возраст не тот,

Но летается мне.

От земли оттолкнусь,
Резко ноги согну -
И всем телом тянусь
И лечу в вышину.

Будит встречный поток
Торжество без границ.
Может, этот восторг
Мне достался от птиц?

Или вновь у меня
На душе так легко?
Иль от юности я
Не ушел далеко?

С ликованием в груди
Я проснусь поутру.
Снова - жизнь впереди,
По плечу, по нутру.

* * *

Н.Ш.

Далекие очи
Минувших ночей,
Укрыться нет мочи
От ваших лучей.

Никак не забуду
Я этой весны.
Слетают оттуда
Ко мне мои сны.

Там смуглым сияньем
Светилась луна
И вешним желаньем
Цвела тишина.

Там в облаке мятных
И теплых волос
От чувств необъятных
Дыханье зашлось.

Там ветки качали
За окнами ночь
И птицы кричали
С утра во всю мочь.

ЕРМАЧОК*

Татары же сразу побросали копья свои и побежали за реку Вожу, а наши стали преследовать их, рубя и коля, и великое множество перебили их.

Рогожский летописец XV века.

Еще солнце над Ордой не закатилось,
Еще поле Куликово не дымилось,
Но пропели трубы сборы над Москвою -
В каждом доме оказалось по герою.

Обломали когти хищному Асану,
И Булата окунули в речку Пьяну,
И на Волге затравили псом Тагая -
И взыграла желчь у дикого Мамая.

Налетел он, словно смерч, на Русь святую,
Попирал ее копытами, лютуя.
Оставлял он от жилища пепелища -
Да споткнулся черный волк у Городища.

Охладил его туман у речки Вожи,
Колокольный звон кольчуг его встревожил.
Там могучий Ермачок с богатырями
Черной тучей поднимался над врагами.

* Ермачок - герой первого серьезного столкновения в 1378 году на реке Воже сил Мамая с войском великого князя московского Дмитрия Ивановича.

За дружиной оцетинилась дружина,
На плеча передним копья положила.
Знамя Дмитрия над ратью встрепенулось -
И земля, почуяв битву, содрогнулась.

Захрапели кони, затряслась лощина.
Загалдели воры в чертовых овчинах.
И нахлынули на них шеломы лавой,
И пошли полки за волей и за славой.

Смело бился Ермачок необоримый,
В кожухе замороженном - неранимый.
Белый конь его, взлетая над врагами,
Сокрушал их искрометными ногами.

Обагрились кровью воды речки Вожи -
И ордынцы побросали свои вежи*.
И татары проклинали, удирая,
Смелых русичей и своего Мамая.

Обезумевшее стадо властелинов
Ермачок загнал в болотную трясину.
Его сабля, словно молния, разила...
Но болото и героя поглотило.

С той поры в полночный час в канун сраженья
По-над Вожей Ермачково слышно пенье
Об орлиной вольной Родине любимой,
Ратной удали ее неодолимой.

* Вежа - кибитка, шатер кочевника.

* * *

Зимою эха не бывает.
Неразговорчивы леса.
В их снежных чащах застывают,
Не отзываясь, голоса.

Неужто мы под старость тоже
Так успокоимся в тиши
И нас никто не растревожит,
Не докричится до души?

* * *

Из-за стога светится
Солнце полусонное,
Вышло лишь отметитья,
Греть уж не способное.

Хороши края мои
Просветленной осенью -
Пашнями багряными,
Небесами с проседью,

Пыльными дорогами,
От машин уставшими,
Теплыми отлогами,
Солнышком пропахшими,

Пестрыми дубравами,
Устланными листьями,
Выжженными травами,
Заводями мглистыми...

1962 г.

* * *

Какой простор, какая гладь!
Здесь можно разгуляться вволю.
Вернулся я сюда опять,
Истосковавшись по раздолью.

За тенью беркута бежал.
На посвист суслика ответил.
В моих ногах щенком визжал
И путался мохнатый ветер.

На войлоке полынь-земли
Холмы верблюдами застыли.
Тревожным маревом вдали
Сайгаки мчались в клубах пыли.

1969 г.

КАСПИЙ

Старый Каспий вновь бушует,
Расшумелся - не унять.
По простору он тоскует,
Берега готов прорвать.

Как затравленный в капкане,
Ощетинил гриву волн.
И разжевывает камни,
Издавая вой и стон.

Путь к Дербенту бурей заперт.
Вал над сейнером висит.
Вдруг рыбак скатился за борт.
“Пощади, отец!” - басит.

А в ответ летят проклятья
Злого моря на пловца:
“На себя теперь пеняйте!
Больше нет у вас отца.

Все богатства я теряю.
Недалеко до беды.
Задыхаюсь, засыхаю,
Не хватает мне воды.

Сколько было рыбы красной -
Только видится во сне!
Все с отца содрать горазды!
Все с меня! Когда же мне?

Стало море - поколено.
Что же тонешь ты, чудак?..”
Канул парень в бездне пены.
А везучий был рыбак.

Каспий вздрогнул, оступился,
К сыну бросился в слезах.
О корму от горя бился.
Поседел весь на глазах.

Пробасил гудок рыбачий,
Так, что берег обомлел.
Весь колхоз о парне плачет.
Кто бы море пожалел?

* * *

Когда, горя от нетерпенья,
Я вдруг за горизонт шагнул
И там, в четвертом измеренье,
Невольно Время всколыхнул,

Вдруг содрогнулся бурей воздух,
И горы с места подались,
И с неба огненные звезды
Просыпались, как угли, вниз.

И вся земля заколебалась,
И наклонился небосвод,
И чаша моря расплескалась,
И мрак сошел на бездну вод.

И в свете молнии мгновенной,
Сквозь гром и град, и дым, и тьму,
Вдруг основание Вселенной
Открылось взору моему.

* * *

Край мой - Астрахань,
Где айвовый сад,
Где засахарен
Дух Больших Исад,*

Где фонтаном бьет
В зной арбузный грог
И духмяный льет
С осетров жирок,

Где суха тарань,
Где полынный плес...
Крепко в Астрахань
Я корнями врос.

* Большие Исады - главный базар в Астрахани.

* * *

Моя звезда едва заметна.
Лишь только выйду из ворот -
Она мерцает мне приветно,
Куда-то манит и ведет.

От радости моей сияет,
Тускнеет от беды моей.
Меня в пути не оставляет -
И я ей предан с юных дней.

* * *

А.М.

Мы духом страждущим богаты.
Летим, мой друг, пока крылаты,
Пока светло и даль ясна,
Пока на улице весна!

1970 г.

* * *

Нам много снилось-переснилось,
Чтобы забыть.
Кому в семнадцать не любилось -
Не полюбить.

Уже я очень смутно вижу,
Что позади.
И все отчетливее слышу
Я боль в груди.

Но лишь душа и днем и ночью
Чего-то ждет.
И я признателен ей очень,
Что не сдает,

Что с упоением замирает
На выражах,
Мои шаги не замедляет
На этажах.

* * *

А.Н.

Не мне судить тебя сурово.
Не раз вернешься ты в предел,
Где хлеб и друга ты имел
И вздох участливого слова.

Упрямый, черный и печальный,
Ты там, где на берег песчаный
Волнами катится Цимла,

Где, пьян от воздуха степного,
Летал я, чуя два коyla.
Мне так хотелось неземного!

1970 г.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Как хорошо - гроза промчала!
И солнце вырвалось из туч.
И радугу рисует луч,
Как будто мир творит сначала.

И тихо плавно полетела
пушинка тополя в зенит.
Сад разогнулся и звенит.
Воспрянули душа и тело.

Легко вздохнулось полной грудью.
А воздух - словно мед на вкус.
Почуял силу каждый куст.
И даль светла, и путь не труден.

1981 г.

* * *

Солнышко едет на туче верхом.
Девочка куклу целует тайком.
Смотрит - а юность уже у ворот.
Девушку под руку парень берет.

Солнышко едет на туче верхом..
Девушка парны милует тайком.
Что это - зрелость уже у ворот?
Кукла живая уснуть не дает.

Солнышко едет на туче верхом.
Женщина мужа ревнует тайком.
А бабье лето уже у ворот.
Мать свою дочку до полночи ждет.

Солнышко едет на туче верхом.
Бабушка в зеркало смотрит тайком.
Вот она, старость - уже у ворот.

Бабушка на руки внучку берет.

Солнышко едет на туче верхом...

ТРОЕ

*Памяти Героев Советского Союза,
летчиков-космонавтов
Ю.Т. Добровольского,
В.Н. Волкова и В.И. Пацаева*

Лишь только в полночь отзвонят
Часы огромные,
Они неслышно отворят
Щиты надгробные.

Втроем шагают вдоль Кремля -
Шаги нескованы.
На миг у Вечного огня.
Склоняют головы.

Такси стремительно несет
Их в Домодедово.
Взлетел стрелою самолет,
Куда - неведомо.

На космодроме тишина
Ракетой взорвана.
Впилась тревожно вся страна
В героев взорами.

Мелькают цифры: "...Два! Один!"
"Пошла, родимая"
Но прижимает их к груди
Земля любимая.

Рванулись - вырвались - летят,
Звездою светятся.
А дома матери не спят
И жены мечутся.

Всю ночь смятенная Земля
За ними гонится.
Окончит путь у стен Кремля

Земная Троица.

* * *

Убаюкан вечер зноем.
Волга черный бархат стелет.
То сазан плеснет волною,
То акацией повеет

Промурлычут самоходки.
Смех прорвется из купальни.
Шевелятся тихо лодки
Судаками на кукане.

1960 г.

* * *

Что в казну положено,
То и взято.
Что во мне заложено,
То и свято.

Что умом прикинуто,
То и складно.
Что душою принято,
То и ладно.

* * *

Л.А.

Я вам писал под именем чужим.
Все было так пугливо, так безгрешно.
В печальном мальчике, невзрачном внешне,
Огонь сердечный был неудержим.

Три года я вам голову кружил,
Неведомый, своею тайной нежной.
Но посвящал стихи вам безуспешно -
Другой вниманье ваше заслужил.

Лишь раз меня на вальс вы пригласили -
И все вокруг меня преобразили.
И скрылись за годами, за людьми.

Пусть мое чувство было без ответа,
Но я вам благодарен и за это:
Ведь я бы мог не испытать любви.

* * *

Я юность начал на Востоке.
Я строил жизнь на целине.
С тех пор любые новостройки
Напоминают юность мне.

Там жизнь нежданно первым снегом
Мои присыпала цветы,
И ветер оборвал с разбега
Мои зеленые листья.

Из сборника «Даль отчего света», 1986 г.

АСТРАХАНЬ

Где разметали ветры в прах
Былую ханскую столицу,
Стоит мой город на буграх
И в зеркало реки глядится.

Здесь от учужных рыбарей
Идут рабочие династии.

У закопченных волгарей
В чести - мозолистое счастье.

Иная жизнь пришла сюда:
Разумнее, богаче, краше.
А та же волжская вода,
Да и полынь степная та же.

Рябит в глазах от мачт и рей -
Гостей встречают здесь широко.
Для кораблей пяти морей
Стал порт - Воротами Востока.

Базары шумные пестры.
Арбузы - изумруд-горою.
Качают лодку осетры,
Исходят черною икрою.

Ерошит ветер камыши.
И тучами взлетают птицы.
Песок на отмелях шуршит.
Полынь на солнце золотится.

Степной орел несет дозор.
И, ветру вторя, суслик свищет.
На высохших губах озер
Соль выступает от жарищи.

Дожди песчаные идут.
Штормит каспийская моряна...
И люди счастливо живут
Среди степного океана.

31 июля 1983 г.

* * *

Бежим, бежим...
Вся в жизнь - в бегах.
И без оглядки.
И наступаем впопыхах

Другим на пятки.

Повсюду шум -
И до людей
Не докричатся.
Торопим сами каждый день -
И годы мчатся.

ГОРИЗОНТ

Сначала за калитку и за мост,
Потом за город и за степь, за Волгу...
Упорно я торил свою дорогу,
Не замечая времени и верст.

Был горизонт мятежною мечтой.
Преображался он и удалялся.
Но оглянулся я - и догадался,
Что горизонт всю жизнь летел за мной.

1982 г.

* * *

Давай, как в праздник полагается,
С тобою, бабушка, споем.
Пусть колокольчик заливаётся
В высоком голосе твоём.

Про очи ясные влюбленные
И две гитары за стеной,
И про стаканчики граненые,
И ямщика в степи глухой...

Душа, нуждою не осилена,
И радость выплеснет, и грусть.
Твои, Анисия Васильевна,

Все песни знаю наизусть.

И кажется, ты где-то рядышком,
Звенишь незримым соловьем.
Давай споем с тобою, бабушка,
Давай веселую споем.

20 января 1980 г.

ЗАКЛИНАНИЕ

И.М.

Пусть шуршат в чистом поле снежинки.
Пусть шуршат в речке пенистой льдинки.
Пусть шуршат от жары камышинки.
Пусть шуршат за окошком дождевики.

Я хочу только слова участия.
Я хочу хоть немного тепла.
Я хочу, чтоб жила ты для счастья.
Я хочу, чтобы ты расцвела.

Что ты думаешь, сил пожалею?
Что ты думаешь, я не смогу?
Я от всех холодов обогрею.
Я от всех неудач сберегу.

Только нам без любви будет хуже.
Только нам без любви не прожить.
Не жалея меня, если не нужен.
Не жалея меня - и откажи.

Что ты думаешь, я обеднею?
Что ты думаешь, станешь чужой?
Ты останешься вечно моею.
Ты останешься светлой мечтой.

Пусть шуршат в чистом поле снежинки.
Пусть шуршат в речке пенистой льдинки.
Пусть шуршат от жары камышинки.
Пусть шуршат за окошком дождевики...

1962 г.

* * *

За мною - шлейф степенной Волги,
Камыш чубатый в ильменях
Степей полынные отлоги
И дом, осевший у плетня,
И бабка, с соловьиным сердцем,
Благословляющая петь,
И мать моя, с душой младенца,
Учившая весь мир жалеть.
За мной - мозоли трудовые,
Мои сцепления с людьми,
Мои виденья стиховые
И миражи моей любви.
За мною - все, что мне светило,
Чем жил захлеб, вперед спеша,
Все то, на что глаза открыла
Мне удивленная душа.

ЗОЛОТАЯ ЛАМПАДА

В тревожных потемках
Корсановский лес.
Срываются тучи
С летящих небес.
От страха луна побледнела.
И вдруг на дороге
Встречается мне
Сияющий всадник
На белом коне.
“Ты кто?
Из какого предела?”

“Я - старый пустынный
По имени Грек.
Я здесь зажигаю

Который уж век
Свою золотую лампаду.
Я был богомазом,
По свету бродил.
У речки Вороны
Вдову полюбил.
Но с нею мне не было сладу.

С красавицы я
Богоматерь писал.
В лице ненаглядной
Святое искал.
Грешно -
На живую молился.
Но горе случилось:
Вдова умерла.
Пустынником стал я.
Вдруг робость нашла -
Мне образ в киоте грозился.

Я справил поминки -
Все так же грозит.
Украсил оклад
В аметист, малахит -
Грозит!
Выражает досаду.
Лишь тем я иконе
Сумел угодить,
Когда все богатства
Решил перелить
В одну золотую лампаду...

И время мое
На земле истекло.
Икону с лампадой
Я спрятал в дупло
Березы
От грешного взгляда.
С тех пор по ночам
Из предела теней
Являюсь сюда я
К иконе моей -
Зажечь золотую лампаду.”

К березе корявой

Приблизился конь.
Пустынник лампы
Коснулся рукой -
Исчезла ночная завеса.
И чудо-икона
Растаяла вмиг.
В рассветных лучах
Растворился старик.
И вспыхнуло солнце над лесом.

1969 г.

* * *

...И свет осилил тьму - и воцарил.
Сплошным сияньем стала вся планета.
Все потонуло в океане света.
Не молнию ли кто остановил?

Я никого нигде не находил.
На зов напрасно ожидал ответа.
Весь мир - без тени, силуэта, цвета.
Неужто свет всю землю погубил!...

Очнулся я, когда зажегся день
И отступила вновь ночная темь.

1970 г.

КРУПЕНИЧКА

На Руси жила-была царевна,
До того красива да пригожа,
Что цветком казалась на поляне.
Звери к ней доверчиво ласкались,
Птицы у нее из рук клевали,
Люди с нею забывали горе.

Как для всех одно-едино солнце,
Так любили люди Крупеничку,

Юную прекрасную царевну,
Потому что красоту земную
Чувствуют душой и привечают
На земле и молодой, и старый.

Подружился с Крупеничкой Сокол,
Что летал высоко в поднебесье,
От напасти он хранил царевну.
Но нашла на землю туча злая:
Вороны на Сокола напали -
Крупеничку выкрали ордынцы.

Не закат средь бела дня багряный -
То шатер под месяцем ущербным,
А в шатре сидит Кучум угрюмый.
Перед ним - горюнья-Крупеничка,
Не по доброй воле шелк заморский
Серебром-слезами расшивает.

Собрались неверные ордынцы,
Бородами жидкими качают,
Красоте не могут надивиться.
А в печали украшенья блекнут,
Яркие наряды выцветают,
Даже солнце кажется унылым.

Но и скорбь царевну украшает.
Чистая слеза лица не портит.
Что же делать бедной полонянке?
Красоту и силой не отнимешь,
За нее и выкуп не назначишь.
Неужели погибать в неволе?
Но как только солнце закатилось
И ордынцы накрепко заснули,
Прилетел к шатру любимый Сокол.
Он упал на землю камнем с неба -
Русским парнем тотчас обернулся
И вошел тихонько к Крупеничке.

И свершил он с нею чудо в тайне:
Обратил ее в зерно живое
И отнес его на Русь святую.
Он вспахал нетронутую землю -
Та земля сильна и плодородна -
И в нее с любовью бросил семя.

Наяву теперь свершилось чудо:
Из зерна росточек потянулся,
Обернувшись юной Крупеничкой.
Глядя на нее, дивились люди -
Как она осталась невредимой?
Вновь высоко взмыл на небо Сокол.

А добро и в малом - как в великом:
Сильный ветер разметал по полю
Шелуху зерна от превращенной,
Из нее по всей Руси просторной
Проросла медовая гречиха,
Что зовут любовно *крупеничкой*.

1970 г.

МЕСЯЦА ПАРУС

Месяца парус
По небу летел.
Радостно парень
На звезды глядел.

Хором цикады
Вздыхали в тиши.
Волны прохлады
Касались души.

Месяца парус
Качала волна.
Парню казалось -
Он смотрит со дна.

Эта деревня
Под воду ушла,
Тиной деревьев
Давно заросла.

Парень рванулся,
Исполненный сил,
И оттолкнулся -

И в небе поплыл.

Месяца парус
По небу летел.
Радостно парень
На звезды глядел.

6 июня 1984 г

* * *

Мы все спешим и время подгоняем,
И думаем, что начерно живем.
А набело начать не успеваем.
И с удивленьем это узнаем.

Уставившись бесстрастным циферблатом,
Как счетчик за проезд, часы стучат.
Настолько привыкаем мы к утратам,
Что можем любоваться на закат.

НАБЕЛО

Налетела снежная стая,
Обжигает холод нутро.
Как прошла пора золотая -
Полюбил и я серебро.

Или белым черное стало?
Или даль светло раздалась?
Или жизнь началась сначала,
Только набело в этот раз?

И в лицо мне пахнула свежесть.
Я почувствовал жизнь острей,
И решительность, и мятежность,
И возможность судьбы своей.

* * *

На ветвях - остатки прежней роскоши,
Выцветшие, ветхие листья.
Почки, задубевшие, промокшие,
Ждут чудес обещанной весны.

Пусть вороны каркают, зловещие,
Леденеет крона на ветру -
Бродят соки до весны обещанной
Под корой по крепкому нутру.

* * *

Н. Ч.

Неужели то смешное смущенье
Было тайной, не открывшейся мне?
И пропало зоровое влечение
Токовавших глухарей по весне?

Погрузившись в одинокие думы,
Ощущая сердце только свое,
Не заметим и цветенья в саду мы,
Не услышим, как пичуга поет.

Как обычно у цветка благородство:
Ненавязчив он своей красотой.
Все ждала ты - наших помыслов сходство
Обернется нашей общей судьбой.

Ты звездой, загоревшейся с детства,
Продолжаешь издалече светить.
Не пришлось мне от лучей тех согреться,
Но светлее с этой памятью жить.

1982 г.

* * *

- Облака мои косматые,
Далеко ль ва-ам?
- Далеко-о!
- Небеса мои крылатые,
Высоко ль ва-ам?
- Высоко-о!
- Но малы мне мерки ваши -
Мне и выше-е, мне и дальше-е!

1964 г.

ОСЕНЬ

Грустны поздние рассветы.
Облака - обвисшие.
И дрожат, полурядеты,
Ветлы светло-рыжие.

Сизым маревом дымятся
Травы побуревшие.
Надоело наклоняться -
Полегли, отцветшие.

Как оглохла степь за лето.
Без минуты узники,
Полусонно вторят ветру
Пересвистом суслики.

Тяжелы, ленивы воды
В ильменах и заводях.
Улетают за погодой
Гуси, цапли загодя.

Долго-долго вслед им машут
Камыши чубатые:
Не забудьте степи наши,
До весны, пернатые!..

1962 г.

ПОТОМУ ЧТО ЗЕМЛЯ ВРАЩАЕТСЯ

Плещут волны морей и рек,
И деревья в лесах шатаются,
И качается человек,
Потому что Земля вращается.

Птицы вновь прилетят весной.
Жизнь на осени не кончается.
Сыновья вернутся домой,
Потому что Земля вращается.

Все быстрее машины мчат.
И как листья с земли срываются,
Так ракеты в космос летят,
Потому что Земля вращается.

Но с орбиты срывать войной
Этот шар земной запрещается!..
Птицы вновь прилетят весной,
Потому что Земля вращается.

1984 г.

* * *

Поэзия - душа всего искусства.
И лишь она в него вдохнула чувства.
Она - и удивленье, и мечты,
Сердечный взгляд на землю с высоты.

ПЯТНИЦА

Мать из дома сына провожала -
В город позвала его судьба.
Как листок осиновый, дрожала,
С болью отрывала от себя.

От соседей улица пестрела.
Облегчить старались парню путь,
Ободрить, чтоб сердце не робело,
Слезы прибауткою смахнуть.

Бережно обычай сохранили -
Провожать всем миром из села.
Станцию не зря соорудили
Там, где раньше Пятница была.

Пятницей часовня называлась -
Крытый крест и девы образок.
От нее дорога разветвлялась -
Выбирай любую из дорог.

Здесь и провожали, и встречали,
Проглядев с надеждою глаза...
Вздогнули колеса, застучали,
Заглушая плач и голоса.

20 апреля 1983 г.

РАБОТАЙ!

Когда надежный друг, с кем мог ты хлеб делить,
Кто для тебя служил опорой всегда,
Сказал, что в грош тебя не ставил никогда,-
Работай! Только труд поможет боль забыть.

Когда любимый сын оторван от тебя,
Когда оставлен ты желанною женой,

И кажется, весь мир наполнился бедой,-
Работай! Только труд поднимет дух, крепя.

Когда от неудач сомнение возьмет
И чувствуешь, что жизнь напрасно прожил ты,
Чем дольше ты идешь, тем дальше от мечты,-
Работай! Только труд от всех невзгод - оплот...

1971 г.

РЫБАК

Дальние летние добрые дни.
Теплая пыль согревает ступни.
С удочкой мальчик идет босиком...
Так он и будет всю жизнь рыбаком.

И разомлела на солнце река.
Тихо по глади плывут облака.
Сладостно дрожь поплавка уследит...
Так он и будет удачу ловить.

СТАРЫЙ ДОМ

Мне часто снится дом - столетний особняк,
С продавленным коньком,
трубой, торчащей сбоку.
Слезится взгляд его подслеповатых окон,
Украшенный резьбой, поник глухой чердак.

О детстве говорит мне каждый уголок.
Родной привычный дух впитали стены эти.
Побелкой свежей печь сияет и при свете.
И крыльями стрижей обшарпан потолок.

Мне жалко и во сне покинуть старый дом,
Как будто потерять души своей частицу.
Квартиры всякий раз я обживал с трудом,
А дом - всегда один все снится мне и снится.

* * *

Сырой октябрь. Угрюмы небеса.
Все дольше ночь, похожая на траур.
Печальны исхудавшие леса.
Торчат щетиной высохшие травы.
Глаза озер, мутнея, застывают.
Как человек, земля недомогает.
Все сдержаннее голоса людей,
И нескончаем тихий плач дождей....
И лето близко, и зима у входа.
А дни осенние летят, как годы.

* * *

Ты горб за счастье поломай.
Никто в рубашке не родится.
За тридевять земель ступай,
Чтобы найти перо жар-птицы.

Легко руками разводить,
Руководить судьбой труднее.
Счастливым тот не может быть,
Кто быть счастливым не умеет.

* * *

У меня хоромы - отчий лес,
Из живых дубов, берез и сосен.
Крыша надо мною - свод небес.
А светильником - сияет солнце.

Мне лесная мудрая семья
Многое о жизни порасскажет.
Паутинкой связан с лесом я,
Но никто вовек нас не развяжет.

1981 г.

Из сборника «Перелетные годы», 1990 г.

* * *

Вдруг в ноябре повеяло полынью,
Сдавила дух предгрозная жара.
И в отчий дом вернулся я с повинной -
На Волгу из московского двора.

Там за столом пустым сошлись родные -
Живые и умершие давно.
Они судили - судьбы мировые -
Меня за то, что я живу грешно:

Что я предначертанье не осилил,
Что я своим страстям - не командир,
Что никого собой не осчастливил
И не устроил лучше этот мир.

Но раздались громовые раскаты -
И ливень заглушил их приговор...
Я ощутил полынный вкус утраты,
Когда покинул дождь московский двор.

1986 г.

ВЕСЕННИЙ СИРИН

Торжествует весна
На сугробах моих побежденных.
Жар луча полоснул -
И души моей льды - пополам.
И открылись опять

Мои почки надежд пробужденных.
Вены рек напряглись.
Разметал смелый ветер мой хлам.

О спасенье моем
Вознесли гимны радости птицы.
Теплым соком берез
В жилах сила моя ожила.
Вспыхли верой глаза.
Может быть, моя даль просветлится?
Может, будет на всех
Вдоволь света и вдоволь тепла?

Снова жить торопясь,
Я ростком потянулся к Яриле.
Все боясь ликовать,
Поднимался опять над судьбой.
И душой понимал,
Что для радости ожил я в мире.
И, очнувшись, земля
Возрождалась, как Сирин, со мной.

28 января 1989 г.

ВИХРИ СВЕТА

В.С.

Я к цели сделал шаг, но вихри света
Взвились смести
Заблудшего с пути.
В мечтах коснулся я венца завета -
И пальцы рук
В крови увидел вдруг.

И ты мне не давалась, как заклятье.
Игра теней -
Страсть догоравших дней.
И к небесам глаза не мог поднять я -
Наделал бед
Грех безрассудных лет.

А вихри света нам послали кары.
Мы пред венцом

Осунулись лицом.
Я сброшен был с вершины из-за свары.
И твой недуг
В тебе взорвался вдруг.

Бог мне судья. Но ты в чем виновата!
Дала мне бой
Слабеющей рукой?
Умчался вихрь... Разбит венец заката.
Вновь пальцы рук
В крови... Замкнулся круг.

19 июня 1989 г.

ВОСКРЕШЕНИЕ

Почтенные магистры! В тупиках
Все ваши диссертации ошибок.
Живой игрушкой - мир у вас в руках
Трепещет и корежится в местах
Ушибов.

Назад - к Природе! Миллионы лет
Она одна сражается со смертью,
Питая вас - цивилизий цвет.
Вы ж все уничтожаете в ответ!
Не смейте!

Не будьте прочерком меж бранных дат,
Вы - крона разума. Вам быть творцами
И воскрешать, как тот, кто был распят.
Тогда потомки землю одарят
Отцами.

27 июля 1988 г.

Из волос вила дороги
 до янтарных рижских волн.
И душа, не помня тела,
 отдалась тебе на милость.
И на теплых крыльях света
 полетел счастливый стон.

Но под нами, словно море,
 вздыбилось сыновье горе.
Разметало нас по свету,
 разлучило на века.
Только счастье нашей встречи
 все гуляет на просторе.
Ты улыбкою Джоконды
 светишь мне издалека.

14 июня 1988 г.

ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ СЧАСТЬЯ

Говорим, что желаньем горим,
Но, как листья, сгорают желанья.
И сбивает дыхание дым,
И туманятся взор и сознание.

Отчего на душе не светло -
Не ропщи ты на жребий за это.
Видно, время еще не пришло
Озарения внутренним светом.

Только не уставай от борьбы.
Распогодится все же ненастье.
И на все перемены судьбы
Есть закон сохранения счастья.

КОЗЕЛ

Я с детства вижу сон, один и тот же,
Как я бегу по улице с трудом.

Нет никого - и страх, мороз по коже,
И все ищу я свой любимый дом.

Дом в три окна, с завалинкою, низкий.
Там старенькая бабушка живет.
Она сухарь размочит в синей миске
И мне протянет - и меня спасет.

Откроют дверь тяжелую входную -
Под черный потолок взметнется пар.
И мать внесет посудину большую,
В которой мясо! - расточает жар.

Глаза ее слезятся от мороза.
И я пойму - зарезали козла.
“Вы - живодеры!” - закричу сквозь слезы...
Еще вчера он бегал у стола.

Такой привязчивый козел попался.
Он с матерью тетрадки проверял.
Я, за рога держась, на нем катался...
Да в горле б у меня кусок застрял!

Прошли года. И не во сне, а в яви
Нашел я эту улицу. В былом
Домов я много на земле оставил,
Не узнаю и свой любимый дом.

Не в три окна - в четыре. И высокий.
И бабушка на лавке - не моя.
Но мальчик, белобрысый, кривоногий,
В костюмчике и с бантом - это я.

26 августа 1985 г.

ЛЮБИМЧИК

Клянча рубчик, за матерью плелся я с воем -
И хотела б, да нечем утешить меня.
И трясла в оправдание сумкой пустою.
Нет, отдай, что хранится до черного дня.

И наполнилась чаша терпенья до края:
Горстью меди хлестнула - лицо обожгла.
И, от жалости плача и жизнь проклиная,
За трамваем пешком на работу пошла.

Я все время просил деньги, вещи, гостинцы,
А встречая отказы, вставал на дыбы.
Я привык, что любимчику, мне все простится.
Но с годами все чаще удары судьбы.

Уж теперь за судьбою плетусь я с мольбою.
Обернулась она - а лицо-то мое.
И трясусь в оправданье мощною пустою,
Извиняюсь за скотское наше житье!

5 декабря 1986 г.

* * *

Мой сад заторопился
Весною расцветать.
Но только распустился -
Как хлынул снег опять.

Деревья бились стойко,
Сумев цветы спасти...
Иметь бы силы столько,
Чтоб и в беде цвести.

1980 г.

МОЛЬБА

Шепчу я небесам... Так воет в сумрак волк,
В болоте стонет выпь и крестит ветви ветер.
Все плачутся - кому? И есть ли в этом толк?

Что милей на свете воли?
Оттого ли столько боли на веку?

Что не любится - легко ль перенести?
Что не сбудется - забудется в пути.
По своей живу я роли -
Нет милее этой доли.
Не крути меня, кручина, не крути!

1987 г.

НОЧНЫЕ ОГНИ

Осилив притяженье суеты,
Во тьме глубокой
Увидишь по-иному с высоты
Простор широкий.

Как свет оконный теплится в волнах
В часы ночные,
Так звезды повторяют в небесах
Огни земные.

А в доме каждом - целый мир цветет
И новью дразнит.
Когда звезда над крышей упадет -
Окно погаснет.

ОСЕННЕЕ СОЛНЦЕ

В.С.

За все ошибки я один несу ответ.
Да, ты права, любимая, - не кайся.
В ночных грехах вины у солнца нет.
Свети, горячий свет, всю жизнь - и не смеркайся!

От гнезд моих, что разорил буран,
Ты отвернулась с затаенной болью.
Лишь мне страдать дано от этих ран.

Мне защищать тебя от бед своей любовью.

Поверили опять лучам тепла
Прозреньем обмороженные ветки.
В который раз душа вновь ожила,
Принять любовь себя превозмогла...
Не знать бы мужних вьюг тебе, мой друг, вовеки.

24 мая 1986 г.

ОЧИЩЕНИЕ

Желает перемен душа моя всегда.
Идет за ночью день, расцвет - за листопадом.
И хочется и мне так обновляться садом,
Плодами завершать цветущие года.

И сколько ран земле ни нанесет беда -
Трава или снега опять очистят дали.
О, если бы вот так мне душу очищали
На крыльях облаков летящие года!

1984 г.

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ГОДЫ

Перелетные годы мои,
заповедные годы,
Возвращаетесь вы,
лишь отгадывает немного душа.
Озарятся надеждой
ее омраченные своды -
И смогу я опять
разглядеть ваш полет неспеша.

Неуемные годы мои,
улетели из дома.
Но вдали от земли корневой
не обжили гнезда.

Все чужим остается,
что не было с детства знакомо.
Вас едва узнаю,
и меня изменили года.

Позабылась родня
под цветущими в небе крестами.
Покосившийся дом
продала постаревшая мать.
И куда ж вы вернетесь
с окрепшими в грозах птенцами?
Вы кружите, кричите -
покинутых мест не занять.

Почему и ношу я
дыхание Волги по свету.
Перелетные годы,
весенней порой налегке
Возвращайтесь ко мне
издалека по вещему следу,
Так - как волны с истока
до устья летят по реке.

4 мая 1986 г.

ПТИЦЫ

Усилились осенние порывы,
Остыли побледневшие леса,
Осунулись подстриженные нивы,
Нахмурились густые небеса.

Степennyй лебедь, аист повивальный,
Певучий соловей, строптивый гусь,
И грач горластый, и журавль печальный
Летят на юг, на нас навеяв грусть.

Но лишь прояснит в облачных глубинах, -
Шугая воробьев и голубей,
Встречаем мы вернувшихся любимых,
Курлычущих о Родине своей.

* * *

Приходит тишина
Под вечер утомленный.
И свет струит луна
На край темно-зеленый,

Где замер каждый лист,
И гладь воды застыла,
И тучи растеклись
По небу, как чернила.

И возраст по шагам
Прохожего понятен.
И слышен мыслей гам,
И скрип теней и пятен.

И на душе покой
Почувствуешь невольню,
Поняв, что жить легко
И умирать не больно.

САД

Заросшим был когда-то сад.
Лишь для меня в нем пели птицы.
За листопадом листопад
Рассыпал дней моих страницы.

Хоть в городской он был черте,
Где вознеслись до неба зданья,
В его дремучей темноте
Таились сказки и преданья.

Но вот расчистили мой сад.
Цветы оградой окружили.
Поставили деревья в ряд
И вглубь дорожки проложили.

И, светлый, чистый, обжитой,
Мой сад, как прежде, пложоносит,

Но жаль, что ветер золотой
Страницы дней моих уносит.

СТЕПНАЯ ВОЛЯ

Улетаю во сне к загулявшим ветрам,
Где качается солнце на волнах ковыльных,
Где возносится тень облаков по утрам
На широких - в полнеба - сиреневых крыльях.

Там я слышу себя не по стуку шагов,
Не по голосу и не по сердцебиенью,
А по свисту в ушах от летящих ветров,
Из органа души полнозвучному пенью.

Улетаю во сне к загулявшим ветрам,
Где на волнах ковыльных качается сердце.
А из снов возвращаюсь к тебе по утрам,
Чтоб в домашних объятьях твоих отогреться.

18 ноября 1985 г.

* * *

Стою у моря в непогоду
Порой ночной.
Глубок и зыбок, и тревожен
Мрак предо мной.

А ветер тучи разрывает
И вдаль несет.
Лишь изредка в провалах неба
Звезда блеснет.

Вздыхает, мечется, скрежещет
Громада волн.
В груди прибою вторит сердце

И рвется вон.

Вот жизнь моя - кипит и плещет,
Свой труд верша.
Лети без страха в эту бездну,
Моя душа!

СЫН

Мерцание плода на дне цветка
В лице своей любимой я заметил.
И сын, которым столько лет я бредил,
Дохнул теплом парного молока.

Из моего идет он далека.
Такой, как я был в детстве на портрете.
И та же интонация в ответе.
И в тех же вещих линиях рука.

Как будто это я опять родился.
И первый раз старательно шагнул.
И отстоял за первый грех в углу.

И снова буквы выучил и числа.
Опять мои надежды родились,
В два русла направляя мою жизнь.

1970 г.

* * *

В.С.

Ходят в небе тучи не напрасно.
Замутилось лунное чело.
Вера в счастье - лучшее лекарство.
Вылечишься ты, врагам назло.

Не грусти, что расцветаем поздно.
Наше лето - лишь на полпути.

Небо к нам в окошко смотрит грозно?
Мы его попросим - посвети!

Ты о прошлом больше не печалься.
Нам и листопады - по плечу.
Видишь, посветлело в одночасье?
Улыбнись рассветному лучу.

2 сентября 1985 г.

* * *

Я ощущаю, мама, жизнь твою,
В разлуке чувствую твои тревоги.
ведь я из той же плоти состою,
Одни и те же нас питают соки.

У сына моего такой же нрав.
Я самочувствием его пронизан.
В семье, как в дереве, любой сустав
Живет одним, единым организмом.

Единая семья - весь мой народ,
Землею и судьбою породненный.
И дни его побед, и дни невзгод
Я с чуткостью встречаю обостренной.

Из сборника «Стенная воля», 1993 г.

АЛЛЕЯ

Аллея в небо уходила,
Роняя мишуру ветров.
Животворящие стропила
Несла из городских голгоф.

Горела в истощенных кронах
Лучей терновых благодать.

Шуршал под крестным ходом ворох
Надежд, уставших трепетать.

19 сентября 1992 г.

БРАЖНЫЙ ДУХ

Ходит-бродит Дух Пивной,
Бражный.
И куражится герой
Вражий.

Бьет и в голову, и в грудь -
Строгий!
Меркнет свет - не разогнуть
Ноги.

Шум и чад. Народ хмельной
Глохнет.
Дуб столетний у пивной -
Сохнет.

Где б найти меч-кладенец
Хитрый?
И расправиться вконец
С Гидрой.

14 июля 1984 г.

В ПАРКЕ “АРКАДИЯ”

Л.В.

Что здесь носит меня,
по озябшему желтому парку?
Что ищу я, с потерянным видом,
в пролетах аллеи?
Может, эту скамью,
на которой я с юною Паркой

Целовался ночами,
смирняя в груди сухой?

Колесо обозренья -
восторг вознесенья и транса?
Или эти качели,
какими свой мир раскачал?
Танцплощадку, где ждал в одиночестве
дамского танца?
А быть может,
касаясь надежды на чутких плечах?

Этот парк опустел -
и ограду снесли, и ворота.
Штурмом брали мы их,
если ветер в карманах гулял.
Деревянный театр был воздушный,
с резной позолотой.
Он мне сызмальства пел.
А теперь здесь бетон и металл.

На столпах тополей
пламя осени листья корежит.
Режет ветер глаза.
Карусель облаков - надо мной.
Ворон каркнул в лицо.
Так - что даже мурашки по коже.
Что я здесь потерял?
Парк "Аркадия" - край молодой!

1 апреля 1986 г.

ДОРОХОВО

Качается висячий мост -
Из сизой пряжи.
Внизу сосновый склон - промозгл -
Над белым пляжем.

Скребет по рузским берегам
Вода живая.
Скрипят суставами снега,
В поток ныряя.

Сравнить ли с этим - будний круг
Страстей и сплетен,
Когда в реке увидаешь вдруг,
Что есть бессмертье!

11 февраля 1990 г.

ЕДИНОСТРАННИКИ

А. П.

Мы с тобой - единостранники
В этой жизни шебутной.
И в вагонном подстаканнике
Нам подносят чай спитой.

И кричат нам целовальники
О свободе показной.
И прельщают нас избранники
Заграницей расписной.

Но по тем дорогам хоженным -
Муравейникам встревоженным -
Мы с тобой - не ходоки.

Наши дни веками меряны.
Ходим мы с тобой по Времени,
Вдоль по Лете - бурлаки.

13 августа 1990 г.

КУДЕЯР

Притча

Как бежит оврагом речка Истья,
Прячется под травы да под листья.
Поперек ее у хат Чулковых -
Семь камней больших известняковых.
Старожилы говорят, под пятым

Кудеяр сокровища запрятал.
И слова на этом камне были,
только их завистники срубили.
Как подвинуть камень ни старались -
Лишь по пояс в землю погружались,
А о тайном кладе не дознались.

Кудеяр Тишининов был строгий.
Молодчина рослый, черноокий.
Кудри - из-под шапочки-мурмашки.
Да, имел разбойничьи замашки.
Как наденет свой кафтан камчатый,
Да покажет норов неунятный, -
Послужил, мол, Грозному Ивану,
А теперь и сам грозою стану.
По Москве, по Туле, по Рязани
Вешали, рубили да вязали,
Славить Кудеяра приказали...

Говорил он братьям Лихаревым:
“Вы пойдите в Старые Дубровы.
Мужиков от крова оторвите,
На четыре стороны гоните.
Ну, а баб оставим веселиться,
Без мужей постылых налюбовиться.
И рукам пора заняться делом,
Чтобы воля нам не надоела.
Пусть полы сосновые намоют,
Пусть столы дубовые накроют,
Колокольным звоном удостоят!”
Не полы, а вековые сосны.
Не столы, а старые погосты.
И горит глубокими ночами
Огонек над черными камнями....
Клад несметный воры охраняют
Да о Кудеяре вспоминают.
Эти воры больше не воруют,
И за волю больше не воюют.
Грозный царь велел остепениться
Да болотным зельем похмелиться.
Непечатый клад в земле томится.

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ

Качало штормом крутояр.
Последний долг меня окликнул.
Шумела Волга, как пожар,
Шуршащим листопадом бликов.

Летел я, словно под откос.
Очнулся ты - с прощальным взглядом.
Трепал полынь моих волос
Порыв степного светопада.

И я прощенья свет познал.
Отец небесный не отринул.
С крутого берега обвал
Смахнула волжская стремнина.

20 октября 1990 г.

ПО ТУ СТОРОНУ СУДЬБЫ

Искушений избежав,
Я, без жалости к себе,
Отвернул от рубежа
В уготовленной судьбе.
И пошел по бездорожью,
Колосистой нервной рожью,
По ту сторону судьбы, -
И гудели вслед столбы.

И встревожено Земля,
Перед Судным рубежом,
Тоже сорвалась с руля,
Прянув в тучи мятежом.
Звезды стали миражами.
Только Время вздорожало.
И пошел я без оков -
По ту сторону веков.

1 апреля 1991 г.

ПУРГА

Опять в России воет волчий холод,
Бесчинствует зловещая пурга.
По меди солнца бьет сполошный молот.
И лунный серп косит снегов стога.

Сковало реки ледоставом вражьем.
Раздетый донага простор - сердит.
И каждый сук культу бесстыже кажет.
И заживо минувшее смердит.

С окраин по небу пожары лезут.
Сквозняк сабанит в душу - ледяной.
И жмутся зверь - к жилью, а люди - к лесу.
И пахнет серой отчий дым курной.

7 января 1993 г.

ТОЛЬКО ШАГ

Только шаг до заветной цели...
Что же скулы твои остры,
Что же птицы все улетели,
Что же гаснут твои костры?

Этот шаг, роковой, быть может, -
Уведет тебя от любви?
Подожди лучше дней погожих
С дорогими тебе людьми.

Повстречайся опять с друзьями
Отшумевших, пропевших лет -
И слетятся они с вестями
Стаей птиц на солнечный свет.

Сирой грусти сухие сучья
Побросай в притихший костер.
Чем несбыточней цель - тем лучше.
Только шаг - все наперекор!..

20 июля 1985 г.

Из сборника «Мятежный круг», 1998 г.

МОСКВА ГЛАСНАЯ

Больно камни разбрасывать -
и собирать?
Избавляться легко ль
от подспудного страха?
Распрямилось достоинство наше -
да хватать! -
О курной потолок
головою с размаха.

Вострубив Солнце Правды -
мы все ж не тверды.
Неужели колоссы
с ногами из глины?
И детей выплавляем
из той же руды.
И, невольно виновные,
судим повинных.

Но, как прежде,
рассвет брезжит в нашей судьбе.
Страстотерпица -
гласная наша столица.
И не камни,
а небо - опора тебе.
Потому и от Смуты
твой лик не мутится.

28 января 1989 г.

ПОЛОВА

Косили наш хлеб, молотили -
От зерен очистили весь.
И зерна по ветру пустили -
Такая вот страшная весть.

Опять провели на мякине.
Осталась полова одна.
На ней не прожить и скотине,
А как переможет страна!

Но в отчих краях столько мочи,
Что даже мякина взошла.
Мы - дети половы.
И жестче
Не скажешь про наши дела.

10 апреля 1990 г.

НА ПОРУБЕЖЬЕ

Мутный поток облаков -
Между Харибдой и Сциллой.
На порубежье веков -
Вольница с крестною силой.

Ищешь, чем взгляд отогреть.
Выбор - из лучшего рядом.
Росного жемчуга сеть -
Из запустевшего сада.

Только и радость, что свет -
Солнца бесплатная ласка.
Только с доверчивых лет -
Мимо текущая сказка.

2 сентября 1990 г.

УКОРОТ

Звенят бубенчики у дуба
О шрамах молний вековых.
И у меня все ноют срубы
Врожденных вольностей степных.

Береза тонко тянет шею,
Зажата в тесноте лесной.
И рвется из толпы лишений
К зениту дух мой удалой.

Деревья в стриженной аллее
Унылый водят хоровод.
И ветер странствий все слабее.
Найдет с годами укорот.

25 октября 1990 г.

* * *

Во тьме моей степной стихии
Горят сплошные костры,
И ветры вертятся лихие,
И небо яростью искрит.

Мои осенние знамена
В кострах поверженно горят,
И хлещет лавой воспаленной
Тысячелетия закат.

И гибнут в пламени химеры
Моих кровотокающих лет.
И новую рождает веру
Тысячелетия рассвет.

24 октября 1992 г.

ПОЖЕЛТЕЛИ МЕЧТЫ

Пожелтели до срока мечты -
Из поющего сада.
За святого меня не сочти,
И прощенья не надо.

Облетели мои миражи -
Непорочные стаи.
В эти думы я душу вложил -
Окаянными стали.

Не избыть прегрешения мне,
Не унять вещей боли.
И душа наяву и во сне
За меня Бога молит.

23 октября 1993 г.

СЦЕНЫ ВРЕМЕН

В паяца заgrimирован,
Играю сцены времен.
Сошедшим с небес покровом
Храним я, но не смирен.

Тепло по взорванным верстам
Размыкала круговерть.
А мне б замерзшие звезды
Дыханием отогреть.

Морщинится небо в кронах,
Седеет земля в снегах.
А мне бы - вешнего грома,
Чтоб вещей пыл не сникал.

Но маски содрав слоями
С заигранного лица,
Разбойничьим изваяньем
Склонюсь к распятью Отца.

5 ноября 1993 г.

НЕЛЕТНЫЙ ВОЗРАСТ

Заплечный ветер толкает в спину,
Сечет под горло дамоклов дождь.
С опавших крыльев годов не скину,
Ты новых взлетов напрасно ждешь.

Нелетный возраст! Синюшно небо.
И тромбом в кронах - рябины гроздь.
В Тверской аллее вписаться мне бы -
Отточьем почек грядущих гроз.

27 ноября 1994 г.

ДУХИ ВОЛЬНИЦЫ

Пели Сирины-Сирены
в моих садах.
Путали метели-беды
мой тяглый путь.
В одиночество невесты
ушли в слезах...
Дорогой ценой я воли
посмел хлебнуть.

Духи вольницы казачьей
попынь-земли
Ночью в горницу врывались
из смутных лет.
Перегаром откровений
лицо мне жгли,
На колу, в петле, на плахе
хрипя извет.

А потом сбежали с казни
на лошадях,
Утащив меня арканом
во мглу веков.
И зомбировали челядь
на площадях,

Потешаясь, как губили
временщиков.

15 ноября 1994 г.

ДОБРО НЕ БОРЕТСЯ

Добро не борется со злом.
Добро не борется!
Чтобы врагу с его тавром
Не уподобиться.

А за Добром - незыблем Рай
Непротивления.
Другую щеку подставляй -
И в том спасение.

Со злою волей не борись
По вражьим правилам.
Как святомученик Борис,
С душою Авеля.

Добро в покос и обмолот -
Не обескровится.
Не Троя для него оплот -
Святая Троица.

18 ноября 1994 г.

УБРАЛАСЬ

Убралась Александра Васильевна,
Накрахмалив салфеточек вязь.
Занавески в светелке подсинены...
Да она насовсем убралась.

Золотится на выцветшей карточке
Королевской короны коса.
А по карточкам жизнь - не по качеству.

Лишь Великий ей пост удался.

Ее птицы казались мне райскими -
Постреляли их всех на войне.
Отцвела она вербными красками
В Сахалинской крутой стороне.

И войною распятому вручена,
Убралась по своей борозде...
За ее материнские рубчики -
Крестный сыне о ней порадел.

29 марта 1995 г.

НОТР-ДАМ

Когда оглохнут огненных страстей
раскаты,
И погрузится разум в сонный храм
распятый,
И храп часов, стекающих со стен,
хиреет, -
Залают на кресты оконных рам
химеры.

И бросит в грешный ужас их наркоз
гундосый.
И рой миров сорвется, зазвенев,
с откоса.
И закружит вертеп из грез и гроз,
и жара.
И витражи страстные звездный неф
изжалят.

Там Гений Рода сердце под пятой
терзает,
Там Гений Рока тешится - палач -
слезами.
Там Гений Света вечною пьетой
не стынет, -
Там у Природы безутешный плач
о Сыне.

Но утро разума забьет опять
в литавры -
Окаменеет на карнизах стон
картавый.
И Сыну вымолит бессмертье Мать
у Бога,
Животворящим сделает крестом
любого.

16 мая 1995 г.

ПАДАЛКИ

Я выпал осенью из колыбели -
Не досмотрели, не уберегли.
Хрусталики у неба помутнели,
Тряслись от крови руки у земли.

Созревшим яблоком сорвался в хаос -
И закатился солнечный налив.
В саду Адамов заменили Хамы.
О падалках душа их не болит.

Я выпал в темь седеющим младенцем -
Из представлений, сказок и забот.
И вихрем вертится со стоном сердце -
Пока в волчке не кончится завод.

23 июля 1995 г.

МОЛЧАНИЕ ГИТАРЫ

Не трогай струн уставшего молчанья,
Не подбирай мелодию тоски.
Горят ночами
Крылья за плечами.
И не видать в полях любви низги.

От немоты такой немеют пальцы.

Нет жесткости у них для диких струн.
В шаманском танце
Волжского скитальца
Несет к чужим гнездовьям певчий струг.

Лишь тронешь немоту - вспугнет ворчанье.
И осень зазвенит одной струной.
Болят ночами
Крылья за плечами,
Потерянные ангельской порой.

26 августа 1995 г.

ПИЛИГРИМ

Вспять веков я двинулся -
от устья до истока,
Праздностью круизной
потрясенный пилигрим.
В хлябь свою уставившись
В Средиземье
Силами Небесными томим.

Цепкими арабами
гнались за мной суеты.
Кровью астраханской
исходила нищета.
Из Амфитеатра
в шею вытолкали ветры.
Пеной исхлестала
Афродита по щекам.

Лик Луны скорбящей
в ризе тьмы летел укором.
Вдруг смятеньем кары
обдала морская мгла.
На Голгофе я метался
с кающим взором.
Пальцы
Вифлеемская звезда мне обожгла.

И позвал Египет

из Земли Обетованной.
И Стеною Плача
голосил вослед кагал.
Космос Пирамидой
навалился мне на раны.
Тщетно муки рая
в граде мертвых я искал.
Как я потерял священный дар -
и не почувал.
Дом свой обошел я
со свечой из Божьих мест.
Предки в материнских снах
просили слезно чуда -
И с дождем ко мне вернулся
искупленья крест.

22 октября 1995 г.

СЫНОВНИЙ БУНТ

Сын избивал отца прилюдно,
Распятый на кресте страстей,
За все гонения ублюдка,
Какие претерпел с яслей,

За весть порочного зачатья,
Объявленную духом зла,
И мать, погибшую за счастье,
Что искупление снесла.

Отец молчал, склонившись в пояс,
Сыновней кровью истекал...
Взъярил в зерне проросший колос
Любветочивый Истукан.

И с мира наважденье скинул
Перед бунтующим крестом.
И гнулись то к отцу, то к сыну
Колосья в ливне золотом.

18 февраля 1996 г.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Что ты, небо, усмехаешься угрюмо?
И куда летит твоя седая дума?
И за что так резко хлещет ветер встречный
И с ресниц моих мечты срывает в вечность?

Или снова в искупление застоя
На кресте распято солнце в муках зноя?
Или смуты сукровицу над лугами
Ловят травы пересохшими губами?..

Что ты, небо, улыбаешься угрюмо?
Изойдет слепым дождем седая дума.

3 августа 1996 г.

* * *

Тане

Непорочно зачатие в мире порочном.
Заклевали года - шуганули с гнезда.
Дали перегорели отцовством заочным.
Эта птичья судьба - с глаз долой навсегда.

На разлучный причал осыпаются кроны.
И былье замела безоглядно листва.
Не узнаю при встрече и сердце не трону -
Все слабее со временем эхо родства.

19 августа 1996 г.

МАЙ

Этот сизый май -
Лета чубчик детский.
Реки через край.

Парус занавески.

Вся в крестах сирень,
Росны гроздья духа.
Мир устал сереть.
Соком жизнь набухла.

Дань березы пью -
Как вода святая.
Яблоней в раю
Вечность расцветает.

Каждый год цвести
Вновь душа готова...
Только не грусти,
Колдовское слово.

28 августа 1996 г

ЦЫГАНКА

Лишь цыганка подфартило -
Долговечным назвала.
И взялась откуда сила,
И взметнулись два крыла.

Только б не врала цыганка,
Не срамила вещей дар.
Что могла украсть - не жалко.
Я за правду больше б дал.

31 августа 1996 г.

АНГЕЛЫ

Скафандры плодные взрывая,
Изгнанниками в бранный чад,
Они срываются из рая
И от отчаянья кричат.

Невинно инопланетяне
Курлычут дискантом до слез.
Губами млечность неба тянут,
Блестя глазами горних звезд.

Склонится в марлевой повязке
Над изголовьем мир земной -
И заразит улыбкой, лаской,
Страданьем, словом и судьбой.

И с первородным откровеньем
Вочеловечится их вид.
И лишь душа в грехопаденье
Глазами ангела глядит.

7 сентября 1996 г.

* * *

Пахнет осень дымными утратами.
Золото швыряется в толпу.
Маятники шаркают лохматые,
Очищают семя на току.

Закрома к зиме полны терпения,
Чтоб взошел из зерен вешний свет.
Чтоб цветы в садах надежду пенили,
Чтоб в страду любви трещал хребет.

8 сентября 1996 г.

АПОКАЛИПСИС

Когда пылающее небо
Кричит, раскинувшись в громах,
И роды сотрясают недра,
И падают волхвы во прах,

Надеясь уподобить мигом
Новорожденного - Христу, -
Вдруг, высветив подол над миром,
Мать заголяет красоту.

Отходят воды под зарницы,
И в муках тужится народ...
И грянет в тучах рдяный плод -
Тысячелетие родится.

28 июня 1997 г.

РАСПАД

*Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей.*

А.С. Пушкин

Пенять годам не буду зря,
И век не ждет моих вердиктов.
Все тот же мир - букет реликтов,
Комар в гробнице янтаря.

Кто жил и мыслил, тот готов
Призреть людей душою детской,
Молиться в тишине вселенской
За их спасенье от голгоф.

Как бы жених ни семенил,
Как бы ни был монарх галантен,
Определил разбег галактик
Распад земли - держав - семьи.

1 марта 1998 г.

СВЕТ ПУТИ

Все плывут облака,
словно годы моих отражений.
Словно множество тающих лиц
в зазеркалье времен.
В каждом - отцвет щемящий
минувших удач и лишений.
И в глазах-зеркала
я участливой далью смущен.

Это все - мои жизни,
в одном проплывают потоке.
И слова мои носит по небу,
как вешнюю весть.
Млечный Путь моих лет -
это лишь впечатленье дороги.
Молча пыль оседает,
Но свету пути не осесть.

16 мая 1998 г.

Из сборника «Поле любви», 2001 г.

1999

Срубил Кавказу голову шайтан.
Ад Хиросимы в Косово воскрес, -
В поминовение Христовых ран
Планеты скорбно выстроились в крест.

В руинах Порты за святой Царьград,
С Тайваня слышится Гоморры стон,
И взрывы Риму Третьему грозят,-
Из бездны рвется Огненный дракон.

И вот затмила Солнце чернь страстей.
Успенье Света? Грянул Судный час?
Пришел крестить предтеча Водолей.
Ждет на меже тысячелетий Спас.

31 октября 1999 г.

АТМОСФЕРА ДУХА

Есть в нашем мире Атмосфера Духа.
Любой иной она превыше сферы.
В ней - обостренье зрения и слуха,
И чувства, и провиденья, и веры.

Крылаты корабли ее - искусства.
Светлы ее герои - духонавты:
Платоны, Архимеды, Златоусты,
Да Винчи, Ломоносовы и Канты...

В той Атмосфере Духа - солнце ярче,
И истина - дороже и яснее,
Минувшее - понятней и богаче,
Грядущее - желанней и виднее.

1984 г.

БЛЮЗ

И весело, и суетливо
Я к жизни трюсь.
Внутри же - медленно светило
Вращает грусть.

Ракета, лазер, ген, компьютер... -
Наук река.
Снаружи мне шумят минуты,
Внутри - века.

И в ритмах брейка, рокка, твиста
Живу- верчусь.
Но через такт дышу и мыслю
Под тихий блюз.

27 октября 2000 г.

БОЛОТО*

Л.Г.

Все замерло, все умерло, все вымерло.
Года опали жухлою листвою.
Лишь изредка из тучи солнце вынырнет
Миражной головою гулевой.

В затишье ритуальных принадлежностей
Холодным саваном журчит фонтан.
Не сожжены мосты, но еле держатся.
И тесно в небе среди туч крестам.

В конюшенный наш дом дверь замурована.
И мох стены береза трет корой.
Махнет в окно мне молодость суровая,
Сверхсрочной жизнью выйду из ворот.

Нарисовал художник кистью жесткою
И рябь любви минувшей на ветру...
Несет мосты и парк, и зыбь московскую -
На дно души, как в черную дыру.

29 октября 1995 г.

* Болотная площадь в Москве

БУЙНЫЙ ДОЖДЬ

Н.К.

Весной от юного дождя
Под мост мы спрятались с тобою.

И я, чуть дух переведа,
Твою мечту обжег щекою.

На стыках голубых времен
Ночной трамвай процокал рядом.
Кто в подвенечном платье в нем
Мне глянул в душу долгим взглядом?

И Волгой вспыхнули глаза,
И космы молнии свисали.
Пронзала нашу жизнь гроза,
Связуя землю с небесами.

1 августа 1987 г.

ВЕЛОСИПЕД

Л.Н.

На поляне ты помчалась
за минувшими годами
И увидела
летающий из мечты велосипед.
А на нем стоял на раме
твой поклонник вверх ногами.
Рисковал он головою -
лишь бы ты смотрела вслед.

В окнах ужас! -
не боится зачарованный разбиться.
Цирк - и только!
Мир затрясся на булыжной мостовой.
Все невесты
занавески отодвинули мизинцем.
И крутила юность сальто -
лишь бы встретиться с тобой.

Неужели ты не знала,
кто хозяйка представленья?
Пронеслись за облаками
две судьбы - два колеса.

И за тот весенний танец -
в ярком птичьем оперении -
Ты рвала цветы с поляны
и бросала в небеса.

28 августа 1987 г.

* * *

*Этот стон у нас песней зовется -
То бурлаки идут бечевой!..*

Н.А. Некрасов

Вот и посветлели
за тучей дали.
Все же вязнет в песне
натужный стон.
Видно, плечи небо
носить устали?
Грянем удалую -
возьмем разгон!

Выше подбородок,
моложе взоры!
Перекину лямку -
всем тяжело.
И опять - ургучу,
пашу просторы.
Сейте жизнь и радость -
пока светло!

Следом - моя юность
плугарем в поле.
Буду семижильно
судьбу тянуть.
Вечным стоном песни
весь мир наполнен,
Чтобы урожайным
был Млечный Путь.

30 мая 1998 г.

ВСЕЛЕНСКАЯ ДЫРА

Мы поедem к станции “Римской”,
Где основан Четвертый Рим.
Век Молоха - эпоха риска.
Только дух наш необорим.

Приходили варяги-немцы
Насаждать чужебесья гнусь,
Но по промыслу стратотерпцев
Все, как в омут, впадали в Русь.

Быть вселенской дырой не тяжко.
Принимаем каждый карат:
Самый русский цветок - ромашка,
Самый русский поэт - арап.

Сколько раз пожары насилья
По дубовым прошли векам!
Сколько раз глотали Россию
Целиком или по кускам!

Смыла варваров беспощадно
Эта прорва пространств и лет.
Память целого возвращала
В берега святой континент.

Мы поедem к станции “Римской”,
Дверь вселенскую отворим.
На престоле души российской
Вознесется Четвертый Рим.

21 марта 1998 г.

* * *

Л.В.

Далек тот берег, желтый, камышистый,
Где солнце грело нас до темноты.

Цветов и яблоч не жалеи -
у нас их много в жизни будет.
Смотри - две радуги взошли
для нас заветом над землей!

27 сентября 1986 г.

* * *

Дед большой построил дом,
Чтоб просторно было в нем.
Стали внуки в доме жить -
Стали стены городить.

1964 г.

ДЕРЕВО

Чистая, белая скатерть-зима -
Как накрахмалена хрупким морозцем.
Все, что я с матери с детства взымал,
Той самобранкой моей воздается.

В нежных сугробах - деревьев металл.
Крона моя - на ветру леденелом.
То, что я детям своим не додал,
Цветом с костистых ветвей облетело.

Будет весна спелых внуков рожать.
Соком моим их Всевышний накормит.
Цепко растут с моего рубежа
В небо и землю и крона, и корни.

7 февраля 2001 г.

ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Сегодня долгий-долгий день,
Тянучий, словно пряжа скуки.
Веретено в руках старухи
Жужжит под ухом, как слепень.
 И ходит колесо фортуны,
 Руно переводя на руны.
Стучит ступица колеса
Давнишней деревенской прялки.
И время думами набрякло.
Вся жизнь проходит, по часам,
 Свергаясь в непроглядный омут,
 В котором дни покорно тонут.

Сегодня длинный-длинный день.
Напоминает притоненье.
Из омута он тянет тени
Оставивших земную сень.
 Они плетутся, по старинке,
 С кладбища с нами на поминки.
И за оплывшею свечой,
У стопки с водкою и хлебом,
Соединяют землю с небом,
Пока их быль не истечет,
 И все участники помина
 Вино переведут на вины.

Сегодня бесконечный день.
Сучит один очес старуха.
В ее глазах пустынно сухо.
Ее косынка - набекрень.
 И дарит серебро под вечер -
 На вечность переводит вещи.

В дне уместилась сотня лет,
Наполненных тенями пряжи.
И лампа отражает взмахи,
И чувств минувших силуэт...
 Все времена сошлись в помине
 От дня творенья и поныне.

28 декабря 2000 г.

ЖИВЕМ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Мне не забыть наказ родного деда:
Не оставляй работу про запас,
Что сделано - уже не переделать,
Все - начисто, живем в последний раз.

Учил мой дед, не падкий до застолья:
Беседе время - угощенью час,
А бражничать и вовсе непристойно,
Живи трезвей - живем в последний раз.

Мы в долг живем у женщины и Бога,
Не воздадим - кому платить за нас?
Дед завещал, что честь превыше долга;
Не занимай - живем в последний раз.

Мы целы - лишь участием соседей,-
Сказал мне дед, на мир перекрестясь.-
Твори добро за это милосердьё...
И сам мой дед жил, как в последний раз.

23 февраля 1990 г.

КАЧАЕТСЯ МИР

Висячим мостом через жизнь
Протянут зеленый путь.
На палубе зыбкой держись,
Потверже, подольше будь.

Пусть в бездне - кровь и тоска,
В разломах страна и кров -
Все также Сизифом река

Катит валун ледников.

Качается тяжело Земля,
Как тот подвешенный мост.
Поэтому ходишь, юля,
Враскачку, вечный матрос.

Взлетят качели, навскрик, -
Лови ликующий страх.
Но слышишь - ржавеющий скрип?
Мир держится на цепях.

Под скрежет молний кривых
Увидишь радуги цепь.
Ты к качке с рожденья привык,
И зыбки и жизнь, и цель.

14 сентября 1999 г.

КОЛЬЦА МОСКВЫ

Обручена Кремлевским Спасом
За каменной стеной Москва.
Кольцо бульварное - от сглаза -
От Рождества до Покрова.

Садовое - кольцо закона.
За ним, - престольную питаю,
Заслонена Зеленой зоной,
Гудит дорога Окружная.

Стоит Москва, в жару и вьюгу,
К столпотворениям лицом,
Спасенная заветным кругом -
Былинным Золотым Кольцом.

КРАСНАЯ ГОРКА

Л.П.

Мокрый вечер. Туман. Шла по лужам весна.
Щурясь, бледные пели рекламы.
Нам расплата за нежность была не страшна -
Лишь бы скрыть наше счастье от мамы.

Мы метались по дому, пугаясь теней,
Словно юные кони в загоне.
Но из грешной души, но из темных сеней
Мать влетела в разгар той погони.

И упало, разбившись на тысячу лет,
С голубою каемочкой блюдце.
Соловьи с Красной Горки кричали мне вслед.
Но судьба не дала обернуться.

30 августа 1987 г.

КРЕСТОНОСЦЫ

Раскрылся замшелый бестселлер
Богов, научивших читать -
И грянуло землетресенье,
И вышла нездешняя рать.

На стертых страницах столетий -
Столбцы из кровавых следов.
И серный космический ветер
Вздывает щетину крестов.

Подпольные слуги пришельцев
Повылезли из темноты.
Открыли жрецы-правоверцы
Свои потайные хвосты.

И хлынула адская лава
Гоморр, Хиросим и Помпей.
И вспыхнули свечками главы
Моих православных церквей.

По судьбам, святыням и душам -
Разгульное стадо копыт.

Что было незыблемо - рушит,
Что было едино - дробит.

Распяты тени смятений
Кричат на горящих крестах.
И косы голодных метелей
Мелькают в костлявых руках.

Доколь вавилонским бесеньем
Корежиться нам от невзгод?
Захлопни тот ветхий бестселлер -
И вмиг наважденье пройдет.

9 ноября 1992 г.

Кукловодам

[Борис Рябухин](#)

Не оплакивайте Родину мою,
Не кликушествуйте и не хороните!
Посмотрите, как притворно слезы льют,
Те, кто держит кукольные нити.

Русь смутится, занедужит, вспомнит стыд –
Вы и рады заблажить, что умирает.
Тыщи лет она над пропастью стоит,
Но стоит! – и нету ей конца и края.

Забунтуем – попадет под хвост вожжа,
Только с недругами Родину не делим.
И не надо вам Россию возрождать,
Мы не умерли, не оскудели.

Пусть не лезут ваши куклы в наш раёк
И втереться к нам в Отечество не грезят.
И Россия – дом не ваш, и в теремок –
Европейский общий дом – Медведь не влезет.

Бросьте вы на мессианство нам пенять!
Не в земном – в Небесном Царстве наше счастье.
Вы ж берётесь целым миром управлять,
А не справиться никак вам даже с частью.

Вам бы только все порушить в пух и прах.
Но не сломите характера и сердца.

И не шарьте без хозяев в закромах!
Это пращуров для правнуков наследство.

Вы не то у нас крадёте – только пшик!
Наша русская душа – покрепче баксов.
Наше прошлое с грядущим не стащить.
Наш простор земли-небес не заграбастать.

«Зла империей», «Жандармом» и «Ордой»
Не пытайтесь наши корни изувечить.
И не надо быть России молодой,
В добром возрасте достаточно быть вечной.

Вы подбили наших братьев бросить дом.
Независимостью их теперь кормите.
Намытарятся, мы их к обеду ждем,
Словно сына блудного родитель.

Вы сманили наши лучшие умы.
Значит, Ньютонам пора у нас учиться.
Что ж боитесь вы дичающей страны –
Новых гуннов на ракетных колесницах?

И не вам бы, благодетели, радеть,
О достоинстве и чести нашей рьяно.
Россияне выше долга ставят честь,
А достоинство – превыше достоянья.

И не вам кричать, что на века
От прогресса нас отбросила разруха.
Навсегда бы нам отстать от стран греха,
Возвышаясь в мире русским духом!

16 апреля 2000

* * *

Лишь в храм войдешь - благословит Христос.
И тут же все святители - по кругу -
Благословить тебя поднимут руку,
Какой бы случай к Богу не занес.

А если ты молитву произнес,
Она сольется в мире в общем хоре.
Благословляет шепчущее море,
Храня тебя от бед, врагов и гроз.

Сильней живых из глубей вековых
Вступают в хор молитвы всех святых,
Представших у всевышнего престола.

И, смолкнув враз, предчувствуют ответ:
Что делать?.. Благодатный жди совет -
И в нем ты вдруг услышишь голос Бога.

29 октября 2000 г.

МАЛЬЧИК У ДОМА

Вьется пыль годов далеких
вдоль по улице булыжной.
Мальчик возле дома крепость
воздвигает из песка.
И чего бы он ни строил
для себя или для ближних,-
Больно по лицу ударив,
рассыпается пока.

На завалинке осевшей
шепчет нищая старушка.
Учит жить на подаянье,
от стыда не пряча взор.
В щель сует клочки бумаги,
в каждом - табаку понюшка.
Той нужды понюхал мальчик -
и чихает до сих пор.

Он окурки собирает,
курит, кашляя надсадно.
Ловит муравьев он смело
и жует, скрипя песком.
Жмых, в штанинах шароваров
принесенный из детсада,
Он грызет и со старушкой

робко делится куском.

Дом притих, зажмутив ставни
и ссутулясь как-то сиром.
Бабку - нищую хозяйку
в марте занесло пургой.
Дом продали, переехав
на казенную квартиру.

Мальчика жильцы чужие

не пускают в дом родной.
И с тоской в дыру калитки
он заглядывает зорко.
Как шагреновая кожа,
меньше делается двор.
И все глуше слышно эхо
его песен на задворках.
Вот уже почти не слышно -
за парчой столичных штор.

МАТЕРИ

Я из света опять
возвращаюсь к тебе очень поздно.
Ты устала стоять
на изломанных жизнью ногах.
Как в киоте, в окне
вижу облик твой в мареве звездном,
И меня охраняет
молитва твоя на устах.

Сколько детских сердец
ты согрела за стражные годы
И душевного льда
растопила своей теплотой!
Не жалела любовь материнская
силы природы -
И цветы, и надежды
дарить и в грозу, и в покой.

А взамен - телефона звонки,
писем редкие строчки,

Отучавшее от полноправья
 молчанье окон,
Да на праздник - на горле
 березовым поздним листочком,
С бриллиантом росинки,
 дрожащий скупой медальон.

Но вечерний залиvistый звон
 нас зовет из былого.
И поднять выше дерево жизни -
 задача одна.
И, прощая по-божьи
 мне страсти удела земного,
На скорбящую мать
 ты похожа в киоте окна.
Я минувшую жизнь
 с твоего исчисляю рожденья.
Ты во мне продолжаешься
 с вести благой в кронах лет.
Мы друг другу нужны, как себе,
 как земле - воскресенью,
Теплый светоч любви,
 путеводный, охранный мой свет.

3 ноября 2000 г.

* * *

Мои пращурьы - терпких
Полынных кровей,
Казакь волго-донских
Низовьх степей.

Оттого и просторьы
Сквозные маняь,
И широкие скулы
Не зря у меня.

И от музыкь ветра -
Певучая речь,
И такой я настьрный,
Что мне не перечь!

Оттого не терплю
Ни оград, ни преград,
И обидчикам - враг,
И заступникам - брат.

1970 г.
МОИ СКВОРЦЫ

Т.Г.

Мои скворцы к зиме не улетели -
Почуяли, что стуже не бывать.
Глаза твои осенние теплели
Желанием со мною зимовать.

Скворцы всю зиму над окошком пели...
Но к югу путь уж больше не нашли.
Волос посеребренные метели
Для нас пути на волю замели.

25 июня 1984 г.

* * *

Л.Г.

Мы плыли с тобой по радужной Волге.
И жаром дышал притихший закат.
Твой взгляд голубел - и грустный, и волглый, -
И чайкой летел куда-то назад.

Тебе я открыл родные пределы.
В стихию свою хотел окунуть.
Но ты на меня с досадой глядела.
И весла сильнее давили на грудь.

И таял в волнах наш месяц медовый.

И плыли от нас надежд облака.
А в лодку мою сочилась бедою
По капле вода. По капле, пока...

28 октября 1984 г.

* * *

Не волнуйся, не грусти -
Жизнь по-прежнему в пути.
То ли это Млечный путь,
То ли потемней чуть-чуть.

Хочешь заглянуть вперед?
Посмотри на небосвод.
Из глубин и дном со дна
Карта звездная видна.

Вещий сон туманит взгляд -
О судьбе не говорят.
Молча принимай черед
Всех удач и всех невзгод.

27 апреля 1999 г.

НЕ Я!

“Не я!” - “Не я!” - клялись Адам
И Ева, змея обвиняя.
За сладкий первородный срам
Они лишились света рая.

Вот так, зачав ублюдный плод,
Мы только брошенку ругаем.
И против воли зло сирот
Вершится нашими руками.

“Не я ли?” - убеждал Христа
Иуда, кинувшись в объятия.
Не ведал он, что неспроста
Помечен Богом для проклятья.

Так предается и семья
В дурмане тайного свиданья.
И наша плоть вопит: “Не я!”,
А дух взыскует покаянья.

“Не я ли?” - Петр подумал вслух,
Но и с мечем - пришел в смятенье.
И трижды прокричал петух
О посрамленьи отреченья.

Не так ли мы бежим от битв,
Кося глазами, славим труса,
Ища защиты у молитв -
И предавая Иисуса?

21 октября 2000 г.

* * *

Окно новорожденного ребенка
Я узнаю из тысячи квартир.
В нем вывешена белая пеленка,
Как флаг, символизирующий мир.

1970 г.

* * *

Осеннее утро. В тумане дома.
И чудятся в дымке родные края,
Куда никогда не приходит зима,

Где так и не старится юность моя.

Где бабка на внука с улыбкой глядит.
“Еще поживу,” - обещает легко...
Вот дрогнул состав - покатился - летит,
И мчатся ему далеко-далеко.

Кружатся леса хороводами лис.
И некуда деться от рыжих хвостов,
И взглядов печальных морщинистых лиц,
И окриков встречных сквозных поездов.

1969 г.

ОТЕЦ

И корни дереву нужны, и крона.
Отрубишь их - останется бревно.
Прижался к пню и мой росток зеленый.
Стать деревом - судьбою не дано.

Как много пней таких в лесах России!
А безотцовщина плодит сирот.
Мы выросли - подмоги не просили.
Все ж крепости отца не достает.

Мать, даже Божья, - только половина...
Не нарушай гармонии, сынок!
Сними проклятие с души повинной -
Пусть деревом взойдет хоть твой росток.

18 марта 1990 г.

* * *

От ноши ты брюзжишь,
От хвори поднял вой.
Но это - тоже жизнь,

И нет пока иной.

Видать, не заслужил,
Не цепок, не удал.
Живая все же - жизнь.
И это - Божий дар.

Других сильнее бьет -
Да не развеет грусть.
Их неподсильный гнет -
Твой не облегчит груз.

Добавить воз изволь -
И легче станет кладь.
А посильнее боль -
Былую может снять.

Чужой врачуй недуг -
Облегчишь стон себе.
Так в корчах адских мук
О людях ты скорбел.

Спасай других в беде -
И про свою забудь.
И возлюби людей,
Пройдя их крестный путь.

15 мая 1999 г.

* * *

Охвачен лес холодным пламенем,
И никому не потушить.
Что ворошить воспоминания -
Сухие листья ворошить?
А я все жду в любви признание,
Чтобы в ответ обворожить.
Я все ищу свое призвание,
Забыв предназначенье - жить.
А сам, подобно октябрю,
Холодным пламенем горю.

1975 г.

ПЕРЕВОД С ТУРЕЦКОГО

Перевел с турецкого стих -
И притих от седой тоски.
Вкус сигары ранней постиг
И глотка огневой раки.

Я как будто видел Стамбул
Только много веков назад.
В голубом заливе тонул -
До сих пор эта резь в глазах...

То ль турчанку с Доном связал
Свадьбой праотец, скрасив плен?
То ль праматерь турок, в слезах,
С Волги сvez до Царьградских стен?

Проступает в скулах туман.
И на мать и отца грешит.
И стоит метисный туман
На пути крещенной души.

Перевел с турецкого стих
И окликнул меня Иса...
На Стамбульских крышах блестит
Назаретской зари роса.

2 мая 2001 г.

ПОБЕДОНОСЕЦ

Взгляд, устремленный в себя,
и угрюмая грусть.
Стражное ухо внимает
волнам облаков.

Не окликайте его,
пусть догрезит он, пусть
С Девой Пречистой пройдет
лабиринты веков.

Сердце пронзают его
беды страждущих бездн,
Запахи дат,
потрясения анестезий.
Лунное око
слезится звездами небес.
Только не сбиться ему
с этой торной стези.

Тени творений
его придавили плечо.
Стал подмастерьем Творцу он,
как только прозрел.
Змея сразит он опять
меченосным лучом,
Победоносцем из тартара
выйдет к заре.

1996-2000 гг.

* * *

Позднякову

Легко мы подружились в детской стае,
Не замечая времени конвой.
В пустыне безотцовщины мы стали
Друг другу - путеводною звездой.

Когда за школьный выпад самолюбья
Суд инквизиции меня душил,
Изгоя ты поцеловал прилюдно -
И затаился Лагерный Режим.

Когда шатало школу за Джульетту -
А ты служил посланником моим , -
Под фарисейской пыткой педсовета

Не выдал ты мой робкий псевдоним.

А мы ловили с пристаней запретных
Рожденных в робе зековской бершей,
И яблони трясли в садах рассветных
Под выстрелы колхозных сторожей.

Когда на нас по Волге пьяно-юной
Летел корабль и страх разинул пасть, -
Я выхватил весло из рук фортуны,
Чтоб под ее колеса не попасть.

Когда ты начал, напрягая цепи,
Чернорабочий путь во тьме земной,
Я свет художника в тебе затеплил,
Позвав: “Оставь свой дом - иди за мной!”

Ты не постиг Любовь и Музу толком -
Нагрязнул вдруг гранитный Командор.
И ты за подсадную комсомолку
Рабом лесоповала душу стер.

Но выстрадав тюремные замашки,
Ты кинолентку братства оборвал...
Не меркнет только в этих строчках тяжких
Свободы нашей дружеский накал.

1997- 2000 гг.

ПО ХВАЛЫНСКИМ ХОЛМАМ

Наташе

Хвалынского моря туманные волны
Катили из тьмы
Меловые холмы.
И мачтами сосны скрипели на воле,
Взметнув в небеса
Темных крон паруса.

К тебе я по юности мчался во мраке.
До светлой земли
Только звезды вели.

И лес обступал и нашептывал страхи,
И, как по волнам,
Я летел по холмам.

Над Волгой пустынной меня ты встречала.
Сошлись с высоты
Две хвалисских звезды.
И сердце мое на весь космос стучало.
На крыльях моих
Мир колючкой затих.

11 августа 1987 г.

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА

Судьба по имени Прекрасная Елена
Сама ко мне шла в сети рыбкой золотой.
И вырывалась, и плескалась в брызгах пены,
Дразня упругою надеждой молодой.

И, вся веснушчатый обрызганная солнцем,
По морю радости с собой гулять звала.
Любуясь, как я улыбался полусонно
В ее объятиях душистого тепла.

И, рассмеявшимся охваченная ветром,
Бежала в прошлое по горным дням моим,
Где на вершине я сложил ковчег завета
Из метеоров, чтоб союз был нерушим.

Но мой ковчег к утру разрушила измена.
И возвращался я в грядущее - домой.
Судьба по имени Прекрасная Елена
Прощально мне махала шелковой волной.

8 мая 1988 г.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ

В испарине зачатъя сад.
Он и во мгле - цветеньем светел.
Опавшие цветы летят
Молитвою любви о детях.

Роженицу во цвете лет
Так озаряет свет исподний.
Так с Богом говорит поэт.
Преображение Господне.

Омоложает благодать
Святого Духа в миг творенья.
И жизни вечной не создать
Без этого Преображенья.

10 мая 1999 г.

ПРИСУШКА

Л.А.

На вздыбленный яр я взбираюсь проворно.
Как жизнь, из-под ног осыпается высь.
Кричат мне у щек золотые вороны:
“Бесстрашное детство, смотри не сорвись!”

Я вырезал в глине заветное имя.
Цветком расцветает оно на юру.
И Волгою плещется сердце, томимо
Присушкой зноя на вешем ветру.

Здесь берег отца - неприступный, отвесный.
Вдали берег матери - ниже травы.
Не для заклинаний - разлучное место,
Но грех первородный, поди - отвори!

Склевали цветок золотые вороны,
Повыдули ветры, подмыли снега
И сбросили в брачные водовороты -
Пока я степною судьбой истекал.

Но имя заветное птицею детства
С тех пор не покинуло солнечный яр.
Присушка сильнее стихийного действия -
До Судного дня не избавит от чар.

2 апреля 1996 г.

СЕРЕБРЯНЫЙ ОРЕЛ

Когда летишь к лазурным перевалам,
И звездный хор
Штормит простор,
Автопилоту не давай штурвала,
Вцепись в престол,
Распнись крестом.

И двигатель немолчный не форсируй.
Скупей свети,
Скромней цвети.
Страданиями мессии не форсили,
Чтоб мир спасти
И вознести.

Твой вечный враг кланирует бессмертье?
Осилен страж?
Повержен страх?
Серебряный Орел - ты Дух Возмездья,
Земной мираж
В иных мирах.

31 января 1998 г.

СОШЕДШИЙ С НЕБЕС

Мы ждем мессию, а он здесь.
И не опознан, и не призван,
Но нимб сошедшего с небес
Над головой - святейший признак.

Вочеловечился для нас,

Стать Светом Разума надеясь.
А может быть, распят не Спас ,
А человеческая ересь?

Каких он бездн хлебнул сполна,
Былой изгой - грядущий гений?
“А все же вертится она!” -
Твердит он с ужасом гонений.

Но те, чей не зажегся нимб,
Задуть свечу полны отваги.
От страха чернь кричит: “Распни!” -
У Черной речки и в ГУЛАГе.

Пугает Истиной Пророк.
И ученик его растерян.
Цикуты поднесет глоток,
Или повесит в “Англетере”.

Богов Олимпа без стыда
Титаны тьмы свергают с бранью.
И жаждут Страшного Суда,
И ждут мессию на закланье.

А в мутном небе - гнус харизм
И белых братств и сатанистов.
Не ведаем, чего творим?
И мрак неведенья неистов.

На рубеже добра и зла,
На грани Разума и Сердца
Крест для Пришельца вознесла
Земля в затменье фарисейства.

28 марта 1998 г.

СТРАЖНЫЙ ЧАС

Нагулялся я на воле до поздна
И домой вернулся - дома не узнать.
Полям скошенным задумалась жена.
И метелью тяжело вздыхает мать.

На меня взглянул простором звездным сын -
И быстрее стал выцветать его портрет.
И пошли давно стоявшие часы,
И пробили стражнй час минувших лет.

27 ноября 1994 г.

СТУК

И.М.

Кто постучался в окно метелью,
Спугнув с балкона покой ночной?
Ты у постели притихла тенью?
Ждешь покаянья в любви былой?

Как рдели губы над каплей меда,
И поцелуем прожгли насквозь?
Как застонал я, подбитый с лета, -
И этой ране был рад до слез?

Ты помнишь в этот медовый месяц
К нам постучали в оконный крест?
И мы шептали, что это - ветер,
Или пришелец-головорез.

Но свод небесный над нами треснул.
Под нами землю прошиб озноб.
Из рук моих ты скатилась в бездну.
И черный пол мне ударил в лоб.

Кто помешал нам ревнивым стуком?
Из прошлых или грядущих лет?
Кто разлучил нас навек друг с другом ? -
И в Судный день не найти ответ.

25 октября 1992 г.

* * *

Судного дня и не надо -
Царство небесное - в нас.
В нас и распятие ада -
Не отвернулся бы Спас.

На покаянье скорбящим -
Тернии в нашей судьбе.
Ищущий кары - обрящет
Во искупленье себе.

30 апреля 1999 г.

ТАК БЫ И ЖИЛ

Воздух утренний чистый
Меня освежил.
Этот клевер душистый
Меня опьянил.
Этот луч золотистый
Меня освятил.
Так бы жил бы
И жил!

* * *

Тени ветра дрожат и бьются,
Как от землетрясения - блюдца.
Раздувает ветер меха,
Чтобы жизнь не была лиха.

В небе солнце играет Пасху,
Воскресив подснежников паству.
Выжимает из почек май
Жизнь зеленую - выживай!

4 мая 1999 г.

ТРАНЗИТНЫЙ

Пассажиром, транзитным,
живу у железных дорог.
Постоянно прописан,
но жду своего отправленья.
Мне кричат поезда:
“Еще долог твой путь и далек!”
Но не знают они
о местах моего назначенья.

Запах угля сожженного
веет в окошко всегда.
Этот запах знакомый
из печки далекого детства.
На исходе ночей
петухами поют поезда,
Но пока не мои -
от моих никуда мне не деться.

Чутко ухо прижато к подушке,
как будто к земле.
Лишь узнаю по гуду
мой поезд к заветному краю -
Тороплюсь собирать свои вещи
в предутренней мгле.
В спешке что-то ломаю,
топчу, забываю, теряю.

Мчится в даль неизвестную
лет моих длинный состав,
Позади оставляя
былых горизонтов итоги.
Вот и новая станция.
Версты считать перестав,
Пассажиром, транзитным,
опять поселюсь у дороги.

9 ноября 1985 г.

Странные тени треногих,
С паклей пожухлых волос,
Топчут нетвердо дороги,
Шмыгают из-под колес.

Бродят, пугаясь прогресса,
С каплей на сизом носу,
По городам и по весям,
Словно в дремучем лесу.

Горды от тщетных страданий
И облетевших сует,
Тянут из будущих далей
Нас в затухающий свет.

Те полководцы - неспешны,
Слепы, глухи и больны -
Нас обратят неизбежно
В граждан треногой страны.

31 октября 2000 г.

ТРОЙКА

Эх, тройка - три вопроса дедов
Над степью выгнулись дугой:
“Кто виноват?”; “Доколь?”; “Что делать?” -
В метели смут, в бунташный зной.
И стонет колокольчик детства,
И вожжи сжал ямщик хмельной.

А тройка - Троица Святая,
Перекрестившаяся синь.
“Что делать?” - лишь Отец и знает.
“Кто виноват?” - рассудит Сын.
“Доколь?” - пока наш Дух витает
Под колокольные басы.

Но грянет гром - и коренная
“Что делать?” - выдохнет вопрос,
И фыркнет справа пристяжная:
“Кто виноват?” - давясь от слез,
И слева захрипит шальная:
“Доколь?” - И понесут вразброс.

Несет нас по ухабам в пропасть
Горячность троицы гнедой.
“Кто виноват?” , “Доколь?” - как происк,
Погибель блажи пристяжной.
“Что делать?” - Де-лать что-то! С проком! -
Вот рок трудяги коренной.

Рок - на дыбы! Порвет постромки.
Ямщик сорвется на ходу.
И вспухнет колокольчик бойкий
В сполошный колокол в бреду.
Но коневод метнется к тройке -
И сдавит за узду беду.

25 декабря 1995 г.

* * *

Туман из оврага парным молоком
Вот-вот на дорогу прольется.
И дышится травным настоем легко,
Когда просыпается солнце.

И гулко от каждого шага земля
Гудит у меня под ногами.
И зеркало озера, зыбко звеня,
Качается под ивняками...

8 января 1978 г.

ТЫ ПОБЕДИЛА

Е.Ж.

Ты победила, победила -
Не смог я позабыть тебя...
Облокотилась на перила,
Зеленый шарфик теребя.

Признание вырвалось, как милость.
И рот зажал счастливый страх.
И птицею любовь забила
О стекла на твоих очках.

А я глядел куда-то мимо
И счастья не предполагал.
И ты от шока уронила
Зеленый шарф к моим ногам.

И вниз по лестнице летела,
Над курсом нашим возносясь...
С той юной встречи то и дело
Рву - но не рвется эта связь.

УЕХАТЬ?

Уехать к десерту отсюда?
Английские были читать.
Забыть рабский страх пересудов.
Растратить московскую статью.

Клевать перелетную птицей
Заморские крошки судьбы.
И блеск нищеты затаится
За детским окладом избы.

Билет в ностальгию осилить.
Махнуть, словно в бурю - за борт.
От скотских просторов России -
В звериные джунгли свобод.

7 декабря 1998 г.

ЧАША ЖАРА

Т.Г.

Мы тянемся к источнику тепла.
Любить другу друга - заповедь Христова.
А кто избранницей Христа была?
Кто удостоен счастья неземного?
Любовь грешна? А хочется глотнуть
С младенчества желанный Млечный путь.

Я окунаюсь в чашу жаркой тьмы,
И, окрещенный, возношусь оттуда.
Переливаемся друг в друга мы,
Как сообщающиеся сосуды.
И прошивает током до основ.
И крик прорвется из нездешних снов.

На жертвенник любви кладу ладонь,
В объятиях распятый и воскресший.
Сквозь утомленный чувствую огонь
Я связь с тобою пуповиной грешной.
И трубы Благовещенья звучат,
Что Сын избранницей моей зачат.

21 ноября 1992 г.

ЧЕТВЕРТЫЙ МИР

Из четвертого измеренья,
Отодвинув страстей туман,
Я смирял улыбкой терпенья
Распоясавшихся мирян.

Из страны Четвертого Мира
На бесовские орды жрецов
Посылал я с крестом и секирой
Дикой вольницы храбрецов.

На кургане жизни полынной
Я построил Четвертый Мир,
Перед Западом не повинный -
И Востоком необорим.

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ

Глядится в Чистые пруды
Еще не убиенный лебедь.
Еще и весны - некруты,
В груди - минувший мерный лепет.

О лебедином озерце,
Где ранний астраханский мальчик
Дрожь поплавка брал на прицел,
Вздымал кукан мальков удачи.

На перекрестии аллея
Он выбрал постриг чистотрудный :
Оставить мать, жену, детей -
Идти за Музой безрассудной.

Сбежал в Москву снимать “углы”
И обивать пороги всеу.
И, как вершины, брал бугры,
С тузами в преферанс пасуя.

Себя считал пупом земли,
Весь мир встречая у Почтамта,
Идущий к Храму от семьи...
Но в Храме торжище зачато.

Пегасом в небо вознесен -
Горячкой белой чуть не кончил.
Но не смутил лиричный сон -
Он и в вертепе непорочен.

В тисках Москвы - провинциал -
Пахал за бутерброды рабства.
Скупцом берег свой Идеал,
Транжируя время и пространство.

За кругом круг - за крюком крюк.
И все боялся припоздниться.
Но он успел - разрезал вдруг
У древней книги притч страницы.

Влюбился в каменного льва

Перед Парнасом, как язычник.
И бронза *Горя от ума*
Во снах его звенела зычно.

Но тайный режиссер судеб
В спектакле перепутал сцены.
Превыше муз - чины и хлеб
Истории обыкновенной.

В театре жизни столько лет
Идет комедия об этом:
Как стал чиновником поэт
И как чиновник стал поэтом.

Пасьянсы листьев у воды -
Минувшие предначертанья.
Гляжу я в Чистые пруды -
Что ожидаю от гаданья?

24 мая 1998 г.

* * *

Что не сложилось, как хотелось, -
Не одолеть.
Кому и в юности не пелось, -
Уже не петь.
Кому в семнадцать не любилось -
Не полюбить.
Нам много снилось-переснилось,
Чтобы забыть.

Уже во сне я не летаю,
Как ни лежи.
Уже я быстро не вбегаю
На этажи.
Уже я очень смутно вижу,
Что впереди.
И все отчетливее слышу
Мотор в груди.

И лишь душа стареть не хочет,
Чего-то ждет.
И я признателен ей очень
За то, что жжет,
За то, что сладко замирает
На вираже
И не сдаётся, невзирая
На все “уже”.

* * *

Я в был всех сверстников моложе -
Под казачка,
А рассужденьями похожий
На старичка.

Но, от недуга пострадавший,
Вмиг повзрослел.
Куда ни кинь - я всюду старший,
А не пострел.

Вцепился старичок болезный -
Не оторвешь.
Скрипит его смычок облезлый
Во мне, как нож.

Я стал медлительный и важный -
От дум и ран.
Но не сдаётся бесшабашный
Во мне пацан.

25 октября 2000 г.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

О чем скорбит душа моя,
О чем томится?
О том, что вскрыет вешний лед
Волненье вод?

О том, что вознесется дух
До неба птицей
И беззащитно всем ветрам
Грудь распахнет?

О чем грустит душа моя
И что так ропщет?
В глазах скрывает божий страх
Или испуг?
Бойся обнажить себя
Осенней рощей,
Подставив наготу ветвей
Хлестанью вьюг?

О чем болит душа моя
В потемках тайных?
О том, что через этот лес -
Дорога в ад?
Где топи похоти и грез,
Пороков стаи,
Где хищный клюв, змеинный яд,
И волчий взгляд.

О чем скорбит душа моя,
До гула в сердце?
Не от того ль со всех сторон
Вечерний звон?
За скорбь всех радостей земных,
Я натерпелся,
За радость всех земных скорбей -
Вознагражден.

14 октября 2001 г.

МОЛЧАЛИВЫЕ ЛЮДИ

Народ безмолвствует.

А.С. Пушкин

Млечная жизнь проступает с небес.
Больше и меньше не будет.
Время смакуя, безмолвствует лес,
Как молчаливые люди.

Благовест птица споеет естеству.
Ягода сень подрумянит.
Солнце соломой осыплет листву.
Дождь пробежит по поляне.

Лес передюжит потоп и поджог,
Грозы и зной и метели.
Свалки прогресса и шрамы дорог
Зеленью все перемелет.

Вылечит вырубки, и бурелом...
Душу свою сохраняя.
В небо восходит ветвящимся лбом,
В землю нисходит корнями.

Треск - и береза свалилась на мох,
Космы раскинув мочалом.
Лес обступил ее - кто бы помог?
Сникли деревья в молчанье.

Сколько их, ставших землею, лежит!
Знают деревья, как люди.
С неба сочится извечная жизнь,
Лучше и хуже не будет.

5 января 2002 г.

ДВЕ ЗВЕЗДЫ

Е. Лехту

Он двадцать лет смотрел на две звезды,
Их судьбы исчисляя по мерцанью.
А к блеску глаз любви земной остыл -
В служении небесному призванью.

Блаженством бездн, миров, и тайн, и снов
Его пути усеяли светила...
Однажды встретил он певца веков,
О ком звезда с звездой говорила,

Когда они сошлись в аду беды,
Когда под скальпелем судьбы воскресли,
Участливо блеснули две звезды
В его глазах от выстраданной песни.

23 января 2002

Из ранних стихов

* * *

Быть бы, как солнце,
Гореть бы и греть,
Так рассияться,
Что больно смотреть!

Быть бы, как море,
Бурлить и штормить,
Так расходиться,
Чтоб скалы сломить!

Быть бы, как сопки,
Стоять и молчать,
Чтоб камнепадами
Прогрохотать!

Быть бы грозою,
Шальной, проливной!
Быть бы росой,
Лесной, ледяной!

Но человек я,
И должен быть всем:
Бурей на море
И солнцем в росе.

1965 г.

* * *

В березовом лесу белым-бело.
Деревья словно в иней разодеты.
И днем и ночью здесь всегда светло
От яркого березового света.

Прижмусь щекой к березе потесней
И медленно раскачиваюсь с нею.
Кружится в небе кружево кудрей,
Спадая на березовую шею.

И светлое предчувствие весны
Передает мне березняк в наследство.
И снятся мне березовые сны
Из дальнего примолкнувшего детства.

В ВЕСЕННЕЙ РАМЕ

Тенью в белом саване
Кажется зима.
Солнечными рамами
Светятся дома.
Нелюбимым пасынком
Ходит хмурый март.
Для снегов опасные
Ручейки журчат.
На асфальте жарится
В клубах пара снег.
И улыбки жаркие
У прохожих всех.
И искрится бисером
На карнизах пот.
И сосульки с выстрелом
Рушатся на лед.
Все приметы верные -
Пахнет мир весной...
Но у марта скверные
Прихоти: порой
Завьюжит, ударится
В снежный перепляс,
То на тропках мается,
Увязая в грязь.
Долго не потешишься
Ты, упрямый март.

В свежие скворечники
К нам скворцы летят.
Звенья хлеборобные
Вышли на поля.
Тучным плодородием
Тужится земля.
Снова потепление.
Тает синь снегов.
К новому цветению
Мир уже готов.
Юноши пикетами
Ходят в час ночной,
С первыми букетами
Встречи ждут с весной.

1963 г.

ВЕНИК

Я купил янтарный веник
И ошпарил кипятком -
И, как будто в сновиденьи,
Стал моложе отчий дом.

Жаркий веник, душу грея,
Воскресил во мне мальчика,
С ворожбою Пелагеи
Хворь мне выбил у крыльца.

А потом Анисьин веник
Дурь повыбил в сироте,
Приучая - с четверенек -
И к труду, и к чистоте.

В этих вениках мальчонкой
Бусы проса я щипал.
То-то солнечную пшенку
Трескал - аж огонь в щеках.

И на свалках - в дюнах вони -
Жег я проса шелуху.

Этот запах нищей воли
Я понюхал на веку.

Был мне веник - на все руки:
И метлой, и поплавком,
И стрелою был для лука,
И от злых людей замком...

И не жаль на веник денег.
Пылесос хоть и мощней,
А живее все же - веник,
Запах проса, дух полей.

ВИШЕНКИ

К небоскребу жмутся вишенки,
Лист-ладошку протянув.
Оживятся, словно нищенки,
Ковш воды чужой хлебнув.

Недозревшие, обобранные,
Как промчалась саранча.
И, машинами ободраны,
Сукровицею сочат.

Вспоминают, как их тешили
Всей деревней, бывшей тут...
По привычке в сроки вешние
Щедры вишни зацветут.

ВОЛНА

Вся в стремительном напоре,
Необузданно вольна,
Ты летишь по ветру в море,
Сумасбродная волна.

Что кичишься ты армадой
Волн, бегущих за тобой?
И зачем с любой преградой
Ты завязываешь бой?

Упоенная собою,
И грозя, и хохоча,
Ты нависнешь над скалою
И ударишь с горяча.

И шарахнешься от горя -
Разобьет тебя скала.
Что б ты значила без моря?
Что б без ветра ты смогла?

ВСТРЕЧА

Волны русых волос летели на плечи.
В серых летних глазах лучилась печаль.
Долго ты на меня смотрела при встрече,
Словно всматривалась в грядущую даль.

И рискнула со мной дождаться цветенья,
Долгожданного цвета и счастья плода...
Все осенней порой пришло в запустенье.
Только в сыне мы встретились навсегда.

* * *

И.М.

Вот и нашли мы единое поле
В жарких объятьях последней весны.
Как не хватало донской моей воле
Ласковой волжской полынной волны.

Долгие годы листали страницы
Знойных свиданий - дождливых разлук.
Но не затмили мелькавшие лица
Ясный твой образ, светлейший мой друг.

Черпай в колодце прозрачную свежесть.
Искренний свет отражай, как луна.
Чтобы из ночи ушла безмятежность,
Чтоб не томила судьбу тишина.

Будут и штормы, и льды, и пороги,
Будет завидно друзьям и врагам.
Что нам до них, если наши дороги,
Даже тернистые, дороги нам!

* * *

Вот и промчалась пора твоя вешняя,,
Лето прошло - ну и пусть!
Тихая-тихая, нежная-нежная
Светит в глазах твоих грусть.

Яркие яблоки - щеки любимые,
Сочный малиновый рот.
Тихая-тихая, неумолимая
Осень уже настает.

Яркие яблоки - щеки любимые,
Сочный малиновый рот.
Тихая-тихая, неотвратимая
Осень уже настает.

Рьяны к похмелью - моченые яблоки,
К чаю - малиновый джем.
Тихие-тихие зимние праздники,
Белая-белая земь.

В ПУТИ

Кружат, кружат хороводы
Сосны длинностволые.
Как девчонки в юбках модных,
Колкие, веселые.
Из-под сосен, из-под елок
Стайка выпорхнет березок,
Зарябит - закружишься,
Забелит - зажмуришься.
А дороги мчатся, мчатся,
Сходятся - расходятся.
А по ним и чье-то счастье

Сводится - разводится.
Вдруг свисток - и в сердце эхом
Радость откликается.
Вот и к счастью ты приехал,
Видишь - улыбается.

1963 г

ВСТРЕЧАЙТЕ МЕНЯ, СОСНЫ

Край глубоких снегов,
Край кирзовых сапог,
Край сибирских с начесом валенок,
К тебе ехать готов,
За плечом вещмешок...
“Мама, знаю, ну я ведь не маленький...”

Встречайте меня, сосны,
Тайга, назначай свиданье!
Сегодня в Сибирь я сослан
По собственному желанью.

Не научишься плыть,
Если не был в воде,
Если в жизни ни разу ты не тонул.
Не научишься жить,
Если не был в беде,
Если злости и пота ты не хлебнул...

Встречайте меня, сосны,
Тайга, назначай свиданье!
Сегодня в Сибирь я сослан
По собственному желанью.

1964 г.

ГРОЗА

Маленькие ласточки - маленькие планеры
Весело купаются в голубой лазури...
Вынырнув из облака, на мгновенье замерли,
С высоты глубокой возвестили бурю.
И на землю кинулись. Мечутся тревожно.
Крылышками пашут пыльную дорогу.
Вам, пичугам маленьким, драться невозможно
С тучами летучими и грозой-тревогой.
Мне же лишь потешиться над урчаньем грома.
Мне лицо подставить бы теплым летним ливням.
Потому я грозами выбегу из дома,-
На, хлещи! - И чувствую, силой их налитым.

1962 г.

ДИАЛОГ

- Ты по простоте людей жалеешь, -
Умудренный жизнью поучал, -
Все равно весь мир не обогреешь.
- Нет! - ему в ответ я закричал. -
Греет даже маленькая жалость
На пространствах холода и льда.
Лишь бы доброта не истощалась -
И на всех хватило бы тепла.

1975 г.

ДО ПЕРВОЙ БОРОЗДЫ

Кто поучать посмел зерно - что делать? -
Когда еще Спаситель не воскрес,
Весне поклоны бьет земная челядь,
И детородный плуг кует Гефест,
Еще колдуют звезды над погодой,
И Рок оратая не утвердил,
И не услышан Благовест природой...

Кто предсказать посмел - что впереди?

19 апреля 1991 г.

ДРУЗЬЯМ ДАЛЕКИМ

Повстречались со мной, все узнали -
И умчались в далекие дали.
И встречались-то, чтобы расстаться,
Чтоб прижаться ко мне и умчаться.
Но душа от того не нищала,
А богатою быть обещала.
Мы богатством сердец между нами
Навсегда поделились с друзьями.
И не спится нам, не веселится,
Если к другу беда постучится.
И работа становится спорой,
Потому что друзья нам - опора.
И читая судьбы своей повесть,
Друг по другу сверяем мы совесть.
И доверят нам чувства и мысли
От друзей торопливые письма.
Но чем больше друзьям я прощаю,
Тем я больше душою нищаю.
И как больно порою и душно,
Если друг к тебе стал равнодушным.
Равнодушие, ложь и порука
Равносильны предательству друга.
Не хвалите меня, не прощайте,
Я прошу вас, друзья, обличайте!

1962 г.

* * *

Дует ветер на луну
Тучами из дыма.

Дай тебя я обниму.
Ты ли не любима?

Чуть сурово выгнув бровь,
Лаской обогрею.
Чем скупей моя любовь,
Тем она ценнее.

* * *

Думал я, душа остыла
От забот и суеты.
Но во мне ты возродила
И надежды, и мечты.

И в руках горела, пела.
Трепетали два крыла.
В подвенечном платье белом
Расцветала - расцвела.

ИВА

Раскинула распущенные ветви
По небу ива в предрассветный час.
Под натиском взволнованного ветра
Она ему невольно отдалась.
И шелестела, гордая от счастья:
«Учись с моею кроной обращаться!»

Листочком каждым трепетала страстно
И веткой цепкой нежно обвила.
И, забывая время и пространство,
Металась ива с ветром до света.
И только он ослабевал чуть-чуть -
Будила шепотом: «Не дам заснуть!»

Но утомилась ива на рассвете.
И он остыл - ведь утро мудреней.
И вырвался из кроны легкий ветер.
А ей не оторваться от корней.

«Не отпущу!» - она шумела вслед...
И горше повести на свете нет.

3 марта 1990 г.

И ВНОВЬ СПЕШИТЬ...

И вновь спешить, и вновь надеяться...
Эх, степь, паши да все паши!
А за холмом уж не белеется
Дом, где оставил полдуши.
Как бесшабашны непорочные
Дня юных трепетов любви!..
Как долго полыхать пощечинам,
Что даны близкими людьми!
И вновь спешить, и вновь надеяться.
Эх, жизнь, паши тебя, паши!..

1962 г.

КАРТОШКА

Русский мужик
К картошке привык.
На картошке рос,
На картошке креп,
На картошке росс
Воевал за хлеб.
Пришел домой -
Шинель долой.
От картошки пар
Рассыпается,
А по телу жар
Растекается.
Хороша картошка!
Добавь немножко!
Ох, горяча!
Ух, парна!

Сажень в плечах
У парня.
Живуч испокон
Наш русский закон:
Картошки нет -
Обед не в обед!

1964 г.

ЛИДА

Хорошая девочка Лида...

Я. Смеляков

Тихая девочка Лида
Любит смотреть на Луну.
Что-то, наверно, ей видно,
Если глядит в вышину?
Тихая девочка Лида
Тоже кругла и бледна,
Тоже печального вида,
Как над домами Луна.
И почему она часто
Любит смотреть на Луну?
Может быть, видит ночами
Там золотую страну?
Пусть астронавтам завидно,
Что там страны не нашли.
Что-то, наверно, ей видно
Даже с далекой Земли?
Встанет в рубашке, босая,
В лунном сиянье к окну...
Что-то ее потрясает,
Если глядит в вышину.

МАТЬ

Какой бы путь себе ни избирала,
Какое бремя ни несла,
Последнее чужому отдавала
И кое-как сама жила.

Кроме работы ничего не знала
И горы своротить могла.
Всех, не щадя себя, оберегала,
Все одолела, все снесла.

В России всюду матери такие
И каждая похожа на Россию.

НА РАССВЕТЕ

Воздух на рассвете
Освежил меня.
Налетевший ветер
Дружески обнял.
Оглушили птицы
Песнею своей.
Предложил водицы
Искристый ручей.
Жаль, что на рассвете
Любят люди спать, -
Так и не заметят
Эту благодать!

* * *

И небо такое же синее,
И щурю от солнца глаза,
Но где бы я не был, Россия мне -
Конечный и близкий вокзал.
К тебе я стремлюсь, край березовый,
С теплом и сиянием лиц,
С печальными волжскими плесами,
Сполохами чудных зарниц.
Где люди по-детски открытые,
Где встречный - товарищ и брат.
Всемирною славой омытая,
Тобой я, Россия, богат.

1962 г.

* * *

Не выходи один под вечер
Глядеть на звездный свет.
Последний луч летит навстречу,
Звезды давно уж нет.

Не выходи один под осень
Глядеть на птичий слет.
Густым угаром трав и сосен
Задушит лес до слез.

Не выходи один под старость
Глядеть на молодых.
О, тем, что от тебя осталось,
Не напугать бы их!

1976 г.

* * *

Не позвонить, не написать письма,
Не постучаться в дверь и не вернуться...
Когда на мир обрушилась весна
И на деревьях бомбы почек рвутся.

Скользят торпеды рыбных косяков,
Птиц фейерверки пробивают небо.
И взрывчатое вещество - любовь
От залпа еле сдерживают нервы...

19 марта 1978 г.

НЕСЕМ ЕЕ УСТОИ

Поклонимся деревне в пояс.
Любой рабочий - из крестьян.
И та же честь, и та же совесть.
Деревня - в сердце россиян.

И все горевать не стоит,
Что с ней расстался навсегда
Мы все несем ее устои
В свои большие города.

И тем народ российский прочен -
Что все мы от одних корней.
Труд и оратный, и рабочий,
И ратный - для земли своей.

28 ноября 1983 г.

«ОТДАЙ МОЕ ФОТО!»

Всю вешнюю ночь ветер ставнями бил.
Щеколдой постукивал кто-то.
Наутро мой двор разрисованным был
Признаньем: «Отдай мое фото!»

Писали и дверь, и порог, и забор
Приказ расставания строгий.
С укором читал приумолкнувший двор
Души истомившейся строки.

«Отдай мое фото!» - несло над землей
Проклятье в лучах небосвода...
Мы слаще печали не знали с тобой.
И не было лучшего фото.

20 ноября 1986 г.

* * *

Отлетела веточка
От дерева в кювет.
Потерялась девочка
Одиннадцати лет.

И болит у дерева
Отломанный конец.
Что же вы наделали,
Родные мать, отец?

Веточка к обочине
Прижалась и растет.
Девочка у отчима
Тихонею живет.

Стала ивой веточка,
Да загрустит нет-нет.
Потерялась девочка
Одиннадцати лет.

1975 г.

* * *

Охвачен лес холодным пламенем,
Холодным пламенем души.
В природе все идет по правилам:
Не медлить, но и не спешить.

А мы любовное свидание
Сменять готовы на гроши
Или забыть, служа призванию...
И толком некогда пожить.

ПЕРЕД ШТОРМОМ

Плескалось небо, вольное, как море,
Толкалось в горизонт, как в берега.
Лишь облако на розовом просторе
Из нашего летело далека.

Оно темнело, словно взгляд поникший.
Росло и омрачало небосвод.
И мы застыли на земле притихшей,
Предчувствуя, что это шторм идет.
ПОПЛАЧЬ!

Поплачь, любимая, поплачь - и станет легче.
Когда отчаянье нахлынет громом гроз,
И целый мир тебе навалится на плечи, -
Пусть изойдет твоя душа потоком слез.

В ней накопилось до краев обид и боли:
Что ты со мною по весне не расцвела.
Ради чего судьбою жертвовать и волей?
Чтобы метель дороги в завтра замела?

Ты не терпи, родная, - сердце разорвется.
Облегчи исповедью душу до конца.
Проходит боль, когда она осознается.
Дай вытру слезы я с горячего лица.

4 января 1987 г.

ПОЦЕЛУЙ

Зимою в парке, чуть дыша
От холода и от смущенья,
Прижались мы - к душе душа -
В порыве первого влеченья.

И губы, пламенной угля,
Слились в предчувствии полета.

И уплыла от нас земля
В просторы юности далёко.

ПРЕДГРОЗЬЕ

Идут грозою туч валы,
Сгущая ароматы в сене.
Взгляни на лес - стоят стволы,
Как декорация на сцене.

Притихло все. Но, чуть шурша,
Дохнуло сквозняком сначала.
И вот воспрянула душа -
И все ручьями зажурчало.

1970 г.

ПРЯМОЙ ДОРОГОЙ

Иду я степью вспаханной,
Топчу тропинку узкую.
Завидую я пахарю,
Что холит землю русскую.
Пусть пыльны “остроносики”
И брюки стали сизыми,
Иду целинной просекой
Уверенно по жизни я.
И знаю, тропок тысячи
Я в юности протопаю,
Но все же так иль иначе
Пойду большой дорогою,
Прямою и тернистою,
А не задворкой гладкою.
Я жить желаю искренне,
А не в тени украдкою.

1961 г.

* * *

Свет твоей улыбки,
Теплой, белоснежной,
Подарил надежду
Мне в суровый день,
Что мужская твердость
С женственностью нежной
Могут сочетаться,
Словно светотень.

1980 г.
СУХАРИ

Сухари-сухарики,
скрип в зубах.
А чуть-чуть подсолишь -
еще сахарней.
Ах, какие хрустские - зуд в губах.
Не оттянешь за уши
с военных дней.

Пятки мелом вымазал -
на печи.
Снимок рентгеновский,
в лагерных трусах.
С ума из сумы
сведут калачи,
Сухари-сухарики,
Аршин - в кусках.

А положишь в чай -
набухнут в сажень.
Самовар кипит-поет,
дуй на блюдце!
- Бабушка, на базар?
Суму надень.
Бабушка, почем

куски продаются?

Сухари-сухарики -
хороши!..

И вдруг понял с возрастом,
что рос на кусках.

И зубовный скрежет,
и крик души,

Пальцы с хрустом сжимает
в кулак тоска.

ТАЙГА РАССТУПАЕТСЯ

Играет кровь и дух возносится,
Когда ты крепкою рукой,
В поту от ног до переносицы,
Сосну корчуешь за сосной.

Пусть губы сохлые, шершавые
Горят от жажды и мошки,-
Глаз, веселые и шалые
Огни таежные зажгли.

Ты в пору неумной юности
Схватился с вековой тайгой.
Тебе хватило сил и мудрости,
Чтоб выиграть неравный бой.

Тайга угрюмо улыбается,,
С утра умытая росой.
И с неохотой расступается
Перед мальчишками с пилой.

На землю топкую, липучую
Покорно падает сосна.
Не быть тебе, тайга, дремучею -
Ты людям свет нести должна!

1962 г.

* * *

Там, где сосны живут,
Ветры-вьюги поют,
Люди делят уют
Пополам.
Там беда - не в беду,
И нужда - не в нужду,
И вражда - не в вражду
Будет вам.

Там Сибирский Восток,
Трудной жизни восторг.
Если пустишь росток -
Навсегда.
Будешь сам жнец и швец,
И на дудке игрец,
И под дудку певец,
Хоть куда!

1965 г.

ХЛЕБ

Всю ночь гроза гремела за окном.
Всю ночь стоял старик, смотрел на тучи.
Дождь поливал валки уже давно.
“Сгниет!” - вздыхал крестьянин, горбясь круче.

И вспомнил я, как хлеб не берегут,
Как для скота буханки покупают,
Как оставляют в поле рожь в снегу
И как на хлеб ногами наступают.

И вспомнил, как жмыхом сломал я зуб.
И все искал, куда же мог он деться?
И вспомнил, как в военную грозу
О хлебной корочке мечтал я в детстве.

ЧАЙНИК ДЕЛАЛ БУРЮ

Холостяцкое прости мне любопытство.
На рассвете наблюдал с крыльца я:
Ты из хаты выпорхнула быстро
С одеялом налегке босая.
И в мороз стряхнула клубы пара,
Девичье тепло свое хмельное.
И февраль - на что суровый парень! -
Тая, юркнул в хату за тобою.
Ветры гнали сизый пар, глотая,
Как рыбешки гонят корку хлеба...
Жаль, что, как февраль, я не растаял,
Жаль, что ветром, пусть холодным, не был.
Я вернулся в комнату, нахмурен.
А на плитке чайник делал бурю.

1962 г.

* * *

Что это было - сон или порыв?
По юности ль веселые поминки,
Или дурман Абрамцевской глубинки,
Или судьбы несдержанный призыв?

Хозяйка спит. Наш поцелуй пуглив.
Всю ночь горит свеча в хотьковской крынке.
Разбросаны одежды и ботинки.
В избе на всем керамики облив.

Свидание так долго нас манило,
Что, кажется, навеки породнило...
А руки разомкнешь - и вновь одна.

Мы тянемся к обманчивому свету
На дне бокала терпкого вина.
А права нет на бой или победу.

1971 г.

* * *

Я шел к тебе десятки лет,
По большакам и по проселкам,
На твой домашний теплый свет...
Что толку?

Кричал тебе я все года.
Предчувствие беды крепчало.
Но ты не слышала, когда
Кричал я.

Так я не стал твоей судьбой.
Не стала ты родней и краше.
Чем громче мы кричим с тобой,
Тем дальше.

ПЕРЕВОДЫ

ПЕРЕВОДЫ

Али Хашагульгов

Перевод с ингушского

Ингушский поэт Али Хашагульгов родился в 1943 г. в селе Яндаре Назрановского района Чечено-Ингушской АССР. С 1944 по 1957 гг. находился со своим народом в ссылке в Казахстане. В 1961 г. поступил в Ростовский педагогический институт на филологический факультет, затем продолжал учебу в г. Грозном. В периодических изданиях начал печататься с 1963 г. И сразу же за свои неординарные взгляды был арестован органами КГБ и осужден на четыре года лишения свободы по статье 70 УК РСФСР. Отбывал срок в Мордовии, в лагерях для “особо опасных государственных преступников”. В 1967 г. вернулся в Чечено-Ингушетию, трудился учителем в школе, рабочим на заводе, художником-оформителем, дворником, сторожем, корректором, литконсультантом при Союзе писателей ЧИАССР, редактором журнала “Радуга” - обычная трудовая Одиссея творческого вольнодумца. В 1985-1991 гг. вышли четыре книги его стихов и прозаических произведений на ингушском языке для взрослых и детей. С 1995 г. - беженец из г. Грозного- живет и работает в Москве. Член Союза писателей России, член Союза художников России.

ПУТЬ ТВОРЦА

Не останавливайся, не уставай,
покоряй вершины!
Трудно идти сквозь туман,
трудно подняться выше туч,
голова кружится при взгляде вниз,
сердце падает... Все равно,
не останавливайся, не уставай,
покоряй вершины!
Скроешься ты из виду,
пропадешь без вести,
знавшие, любившие тебя забудут,
один лишь Бог услышит

ставший эхом твой голос...
Труден путь... Все равно,
только дорога, ведущая вверх,
к жизни ведет...
Только там увидишь то
что видит Бог,
только там постигнешь то,
что знает Бог...
Не останавливайся, не уставай,
покоряй вершины!
Стань горой, вершиной стань,
с небом растворишься... А потом,
когда Бог снизойдет,
ты, спустившись на землю,
став ребенком,
с детьми поиграй...

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Записали фамилию, имя, отчество.
Повесили дощечку ему на грудь
и сфотографировали...
- Это свидетельство о твоей смерти, - сказали ему. -
С сегодняшнего дня
под грифами "Х.В." и С.С." *
будет скрыто имя твое.
С сегодняшнего дня
не увидят тебя современники,
даже не будут знать, что ты был...
"Это свидетельство о моей жизни, - подумал он. -
С сегодняшнего дня
начинаю жить в будущем".

* "Хранить вечно" и "Совершенно секретно".

ИМЯ

- Враги отняли имя у меня, - сказал он, -
взамен мне дали шестизначный номер...

Я позабыл себя, и помню
твое лишь имя, дорогая *Родина*,
твое лишь имя, земляков моих *Свобода*.

ОКОШКО

С тетрадный лист
было окошко,
но каждый день
оно распинало Солнце.
Истекала кровью
плоть Солнца,
а на грудь человека
накладывался крест...

СТЕНЫ

Стены угнетали его больше всего.
Взгляд не на чем остановить.
Сколько ни смотри - серая пустота в глазах.
Летом на стены садились мухи
и казались шляпками от гвоздей...
А на ладонях появлялись отверстия.

СВЯЗИ С СОЛНЦЕМ

Привязав за ниточку,
камешек клал он в рот,
чтобы не проговориться во сне...
Отец, мать, жена,
дети, брат, сестра,
друзья, знакомые, желанные
могут присниться.
И, как знать,
он назовет их, сквозь сон, например, “Солнце”.
Услышат те, кто начеку.

“Что значит - “Солнце”?” -
подумают они.
- Что значит “Солнце”? -
спросят у него. -
Понятно, - скажут, -
теперь мы знаем, с кем ты...
А ну-ка признавайся, говори,
какие у тебя связи с Солнцем?

РЖАВЧИНА

Стены высасывали кровь по каплям.
Человек серел, как стены, а стены
покрывались красными подтеками.
Бетонный пол покрывался красной плесенью,
а двери - красной ржавчиной...
“Ржавчина подточит замки на железных дверях,
ржавчина разест прутья решеток на окнах,” -
думал человек, цепенея...

СПИЧКА

Он расщепил на четыре части спичку.
Так раскалывал он когда-то поленья чинары:
сначала на половинки, потом на четвертинки.
“Этим можно четыре раза прикурить, - подумал он. -
Уже, наверное, обветшал без ухода
мой деревянный дом,
ну, конечно, время и древоточец не пощадят его...
Интересно, в какую сторону дом обращен?..
Погасил ли я свет, когда выходил?
А что если он и сейчас горит?”

ТОПОЛЬ, ОБНЯВШИЙ СОЛНЦЕ

Его донимал запах масляных красок.
“Откуда исходит он? Вроде бы, ниоткуда...”
Запах пьянил. Он метался, счастливый,
остановился настороженно, присел на “пень”,
цепко взгляделся - на стене проступили картины.
“Как прекрасны горы, леса, облака, поля!..”
- Гляньте, - вскочил он, - это - тополь, он солнце обнял!
Станешь выше, поднимешься в небо,
достигнешь солнца.
Мой тополь тоже достиг. Это - моя любовь, моя мечта.
Ясно теперь, откуда запах масляных красок.
Придите, прошу вас, взглянуть на картины! Где же вы?

ЛАЗАРЬ

Сроку моему нет конца.
Моя мать получила известие, что меня нет в живых,
говорят, я умер. Может, и умер...
Лишенный луча солнца и глотка воздуха
не живет... И все же я надеюсь услышать:
“Лазарь, иди вон!”

ПРОМЕТЕЙ

Он спал стоя...
Под ним была вода, стекавшая со стен.
В пещере негде было сесть и лечь.
Проснувшись, он не чувствовал сначала,
как печень онемевшую клюет орел...
И обернувшись, всматривался в стену.
На ней он видел отпечаток тела, а там,
напротив сердца, лед подтаял глубже.
Он улыбался, радуясь, что скоро
насквозь протает - и окно блеснет в стене.

ЧЕТЫРЕ

- Четыре времени года, - говорил он, -
зима, лето, весна, осень.

Четыре стороны света:

север, юг, восток, запад...

И наша жизнь (с одной лишь дверью,
всегда закрытой железной дверью,
и без единого окна) - четыре стены:
холодная, замшелая, сырая, серая.

ЗНАМЯ

Он понимал, что жить оставалось недолго.

Вспоминал родных, друзей, с улыбкой
прощался с ними.

Представил Родину... развевалось над ней
чужое знамя.

И забыл он, что близок его конец, и начал мысленно
создавать свое знамя... красиво оно, освещало лицо...

Он спрыгнул с нар, счастливый, возбужденно ходил...

В это время открылась дверь - и ворвался
холодный мрак.

- Готово ,- сказал он, - знамя готово!

Можно водружать. -

Пришедшие за ним переглянулись.

ДЕТСКИЙ СРОК

- Радуйся, - говорят ему, -

тому дали восемь лет

за антисоветскую улыбку,

этому дали десять

за антисоветское молчание,

а тебе всего четыре года -

и вовремя! -

за антисоветские стихи...

Детский срок - повезло!

ЮНОША

“Кажется, восемьдесят лет мне, - раздумывал он. -
Сверстников внуки, наверное, стали большими.
И постарела, сгорбилась девушка, которую любил.
Впрочем, теперь она, может быть, бабушка,
возится с желанными городскими внуками...
- Дети балуются, - жалуется соседским старушкам, -
в деда пошли. Мы любили друг друга.
Правда, признаться в этом все не решались.
Как я мечтала, что он прикоснется ко мне!
Не суждено было сбыться тому...
Однажды, в середине первой недели лета
он оказался во власти красных джинов...”

ПЕНЬ

Он свалил дерево, которое веками плодоносило,
грохот паденья разнесся по всем сторонам света...
Он сел на оставшийся пень. “Отдохнуть надо немного,
хорошо б из махорки курнуть самокрутку, - подумал
и посмотрел по сторонам, - у кого бы стрельнуть?”
Сторон не было - только четыре стены без окон...
Глянул вверх: где солнце должно быть, увидел
электрическую лампочку под железной сеткой...
“Как я устал, - подумал, - устал бесконечно...”
Лишь теперь обратил он внимание на пень под собой
(в середине камеры в бетонном полу),
круглый пень железный,
как и закрытая дверь перед ним...

ЗАПАХ ДОЖДЯ

В камеру,
куда ничто не могло проникнуть,
ворвался запах дождя.
Душа рванулась,
комок подступил к горлу,
как у дикого зверя,
затрепетали ноздри.
Между ним и дождем
была двухметровой толщины
глухая стена...
“После смерти тоже
между мной и дождем
будет такое же расстояние,” -
подумал он.

УДИВЛЕНИЕ

Давно он отвык от людей.
Он жил среди персонажей, героев, титанов...
Забыл, какими бывают живые люди,
что есть просто мужчины и просто женщины,
которые живут семьей...
Удивился, увидев трехлетнего малыша,
игравшего в парке с молодой матерью.
Подошел, сел рядом - и поплыла скамейка,
перехватило дыхание, сердце заколотилось -
так пахнуло женщиной.

ДВЕРЬ

Вместе мы жили. Крепким каким бы ни был его сон,
вскакивал он, когда в двери поворачивался ключ, -
бледный, встревоженный, садился на постели...
“Это я, - успокаивал я, - только я, разве не видишь?”
Его сжатые руки опускались, он валился на спину
и засыпал, настороженно вперившись в дверь.

ВЫСТАВКА

Давно не брал он кисти в руки...
А потом новые его картины
были написаны как-то странно:
здание было без окон,
с ушами - стены,
с глазами - двери...
- Уберите эти двери! -
возмутился кто-то из тех,
кто пришел на его выставку. -
Они напоминают чудовищ! . . -
И здание начало разрушаться.

ПОЭТ

Он читал в газете статью о гриппе -
и сам заболел гриппом, не успев дочитать.
Он держал руку больного, помогая делать укол, -
и лекарство, введенное больному, прошло и в него.
Он увидел, как “наседка” в тюрьме харкал кровью, -
стал писать стихи об этом - и кровь пошла горлом.
Он казался флегматиком из-за внешнего спокойствия,
а был поэтом, и много раз,
как в глаза любимой женщины, смотрел с улыбкой
страшной смерти в черные глаза.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

- Вопросительный знак - это змея, - сказал он, -
которая на все вопросы в ответ
становится на кончик хвоста. Поэтому многие
не решаются не только спрашивать, но и отвечать
и слушать ответы... и не мудрено...

Нелегко на каждый вопрос
в ответ видеть глаза стоящей на хвосте змеи,
готовой ядовито ужалить... Опасное это дело -
редкий из задающих вопросы остается не ужаленным.
Но опасны и задающие вопросы, и те, кто отвечают,
и те, кто их слушают, потому что
нарушают покой своей счастливой страны.

МОНОЛОГ ЭВРИДИКИ

Ты-то спасся, счастливец. А я - здесь, несчастная,
ни жива, ни мертва, из-за нашей любви,
среди чудищ мучусь в преисподней...
“Что, сбежал! - говорят мне. - Любил - не сбежал бы,
позови, весть пошли - пусть вернется домой.”
Позови? Это - дом? Среди мертвых Аида?
Это царство Аида - могила, а в могилу я не позову.
Возмущенно ругают меня и грозят уничтожить...
Сколько можно уничтожать?
Я мертва, и нет здесь живых.
Дом живых - в мире солнца.
Туда ты бежал, мой Орфей!
И живи, мой любимый, за себя и меня, будь счастлив!
Знаю я, не легко и тебе в разлуке со мной.
Все же не разрешаю возвращаться из-за меня.
Если даже вернешься, не позволят увидиться нам.
Не забудь, ничего нет на свете дорожке свободы.
И бежавший однажды из преисподней -
даже ради любви не вернется назад...

КРЕСЛО

Ради кресла живет человек, ради кресла готов умереть,
самое высокое кресло -
это трон тирана.
Много кресел при восхождении
надо сменить,

чтобы взобраться на трон...
Но когда-то
любое кресло, даже трон тирана,
становится хламом.
И тогда выбрасывают его на свалку...
Есть только одно кресло,
за которое не борются,
хотя оно и вечно, -
это “Стул” Ван Гога.

ВЫСОТА

Тот, кто ползет,
вернее достигает высоты,
чем тот, кто летает.
Летящего всем видно -
и много у него врагов.
Ползущий
сам всем враг,
его не видно,
а если и заметят -
посторонятся с отвращеньем.
Когда летящий,
окровавленным комком,
сорвется с серых туч,
ползущий, высоты достигнув,
вниз смотрит на него
с ухмылкой злорадной...

ЯБЛОКО

- Яблоко, - говорил червяк, -
которое осенило Ньютона,
упало из-за меня.
Я заставил его упасть.
Я подтачивал его, пока
великий ученый
с отсутствующим взглядом
смотрел на него...
“Эврика!” - воскликнул он,
когда упал я в зеленую траву
с яблоком...

Он с просветленным лицом
начал что-то
быстро записывать.
Теперь все знают,
что он тогда написал.
Только забыл обо мне.

P.S.

- Подобрала яблоко и
(сбросив меня щелчком
и вытерев о свое голое бедро)
съела Ева...

АЛЕКСАНДР

“Не отбрасывай тень!” - сказал он. Иные считают,
что как будто сказал он: “Солнца не заслоняй!”.
Все - одно. Важнее другое -
Александр Диогена не понял.
Ожидал он услышать философскую мудрость,
старик же,
в деревянной бочке сидевший зимою и летом,
“Не отбрасывай тень, солнца не заслоняй!” - попросил.
Так и ребенок мог лепетать: “Мама, солнца хочу!”
“Мудрецы - чудаки! - улыбнулся Александр Великий. -
Как могу я отбрасывать тень, когда солнце - я сам!
О каком еще солнце говорил старик многомудрый,
когда солнце и весь этот мир - это я, Александр?” -
Так, наверно, подумал Александр, Диогена покинув.
Если да же не так думал Александр Великий,
позже много правителей думали так...
Ухмыльнувшись, они начинали оружие точить,
если малый народ, показавшись из бочки своей, говорил: “Не
отбрасывай тень, солнца не заслоняй...”
“Как могу я отбрасывать тень, застить солнце,
когда солнце - я сам!” - про себя удивлялся тиран.
Удовольствие доставляло так думать,
гордость сердца возвысилась от размышлений таких.
Может, так и не думал Александр Великий...

да, конечно же, так Александр не думал,
а иначе бы отнял он бочку и послал Диогена
философствовать мудро в краях не столь отдаленных...
Александр не сделал того, поэтому после
понял то изречение, но было поздно.

БРЕХТУ

(“Примкнувшим”,
“К потомкам”,
“Ужасы режима”,
“Мысли о длительности изгнания”).
Брехт, я прочитал некролог,
написанный о тебе Гейни Калау.
Такие шуточки в твой адрес, Брехт,
неуместны, скажу я.
Некрологи пишут только о мертвых.
Ты там, при встрече,
скажи ему об этом, Брехт...
Разве ты умер
двадцать или больше лет назад?
Ведь только сегодня
ты у меня в квартире
излагал мои мысли стихами,
и на столе еще не остыли наши чашки
с недопитым кофе...

ЖЕНА ЛОТА

В столп я превратилась не потому, что оглянулась,
а от того, что увидела впереди...
Далеко зашли, обогнав меня,
мой муж с дочерьми.
А дочери - здоровы, в теле,
да и муж а Бог не обидел.
Я не могла быстро идти,
ноги больные, да и возраст не тот,
кроме того, больно жарко было в тот день.
Меня смогли обогнать даже скорпионы и черепахи,

и я их боялась...
Остановились передохнуть муж и дочери, сели в тени,
открыли бурдюк с вином, стали пить и есть.
“Ну теперь-то меня подождут,
догоню,” - подумала я
и тащилась спокойно...
Но от того, что вдруг увидела я, приближаясь, -
окаменела... Нет, разрушения города
я не видела. Да и на нем ли вина!..
В стране, где и пророки *такие*,
с людей остальных спроса нет.

ИЗ ИСТОРИИ

- Занавес - нужная вещь, - говорил он. -
Без него театра не бывает.
Иногда, когда я закрываю занавес,
исполнитель больше не возвращается на сцену.
Какое-то время ему еще аплодируют.
Это у нас разрешено.
Но долго надеяться людям надоедает.
Они не ждут, расходятся и забывают о нем,
потому что устают ждать
две тысячи лет...

ДЕТИ

- Сироты наши дети, - говорил он, - еще нет года,
а уже - в ясли, потом в детсад, школу, интернат...
Только утром и вечером видят они родителей.
Дадим почувствовать им детство, чтобы помнили,
что были детьми, лежали в люльках,
сосали материнское молоко, играли в песочнице...
Приласкаем их, поиграем с ними,
сами побудем детьми, счастливыми, хоть на время...
“Такой я была, маленькой,” - расскажешь ты мне.
“Таким я был, малышом,” - расскажу я тебе.
Человек должен помнить, что был ребенком,
не забывать, что при рождении у него была пуповина,
которая девять месяцев связывала его

с родным любящим сердцем...

ДВАЖДЫ СИРОТА

Х.В.

Не мать меня родила, а чужбина, -
если бы мать - я родился бы в горах.
Кто рожден в изгнании - мачехой рожден.
Даже для одного тесным, как могила, чревом матери
мне с чужбиной пришлось поделиться...
Не успев появиться на свет, я лишился родившей меня,
потерял ее, делившую со мной утробу...
а ведь только матерью и родиной
нельзя ни с кем поделиться.
Этих двух начал я лишился.
Люди и один раз редко сиротеют,
а я - дважды сирота.

КАМНИ

Долгие годы жили они в немоте, и когда
кровью захаркал однажды один из них, -
вдруг изо рта его вылетел камень. Другие
переглянулись в недоумении, смутно подумав:
“Видно, у нас тоже в гортани такие же камни,
и потому мы потеряли дар речи?..”
Харкавший кровью к ним повернулся и заговорил,
только не жестами, как было раньше,
а в полный голос:
- Нечем дышать! Душно! Откройте дверь! -
Тут кто ушных перепонок лишился, кто оцепенел,
лишь единицы бросились смело к двери.
Дверь сгнившей была... и вместе с ней
люди упали на землю и друг на друга...
И закружилось от света и воздуха в их головах,
все зачихали, закашлялись... Вместе с плевками,

сгустками крови у них из ртов вылетали
черным мхом обросшие камни... И вырвались крики -
эхо громовое отозвалось им в ответ...
Рухнули крепости толстые серые стены.

ЗВЕЗДЫ

Зачем нужны звезды?
Небу они необязательны,
даже ночь может обойтись без них.
Тогда зачем зажигаются звезды?
Не уделяют ли им
слишком много внимания?
Не теряют ли зря время,
разглядывая их?
В каком возрасте люди
смотрят на звезды?
В какое время?
И как долго?
Уровень их образования?
В какую смену работают?
Опаздывают на службу?
А планы выполняют?
Как относятся к таким коллектив?
Есть ли что порочащее
в их социальном происхождении?
И т.д., и т.п.

ТУВИМУ

“О славе грядущих Ньютонов -
ингушских, чувашских, - пою...” *
Тот стих написал ты, Тувим,
когда мой народ был в изгнании.
Когда ты пророчил, ингуш
и права учиться лишился.
И если для целой планеты
такая опасная мысль
родиться могла в голове

спесивца, его заставляли
свершать двадцать пять оборотов
вкруг Солнца денно и ночью,
сначала на пятую точку
на крае Земли посадив...
Теперь же не так. Не совсем так.
Получше немного, верней.
Иные вернулись из ссылки.
И даже учиться смогли...
Но правда и то, что грядущим
Ньютонам, Тувимам пришлось
В Мордовии остановиться
(там климат подходит для них)...
И все же, Тувим, мне с тобой
в пророчество хочется верить:
да будут ингушский, чувашский,
любой из малых народов,
Ньютонов своих и Платонов
рождать... Да исполнится так!

* Юлиан Тувим, “Ex oriente” (“На восточные мотивы”. - лат.)

ДВОЕ

Сначала глазами они говорили,
потом стали жестами - боялись,
если услышат их голоса,
узнают, что они живы...
“Хочу подать голос,” - подумал один.
Другой покачал головой: “Не надо,
накличешь несчастье на наши семьи...”
“Разве дар говорить - не самое большое счастье?” -
вспылил первый и встал с места.
Другой покачал головой, пальцем на хлеб показал...
“Понял, - подумал первый, - оставайся в молчании,
а я уйду подальше, откуда не видно тебя,

и ты не сможешь увидеть и услышать меня,
тогда ты ни в чем не будешь виновен...” И ушел
на расстоянье длинною в человеческую жизнь.
Заговорил он сначала тихо, потом погромче,
потом еще сильнее, потом изо всех сил!
Второй попытался откликнуться -
и сердце разорвалось.

ВЕНЦЫ

Двадцатый век, твои поэты плохо знают
названья звезд, деревьев, трав... Зато слова -
“бушлат”, “барак”, “статья”, “параша”, “лагерь”... -
усвоили отлично... Тюрем в жизни
они сменили больше, чем одежды...
Двадцатый век, бросал ты не цветы
к ногам своих поэтов, а надел им
на головы венцы из проволоки колючей.

ПИРАМИДЫ

Рассказывал он, как сооружали
они Египетские Пирамиды.
И называл по имени рабов,
и вспоминал их лица.
- Нас были миллионы, -говорил, -
собравшихся из разных мест в одно.
И ежедневно
умирали тыщи,
иных же убивали просто так...
И ежедневно
на стройку доставляли тыщи новых...
И не был человеку человеком человек.
Жестокость правила,
торжествовало зло.
Стоят те Пирамиды

на людских костях.
Не многие из тех, кто строил
нынче живы...
Эх, что там вспоминать!
Налей-ка мне еще
вина, глядишь, забудусь.

ГЛАЗ

Он считал себя ни в чем не виноватым.
И все равно казалось, что глаз,
глубокий, как пропасть,
днем и ночью следил за ним.
Повернется направо - глаз наблюдает,
повернется налево - снова заметит,
а прямо идти - дороги нет,
кончилось пространство.

ГОРЕЦ

Тяжелее всего для меня было там
то, что я находился в степи, - говорил он. -
Глазу не на чем остановиться,
Не дойти никуда - пустой горизонт.
Разве есть горизонт, где нет гор!
Шел я, шел, - а куда и зачем? Кто бы знал!
И не сделать привал... Иногда представлялось,
будто вижу я горы и башни на них...
Плоско так, что, казалось, по горло я в землю закопан.
Хоть бы холмик какой, чтоб взобраться повыше,
Я с него бы взлетел - и на Родине мог оказаться...

ХРОМОЙ ТИМУР И ПОЭТ КЕРМАНИ

- Я мир завоевал, я - царь царей!
Ты сколько дал бы за меня,
когда, случись, меня бы продавали? -
спросил Хромой Тимур поэта Кермани.
- Двадцать пять воинов твоих, - ответил Кермани.
-Как! - в удивлении тиран воскликнул, -
Один мой пояс стоит двадцать пять...
- Его бы и купил, - сказал поэт, -
когда тебя бы продавали.

УЛИТКА

Крылатым конем было время ему.
Хотел он покинуть ночные пределы.
Уперся скакун головой в горизонт -
и бесы его окружили.
На конский помет свалили его
и прошипели: "Пусть станет
теперь эта куча Пегасом твоим..." -
Улитка вползла в его сердце.

ВОЗДУХ

Только недавно в наш дом проник свежий воздух,
поэтому немного легче дышится... Раньше было не так.
Раньше мы даже не знали, что можно дышать...
Говорят, есть такой вид червей,
которым воздух не нужен.
Когда открываются окна - падает с глаз завеса.
Когда открываются двери - падают с ног кандалы.

РОДИНА

"Хороша была бы Родина, - подумал он, -
будь она матерью, а не мачехой..."

Тогда бы ее больше любили.
Тогда бы можно было ради нее жить,
тогда бы счастьем было за нее умереть”.

ПОСЛЕДНИЕ

То, что в тумане прошедшие не увидали,
следом идущие могут увидеть при солнце.
Вот почему счастливы летописцы, -
последние знают то, чего не могли знать первые...

ДРУГОЙ МИР

Швырнув алюминиевую чашку
на бетонную стену горизонта,
он вслушивался в другой мир...
- Там, в другом мире, дождь идет, - говорил.
- Там, в другом мире, солнце взошло, - говорил.
- Там в другом мире... -
оборачивался, говоря изменившимся голосом,
и бледнел...
Потом сутками отрешенно молчал.

Салих Гуртуев

Перевод с балкарского

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

На горы, на деревья снег
Летит и тает век от века.

Искал ли славы человек
Добыв огонь для человека?

Нет. Был он полон дум о нас -
И возгорелся над веками
Огонь немеркнувший... Сейчас
Хранимый неустанно нами.

Герои гибли - всех не счесть! -
Чтоб силы зла свет не затмили...
Средь них - отцы и деды были:
Теперь горит огонь в их честь
На братской, памятной могиле.

Обнявшись, спят они в земле -
Бессмертной, сладостной, былинной...
Не так ли спят дубы во мгле,
Снесенные в горах лавиной?

Гори, гори, огонь, века!
И лица нам и нашим детям,
Как материнского платка
Крылом - ласкай теплом и светом.

* * *

“Петлю хочешь затянуть, -
Говорили мне не раз, -
Женишься - не даст вздохнуть
Женушка. Ты вспомнишь нас”.

Но уже который год
Сердце, словно путник в зной -
К роднику прохладных вод,
Тянется к тебе одной.

Не могу я столько лет
Надышаться на тебя.
А друзьям даю совет:
Верьте сердцу лишь - любя.

СЕРДЦЕ МОЕ

Мое жаркое сердце - по праву
Моих дум и метаний держава.

Все вместило в себя - домик отчий,
И грозу непроглядною ночью,
И склоненную грушу в снегах,
И старинную крепость в горах.

Для одних оно - щит от напасти,
Для других - утешенье в несчастье.
Всем открыто оно - без преград,
Как дождю расцветающий сад.

Если празднует радость людскую -
То смеется оно и ликует.
Словно солнце, лучится, горит
И о счастье моем говорит.

СИРОТА

Тот год был суровым и мрачным - в горах
Клубился зловещими тучами страх.

Фашистская свора в село ворвалась -
И замерли песни о счастье тотчас.

Мужчины в кровавом неравном бою
Сражались и пали за землю свою.

Никто защитит от незваных гостей
Не смел и не мог стариков и детей.

Лишь посох приподнял слегка аксакал -
Фашист на гашетку трусливо нажал.

Метнулась горянка закрыть пулемет
Упала сраженной - и руки разлет.

Заплакал сынишка навзрыд, обнял мать,
Не в силах постигшее горе понять,

И сжал кулачки и зубы сцепил,
Но чтоб отомстить - слишком маленьким был.

Текла от горящего дома жара,
А он все лежал средь родного двора

У матери милой своей на груди,
Не думая даже куда-то уйти.

Палящее солнце входило в зенит,
А он удивлялся: “Да что ж она спит!”

Тяжелая туча с вершины ползла,
Чадил его дом, догорая дотла,

А он возле тела сидел недвижим,
Глотая горячие слезы и дым.
Нахмурилось небо, стал дождь моросить -
Он матери тело старался укрыть.

И там же, когда ночь сошла на аул,
Усталый, заплаканный, сырый - уснул...

А после, когда засияла луна,
Как мертвенный лик материнский - бледна,

Тихонько соседка скользнула во двор -
Взяла сироту, что в обычае гор,

В свой дом, к очагу усадила скорей -
Подвинулись трое ее сыновей.

Нашла отрубей и чурек испекла,
И первый кусок сироте подала.

СЛУШАЮ СЕРДЦЕ ЗЕМЛИ

Прилег... К земле я ухо приложил - и
Послушал так дыхание земное.
Трава, деревья, наши горы живы -
Что ж страх за них мне не дает покоя?

Я спрашиваю, как другие прежде:
“О жизни что, Земля, тебе известно?
В душе живут на лучшее надежды -
Но сбудутся ль они, скажи мне честно?”

Встревожен я дыханьем жарким века
И стоном крон от шквального порыва.
Речет Земля: “Боюсь за человека,
Что оказался на краю обрыва”.

О жизни звезд я думал и о соснах
Родимого Баксанского ущелья...
А в небесах таинственных и грозных
Ветра, как крылья мощные, шумели.

И я решился в небеса всмотреться:
Там против ветра плыл орел устало...
Как Родина, огромным стало сердце,
Возвышенным, как небо, сердце стало.

И сразу же все скорби мировые
Меня настигли, сердце переполнив, -
А вдруг восторжествуют силы злые
И на земле наступит полночь в полдень?

Нам друг на друга надо опереться -
И будет нам спокойнее за Землю...
Лежу, биению земного сердца
Своим тревожным сердцем чутко внемлю.

Вячеслав Читанаа

Перевод с абхазского

БУДЬ ХОЗЯИНОМ ВЕЧНО

Лучезарное утро,
На дворе ты хозяином будь!
Не смогу я как будто
Оценить твою добрую суть?

Голубыми очами
Над моею землей ты вошло.
Отступили печали,
И исчезло бездушное зло.

Ты коснулось приветом,
Словно сказки, любимой земли.
Расколдованы светом,
Песни дня мы услышать смогли.

Все с тобой - в новом виде.
Ты сердца обновило светло.
Чтобы злу нас не выдать,
Своим именем нас нарекло.

Будь хозяином вечно -
На дворе моем станет светлей.
И пойму я, конечно,
Что не ждешь ты оценки моей.

* * *

Был день и скучен, и тосклив.
В снегах надежда - чуть жива.
Но хлынул в сердце чувств прилив -
Оттаяв, вспыхнула трава.

Огонь зеленый все крепчал,
Горят земля и небосклон.
Спешат сердца найти причал.
Какой мужчина не пленен?

Весна, ты сердце исцеляй,
И тучи дум моих развей.
Попутный ветер, налегай
На паруса души моей.

Весной надеждой я богат,
Которой юность хороша.
И каждый март, и каждый март
В разладе с разумом душа.

ВЕЧЕРНЯЯ КАРТИНА

Тихо над озером ветер сдувал
Белую вату моих облаков.
Снова в ворота надежд зазывал
Вихрь необузданных дум-скакунов.

Вот надо мной и очистилась высь.
Только с обидой я наедине.
Ветру мои облака отдались.
Где он их носит - неведомо мне.

* * *

Вешний лес горит в молодом огне,
Оттого сейчас весь зеленый.
В песнях ранних птиц все понятно мне.
Воздух сам звенит, просветленный.

Зеркала небес - глубоки, без дна.
Горы - глянь, блестят ледниками.
Говорят цветы: "Нас ведет весна".
По ветвям бегут огоньками.

Сколько лет живу на земле родной,
А в беспомыслии лишь впервые.
Так совпало вдруг: у меня весной
Расцвели года молодые.

Как младенцу, мир светит мне с утра,
Голубым огнем пламенея.
Перед ним застыл я среди двора,
Словно и ходить не умею.

* * *

Время мчится,
Словно всадник на коне.
Этой гонке
Не устану удивляться.
Годы детства
Издавека машут мне.
Думал я,
Что никогда нам не расстаться.

И зачем ты, время,
Детство унесло?
Никогда мне
Не вернуть его обратно.
Что тебе оно?
А мне с ним так светло.

У тебя нет сердца,
Время, вероятно.

Как и раньше,
Кукурузу жарю я.
Все боюсь забыть я
Детские причуды.
Уж обдумана
Вся будущность моя,
А все жду из детства писем,
Словно чуда.

С легкой жизнью
Никогда не примирюсь.
Напролом могу пройти
И лес темнящий.
Я старению души
Не поддаюсь.
Верю в солнце
И в весенний день грядущий.
Я не жалуясь
И духом стал крепчать.
Есть дорога у меня -
Иду за нею.
Жизнь люблю.
Готов и заново начать,
Если детство
С букваря вернуть сумею.

ГЛУБОКОЕ РУСЛО

Доверившись руслу, стремится река.
Ей снится такое же счастье.
И рада вода повстречать берега,
Ей к ним не дано возвращаться.

Мы будем гордиться глубокой рекой,
Забыв про глубокое русло.
Отвыкнуть бы нам от привычки такой -
Судить о явлениях узко.

Стремится река неустанно вперед
Родною своею дорогой.
И знает она, ее русло ведет
И служит надежной подмогой.

ГОРЫ

Вот и снова зима в наши горы пришла,
Вьются снежные стаи.
Горы в тихом покое стоят у села,
Видно, тоже устали.

Что они испытали суровой порой -
Никому не расскажут,
Потому что имеют характер такой:
Скрытны горные кряжи.

Не один ураган бушевал в их судьбе -
Бились с бурями смело.
Только зло никогда не держали в себе -
И весна подоспела.

Не промчались они от тебя стороной,
Словно кони, беспечно.
Стал ты сыном горам на земле дорогой -
Значит, жить тебе вечно.

* * *

Грустными стали неясные дни.
Светлую душу туманят они.

Прячет глаза свои темная ночь.

Я не о ней. Мне себе бы помочь.

Стал одиноким поникший мой сад.
Голые ветки так больно хрустят.

Дождь надоедливый льет все и льет.
Дума морозит мне сердце, как лед.

Юности осень совсем не близка.
Сердце мне гложет по солнцу тоска.

ДВЕ РЕЧКИ

С. Цвижба

Я не обращал вниманья,
Как зовут их земляки.
Есть ли берег без реки?
Есть ли реки без названья?

С горных круч сойдя неслышно,
Держат неприметный путь,
Не желая отдохнуть,
Речка Шкваа, речка Цышва.

И обид у них немало.
Лес рубили приречной,
Резал русло сухостой,
Но вода о том молчала.

В этом есть вина твоя,
В этом виноват и я.
Их язык не изучали,
И не тронешь нас речами.

А они плетутся еле.
Нет уже и сил былых.
Кто подумал бы о них -
Чтобы русла не мелели?

ДЕРЕВЬЯ

Когда ураган затих,
Нагнулись в слезах деревья.
И мне об обидах своих
Сквозь плач рассказали с доверьем.

Дрожал их каждый листок.
Сжималось сердце невольно.
И взгляд отвести я не мог,
Хотя и смотреть было больно.

Не мог показать и слез,
Потоком хлынувших в душу.
Надежду и них бы унес -
И больше бы не был им нужен.

Дрожали они в саду,
Поблекли все, ослабели.
Нам дарят они красоту,
Но губят их грозы-метели.

ДОРОГИ

Сначала были люди. А потом
Они дороги проложили всюду.
И не было б дорог в краю пустом,
Но свой оставить след хотелось люду.

Дороги в бездну падали вдали,
Взмывали в горы к облачным вершинам.
С доверием за ними мы пошли,
С их помощью дела свои вершили.

И бесконечность поняли дорог,
О них сказали: “Всех начал начало”.

Награду каждый до конца берег,
Какой его дорога отмечала.

По ним идем, и плача, и смеясь.
Они мостами жизни служат многим,
Постичь нам помогая с миром связь.
И жаль мне человека без дороги.

ЗАПОМНИЛА ЛИШЬ ТЫ

Вошла в деревню ночь слабеющей больной -
Покрыло темнотой весь мир передо мной.

И ничего во тьме глубокой не видать.
Утихнувшая днем, проснулась боль опять.

За облако луна скатилась с высоты.
Как это все прошло, запомнила лишь ты.

Запомнила лишь ты. Тебе ж не до меня.
И нет в росе следов ко мне в начале дня.

Боясь, чтоб в сердце боль не заменил покой,
Я сохранил ее тепло во тьме ночной.

ЗВЕЗДНЫЕ ПТИЦЫ

Заночевавшие в саду небесном птицы
Сияют звездами, - в тиши ночной светло.
Деревья старые, склонив друг к другу лица,
Смущенно спрашивают: "Что произошло?"

Зачем разыгрывать сейчас недоуменье?
Они на небо поднялись, чтоб отдохнуть.
"Пока ничем я не воздал им за спасенье," -
Подумал вдруг - упрек стеснил мне больно грудь.

И понял я, увидев их теперь за далью,
Какую силу мне вернуть они смогли.
Спасая сердце, сокрушенное печалью,
Носилась песня их весной моей земли.

Они покинут утром сад небесный снова.
И на лету коснутся вновь моих ресниц...
Пока же я стою среди двора родного
И берегу покой притихших звездных птиц.

ИЗГНАННАЯ ВОДА

...Едва рассвело - и все кончилось. Люди пришли к
своему святилищу, чтобы узнать, что случилось. А
тот, кто осквернил воду, лежал пораженный громом и
молнией. Воды не было - она ушла, русло реки
провалилось в бездну.

Из преданий абхазов

Река, что изгнали с земли моей по заблуждению,
Ушла черной тучей на небо сверкать и стонать.
Скучает по милой земле и летит за ней тенью
Вода оскверненная, просится в русло опять.

Однажды, зазнавшись,
почувствовав силу и волю,
Гордец, глядя в воду святую, воскликнул:
“Я -бог!”

И реку, свободно привыкшую течь по раздолью,
Без бед и печали, - изгнать злоумышленник смог.

О том, что случилось потом, позабудем едва ли.
Мы с верной дороги назад повернули тогда.
И мучила жажда, и воду мы все обвиняли.
Нашелся один, кто сказал: “Не виновна вода”.

Вода оскверненная стонет над горною кручей,
Волнуется, мечется в небе грозой шальной.
Совсем стосковавшись,

проносится ливнем могучим,
Ласкаясь безумно с ее породившей землей.

* * *

Как новое счастье, на крыльях весны
Цвет юности ранней - цвет ярко-зеленый
На сад мой любимый слетел с вышины.
На новое чудо смотрю, просветленный.

Прошу тебя, сад, побеседуй со мной.
Ведь доброе слово с утра освежает.
Как радугой ветки согнулись дугой,
Я вижу, что щедрому быть урожаю.

Бодрящею влагою вечных снегов
Умоюсь, как раньше, - лицо запыхает.
Взовьются дымки пробужденных домов.
На землю родную рассвет наплывает.

Поставив кувшин на плечо на бегу
И длинным подолом росу подметая,
Спешит моя мать по тропе к роднику.
Кричат петухи:
“Просыпайтесь - светает!”

Хожу я по саду, весной озарен.
Раскинулся он без конца и без края.
И свежестью, словно вином, опьянен.
Сегодня я жив.
Не умру никогда я.

* * *

Колыбель мою качая
И лучами освещая,

Солнце, как с любим растением,
Нянчилось со мной с рожденья.

Солнце к нам во двор спешило,
На траве росу сушило
И меня, умыв сияньем,
Выводило на гулянье.

Вырастал я, им хранимый,
Сердцем нежный и ранимый.
Рос с любовью беззаветной
К солнцу и земле приветной.

В кровь мою вошла святая
Нежность солнечного края.
Доброты людской напился -
Верой в правду укрепился.

ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ

О, моя ворожея, ты меня обворожила.
Песня леса родилась - и себе я дал обет.
Но когда настал мой час, ты ответила немилостиво:
“Неудачливая я , невезучей в мире нет...”

И поверилось тогда, что задумал я пустое.
И в смятенье я не знал, как помочь своей любви.
А рыданье слов твоих жгло мне сердце молодое.
“Осмотри!” - кричали мне опасения твои.

Песней леса клялся я - и ничто не помогало.
И однажды милый двор я покинул сам не свой.
Все на свете повидав, возмужавший и бывалый,
Через сто тревожных лет
я вернулся в дом родной.

И смутило, что тоска по былому опоздала.
И пронзила сердце боль, тронул душу холодок.
Если б ты обворожить не смогла меня сначала,
Неизвестно еще, как я судьбу осилить смог.

МАТЬ

Я вижу твой образ святой.
Когда от влюбленности нежной
Душа потеряет покой, -
Меня он врачует надеждой.

Когда на далеком пути
Пахнет непогодю стылой,
Он сердце согреет в груди,
Наполнив меня новой силой.

Когда мои ночи и дни
Потоками с гор громяхают -
И мне ненавистны они, -
Он верить в себя помогает.

Когда же над хмурой горой
Луч солнца блеснет драгоценный,
Я знаю, и этой порой
Мне нужен твой образ священный.

НАЧАЛО

Д. Ч.

Пар, поднимаясь над чистым моим родником,
В воздухе таял и в сон погружал без печали.
Юности вольной тревожный удел незнаком,
Вольная юность от многих зависит вначале.

Снилось мне: крепости прошлые рухнули вдруг,

Двинулись лавой навстречу - и я пробудился.
Нет, не нашелся я, чем объяснить мой испуг,
Нет, вгорячах я на раны взглянуть не решился.

И не заметил, когда подоспел ты ко мне.
Но не о том эта песня, познавшая муку.
Рухнув, руины подмяли меня бы во сне,
Если б не спас ты меня, протянув свою руку.

Оком всевидящим, молнией в небе блеснул.
“Скоро вернусь,” - обещал. Не успел закричать я-
Только от чувств,
переполнивших сердце, вздохнул:
“Я за тобой! Я готов испытать свое счастье”.

Жду я растерянно, душу сомненье сосет.
Мучают годы меня, утешая беспечно:
“Ты потерпи еще, крепости, что он спасет,
Принадлежать и ему, и тебе будут вечно”.

НАШИ ПОЛЯ

Поля как будто без обиды
Глядят, не отрывая глаз.
Давно пропали мы из виду,
Но все грустят они о нас.

Ушло и наше время тоже,
Дороги наши разделя.
И подобрать мы слов не можем,
Чтоб их одобрили поля.

Не нами сердце ли разбито
Былое помнящих полей?
Глядят как будто без обиды
Поля, поля... Нет вас родней.

И притупившееся горе
Уже мирит меня с былым.
Лишь я виновен в нашем споре,

Напрасно мы других виним.

И, сжившись с горечью утраты,
“Вернитесь!” - нам поля кричат.
...Из мира моего ушла ты,
Как кровь из вены, горяча.

НЕОГЛЯДНАЯ ВОДА

Неоглядная вода*
С давних пор была свята.
Только стала не нужна
Неоглядная она.

Позабыли мы давно,
Что веками рождено:
Лишь глотнешь такой воды -
И познаешь счастье ты.

Собираясь в дальний путь,
Нам в ту воду не взглянуть.
Раз с оглядкою всегда -
Значит, мутная вода.

Почему забыта та
Неоглядная вода,
Что учила нас уму?
Почему же, почему?..

* Неоглядная вода - один из абхазских тотемов. По обычаю человек должен принести из колодца воды, ни разу не оглянувшись назад. Перед дальней дорогой, посмотрев на поверхность этой воды, он поймет, что ждет его в пути.

* * *

Ночную даль пленила тишина,
Раскинув крылья над родной землею.
Моей надежды нить пока прочна.
Пока... Но угонюсь ли за мечтою?

День с ночью завтра разведет рассвет.
Зажжется солнце, на листьях играя.
И за калитку выйду я чуть свет,
Отправлюсь в путь, росу с цветов сбивая.

Замечу суматоху птиц в саду -
Как будто закатили пир достойный.
Я с плеч стряхну печаль и в лес войду,
В порядок мысли приведу спокойно.

На дне ручья замшелых валунов
Коснусь рукою - и душа отгадет.
Взгляну на кроны буков и дубов:
Они высот свободно достигают.

И на неукрощенного коня
Тугой аркан накину по дороге.
Такой строптивый есть уж у меня,
Неукрощенный конь дороже многих.

А вечером я побреду домой.
Мой дед, чья голова белее мела,
Вздыхнет: "Мне скучно. Где ты был, герой?"
Все расскажу о том, что наболело.

Тоскует дед о стае славных дней,
Что на лебяжьих крыльях улетели,
И радуется юности моей,
Еще не укрощенной в самом деле.

НОЧЬ В ГОРАХ

Вдруг вспыхнула молний дуга,
Как будто скрестились кинжалы.

И брызнули искры в снега,
С шипеньем во тьме задрожали.

Так ахнул раскатистый гром,
Что рана на небе открылась,
И вспыхнули думы костром,
И нежное сердце смутилось.

И крикнул в угрюмый простор
Орел сиротливою птахой.
Чуть теплилось мужество гор
В потемках, охваченных страхом.

Испуг я осилить хотел.
- Крепись! - прошептали вершины. -
В грозу на такой высоте
Крепчает характер мужчины.

ОСЕНЬ

Остановилась тишина,
И осень отдыхает тоже.
На небе до утра луна,
Подобно стражу, спать не может.

Что близко сердцу моему,
Оберегаю, как умею.
И снова осенью пойму,
Что все я успеваю с нею.

И облаков отара вдаль
Спешит на звездном небосводе.
Вослед за ней моя печаль
По этой же тропе уходит.

Намного осенью светлей
Бывают ночи в самом деле.
И мы до утренних огней
С тобою поровну их делим.

Мы торопиться не должны,
Рассвет еще далеко очень.
Как ночи осени длинны!
Зато судьба у них короче.

ПЕСНЯ

Ночью вешней
Шла невеста
В сад мой светлый
С белой веткой.

Напевала,
Наполняла
Душу пеньем
И цветеньем.

Цвет и песня
Слились вместе
И над садом
Плыли рядом.

Лес мой хмурый,
Сад понурый,
Вам полезны
Цвет и песни.

Ночью вешней
Думай меньше.
Провздыхаешь -
Опоздаешь.

Я ж вздыхаю,
Повторяю
Всюду имя,
Что любимо.

Чтоб от пенья
В ночь цветенья
До рассветных
Слов ответных

К нам летели
Вечно тени
Белым светом -
Вешним цветом.
ПЕСНЯ ВЕТРА

Я слышу не плач, а песню гулящего ветра.
Всю ночь во дворе готов он свистеть до рассвета.
Не надо жалеть - не плачет он возле окна.
И в голосе лед - душа у него холодна.

И губы твои на жаркой щеке моей тают.
“Открой ему дверь,пусти его в дом,” - умоляют.
Деревья трещат и хлещут ветвями всю ночь,
Кричат: “Отпусти! Оставь нас!”
Но как им помочь?

И я между двух огней колебался вначале:
То голос твой креп, то стоны деревьев крепчали.
Зачем же в свой дом впускать нужно ветер, зачем?
Не верила ты, но он был холодным совсем.

Примолкнув к утру, сказали открытые ставни:
Ты с ветром лихим ушла - я навеки оставлен,
А имя твоё и в сердце звучать перестанет...

Как слышу с тех пор, что ветер распелся в саду,
Мне кажется, он насвищет кому-то беду.

ПЛАЧ ВЕТРА

Жаль стало ветер - он плакал во тьме.
Вы не поверите мне?
И полетела из дома душа,
Словно за песней спеша.

С ветром шальным - разговор не простой:
Сыпались звезды росой.
Косы в порывах рыданий тряслись,
Тучами в небе вились.

Ну же, не плачь! Я прошу, все забудь!
Плач твой терзает мне грудь.
Вижу, страдаешь от болей моих.
Верю, не слушай других.

...Жизнь ли пристойная стала милей?
Сердце ли стало добрей?
Плакал, к стене прислонясь головой,
Жалобный ветер ночной.

* * *

Под крылами журавля
Ветра нет. Почти без сил
В одиночестве паря,
Он на небе загостил.

Он отстал от легких стай.
Скрыла их морская даль.
Пожалеть бы - да не стал.
Вечно времени нам жаль.

Он грустил о журавлях.
Разделить бы горе с ним.
Сироту на небесах
Сердцем бы согреть своим.
Мы ж от слез чужих бежим.

И крылами журавля
Машет облако без сил.
В одиночестве паря,
Дождь на небе загостил.

ПОЛНОЧЬ

Двери в доме задрожали,
Ветер их открыл в ночи.
Все в деревне крепко спали,
Только я один вскочил.

Вышел в сад - и со слезами
Бросилась ко мне гроза.
То, что было между нами,
Позабить уже нельзя.

И намokли лес и поле,
И дрожали все в слезах.
Отношенье с ними, что ли,
Выяснить пришла гроза?

Все, как прежде, я уверен,
Будет на своих местах.
Пусть мой ранний сон потерян,
Я очнулся неспроста.

Гостья выплакала слезы,
Только сердце все болит.
Отсырели в небе звезды,
Жалок их поблекший вид.

СЕГОДНЯ НОЧЬЮ

Эта ночь, словно сказка, ясна,
С позолотой - не то что вчера -
Светлоокая в небе луна
Расточает поток серебра.

Свет задула соседка в окне -
В ожидании доброго сна.
И скучает звезда в вышине,
Та, с которой вздыхала она.

Петухи, нагорланившись впрок,
На насестах притихли во сне.
Только лает надрывно щенок.
Что тревожит его в тишине?

И мираж перед взором встает.
Но тотчас исчезает, увы! -
Лишь из крепости старой спугнет
Тишину хохотанье совы.

Я один посреди темноты.
И насмешливо ветви шумят.
И, от смеха упав с высоты,
Листья долго на землю летят.

СЕРДЦЕ

Мечта, как пена, тает -
Едва ее коснешься.
Не будь на сердце тайны -
От жажды задохнешься.

Раздумья сердце гложут,
Прозренья и терзанья.
Оно погибнуть может -
Будь твердым в испытанье.

Пустяк или жестокость -
Все пережить сумеет.
Но только одиночество
Оно не одолеет.

Оно полно любовью
И добротой пылает...
Проклятье ждет любого,
Кто сердце обижает.

СКАЗОЧНАЯ ЗЕМЛЯ

Я сказочную землю берегу,
Как сказку (ей обязан очень многим),
Чтоб новый день на отчем берегу
Не мог совсем остаться одиноким.

Тем ранам, что когда-то нанесли
Моей стране, вовеки не забыться.
Кто мог подумать, что судьба земли
Растерзанной - донныне сохранится!

Зазеленели травы на холмах
Могильных, преисполненных печали.
Но шепчет ветер памяти в стеблях,
Чтоб красоту земли мы не попрали.

Обязаны мы помнить имена
Тех, кто до нас не прожил полной меры.
А если завтра жить хотим - нужна
В грядущее земли большая вера.

Нельзя и допустить, чтоб в жуткий час
Душа земная вздрогнула с опаской.
Тогда земля спасет лишь тех из нас,
Кто свято бережет ее, как сказку.

* * *

Солнце упало - и росы остыли,
Меркнет сиянье над ширью степной.
С неба слезу облака уронили.
Нынешней ночью лишь думы со мной.

Я на скамейке сажу отрешенно.
В балку глубокую льется туман.
В этой низине поет упоенно
Сирый сверчок, схоронившись в бурьян.

Ветви деревьев еще не раздеты.
Листья украдкой мне стали шептать.
Слышу я - мне доверяют секреты.
Только б никто не успел помешать.

Серпик луны на темнеющем своде
Светится бледно свечой восковой.
Заворожить все желая в природе,
С вечера ветер был нежен со мной.

В эти мгновенья душа сожалеет:
Как же несчастны беспечные те,
Кто равнодушное сердце имеет
И не дивится земной красоте.

СОН РОДНОЙ ЗЕМЛИ

На дворе моем весна - как хозяйка молодая.
И холодная душа отлетела от зимы.
Вновь гвоздика расцвела, краснощекая такая,
А на ней - роса в лучах от небес и от земли.

Белый парус за мечтой
по волнам зеленым мчится.
Птичий гомон разбудил
чудный лес с восходом дня.
Та, чье имя берегу даже в думах, как зеницу
Ока, утром расцветет так же в сердце у меня.

От косичек сладкий дух источают ветви сада.
В душу он мою проник,
кровью вспыхнул огневой.
Ждать мне дольше - смысла нет.
Одиночества не надо.
И девичий робкий смех поманил я за собой.

Сон зеленый трепетал на лице родного края.
Я вскочил в седло - успел
только след в росе блеснуть.
У строптивного коня гривы шелк перебирая,

Ветер обнимал меня и благословлял на путь.

Жизнь моя, ты, как родник,
горный, искристый и чистый.

Жизнь моя, ты, как фрагмент
жизни всей страны моей.

И заря моих надежд светит пламенем лучистым.
Песней утверждая жизнь, я лечу навстречу ей.

* * *

Стихла ночь в глубоком сне,
Наконец утомилась!
Все, что видно было мне,
Темнотой сейчас покрылось.

Синей птицы не слышать.
Лишь она меня бодрила.
Охлаждается тетрадь.
Сохнут попусту чернила.

Все хочу я сохранить
То, что спит во мне в зачатъе.
И судьбы прядется нить,
И, конечно, ради счастья.

Трудно сделать первый шаг
Нам с тобой в любви, родная.
Буду изводиться так
За тебя и за себя я.

Яблоня моя в цвету,
Словно в клочьях белой ваты.
Я под яблоней в саду -
Вешней ночи провожатый.

СТРОКА МОЯ

Ты была в беде со мною.
В сердце ты впилась стрелою -
Вырвала ее из раны,
Выбрала мне долю рано.

Повела до перевала.
И в пути не отставала.
Я с тобой - неистоцимый.
Не пропасть с такой защитой.

Плыл и в бури я, и в штили.
Мне за смелость волны мстили.
Ты же - к берегу толкала.
Выплыл - дальше легче стало.

Уставал я - но крепился,
Спотыкался, но не сбился,
Не на шаг не отступая
И стезю не попрекая.

Дружбой связан я с тобою,
Кровью - словно брат с сестрою
В храме верности отрадном.
Ты судьба - идти нам рядом.

* * *

Ты золотым веретеном
Сучила лунные лучи.
Сидела на крыльце родном
Средь тишины одна в ночи.

Свивала золотую нить.
Светилось радостью лицо.
А небо продолжало лить
Беззвучно тени на крыльцо.

И тихо засмеялась вдруг.
Смех улетел в простор ночной.
Казалось сказкой все вокруг,
Где ты сидела с тишиной.

Лучился свет жемчужных глаз.
Белели стаи облаков.
Ту ночь, как песню, всякий раз
Я слышу в чередѣ годов.

ТЫ ЛЮБИЛА

Нельзя заплакать сердцу от любви.
Бойтѣя, что растает.
Он внешность не таит перед людьми,
В его душе лишь тайны.

И взор его так чист, как будто он
Всех обелил на свете.
Но солнце поднялось на небосклон -
Раскрыть все тайны эти.

И снег зажмурился. И потекло
Сияние слезами.
Земля же задышала вдруг тепло
Полями и лесами.

* * *

Что душа о лете плачет?
Жаль - оно опять уходит.
Ветер веет, вьюга скачет,
Сердце места не находит.

Застит дали холод жгучий
На заснеженной пустыне.
И какой же нрав колючий
У зимы, досрочной ныне!

Слышен скрип коры с рассвета -
На дворе мороз крепчает.
Не бывает вечным лето -
Эта мысль не утешает.

Как веревки, леденеют
Капли из-под теплой крыши.
Лишь картина лета греет -
На ковре ее я вижу.

Ляtif Вели-заде
Перевод с азербайджанского

ОКОП

Старый, старый окоп,
Чем ты так опечален?
Или все о былом
Думы не замолчали?

Что за холм за тобой?
Может, это могила?
Говори, не молчи!
Память не опочила.

Навернется слеза -
И не сдержишь молчанья!
Друг сердечный и брат

Ты своим ополчанам.

Говори же, окоп,
Как ты юным и старым
Даль небес открывал
Перед смертным пожаром.

Обжигает печаль.
Стонет сердце ранимо.
Похоронен герой -
Вечно имя хранимо.

Старый, старый окоп,
Помнишь, вражьи снаряды
Поражали людей
И тебя без пощады?

Все хожу я вокруг.
Осторожно спустился
Вечер снегом на луг.
Взгляд слезой замутился.

Чьи-то думы, мечты
Здесь под снегом, быть может...
Из окопа печаль
Мою душу тревожит.

ХВАТИТ ЦВЕТКА ОДНОГО

Мой друг, ты пришли мне цветы,
С дыханьями их дорогими.
В пресветлых горах Эргенюш
Сорви их руками своими.

Я грустно мечтаю вдали
О маке, фиалке, сирени,
Усыпанных ранней росой.
Услышь ты мое откровенье.

От здешних цветов нет того
Покоя, какого хочу я.

Мой друг, ты букетов не шли.
Нет, хватит цветка одного,
Чтоб родины запах почуять,
Когда от нее ты вдали.

* * *

Север студит зимой и весной,
А березовый лес - обнимает.
Начинают отсюда путь свой
Журавли и на юг улетают.

О тебе, моя мама, мечты
До тебя долетают, родимой, -
Как с весенних деревьев цветы,
На твои осыпаясь седины.

Мои чувства взрослеют, душе
Откликаюсь то тихо, то звонко.
Вспоминаю давно я уже
Молодую горянку с ребенком.

Сын не спит, как его укачать?
Сын не спит, что слова ее значат?
“Не уснешь - я скажу, - шепчет мать, -
Пусть шайтаны такого утащат...”

Это - я. Надоел тебе я.
В день сто раз обижаюсь плаксиво.
Это -ты, дорогая моя.
Ты ребенка растишь терпеливо.

Где бы ни был, а сердце, любя,
Не стихает и не отдыхает.
Журавли моих дум до тебя
Вот отсюда свой путь начинают.

Как обнимут те думы - тоска
Или радость мешать не решатся.
Мама, пряди волос мне ласкай,
Им с рукою твоей не расстаться!..

ЛЮБИМЫЕ РУКИ

О друг мой, ашуг, поменьше
Хвали эти нежные руки,
Холеные белые руки
Изнеженных тенью женщин,
С алеющими щеками
И млеющими глазами.

Ты видишь, под солнцем в бронзе
Рабочие грубые руки,
С потрескавшейся кожей руки?
Расскажем об этой прозе.
Трудами их жизнь одарила.
Их слава - пошире мира.

Ты видишь, девушка скачет
Верхом на железном коне?
Штурвал ей послушен вполне.
Крепки ее руки, значит.
О друг мой, ашуг, так будем
Об этих руках петь людям.

Окрепнут пусть саз и слово, -
Воспой загорелые руки,
В мозолях и ссадинах руки -
Всех наших побед основу,
Цветы плодородных полей,
Опору Отчизны моей.

КАМЕНЬ

В крепостной стене есть камень.
Весь он пулями изранен
И томится здесь веками,

Как свидетель смертной брани.

Он всего - обычный камень.
Но смотри - стоит как стойко!
Ни ветрами, ни врагами
Не разрушенный нисколько.

Он с кулак. В него вглядеться:
Мог рассыпаться давно, -
Это каменное сердце
Человечьих пуль полно.

Замер я. И ожил камень.
И заговорил со мною.
Словно сам собою пламень
Возгорелся над стеною.

“Человек! Ты видишь пули
В моем сердце? (Как нарывы!)
Эти времена минули.
Были люди (люди живы!),

Убивали иноверцев,
Кто за мною хоронился.
...В мое каменное сердце
Мир с надеждой поселился.

Но безжизнен я. За мною -
Ни богатства, ни веселья.
И с тех пор лишь раны ноют
У меня с того похмелья.

Говорят, что пулевые
Раны в сердце заживают,
И забудут их живые.
Ложь! Такого не бывает.
До сих пор терзает рана,
Все не зажила во мне.
С той години неустанно
Шлю проклятия войне.

Ты скажи, когда затихнут
Пули и снаряды всюду?
Снова ль взрывы смертью вспухнут?
Снова ль жечь детишек будут?..”

Камень смолк. Молчал, как раньше,
Тот кулак, зажавший пули.
Пусть сердца ответят наши,
Чтобы солнце не задули!

Барктабас Абакиров

Перевод с киргизского

АСТРА

Ты, астра,
запах чудный источаешь,
счастливого
в пути сопровождаешь.
Ты лепестками шевелишь
с рассвета -
и настроенье наше
поднимаешь.

Тебя любви
я посвящу сначала,
чтоб радостью
жизнь молодых венчала.
Тобою одарю,
кто сообщит
о том,
что сына мне судьба послала.

Едва качнешься -
и струя настоя
взметнется ароматом
над тобою.
Собой преображаешь
все вокруг
и одухотворяешь
красотою.

И если девушку по сердцу

встречу,
ты, астра,
мне заменишь красноречье.
Вручу букет я
молодой чете,
кто свадебный
утраивает вечер.
Живи же, астра,
людям украшеньем,
возлюбленным -
будь лучшим подношеньем.
В тебе -
весны и лета жар живой,
будь этим жаром
к счастью довершеньем.

ВЕШНИЙ ЦВЕТ (Детство)

Струится ручей
Меж альпийских лугов,
Вздываясь и пенясь
В тисках валунов.
Прозрачна вода,
Серебрится на солнце.
Приводит в восторг
Ее песня без слов.

Азиз и Эрнис
Возле устья играют
Своею поделкой
Из двух жерновов.
Быть мельником
Вызвался первым Азиз.
Молот у него
Согласился Эрнис.

- Я буду в муку размельчать
Твои зерна,
Ты камни с песком
Подавать не ленись.
И так увлеклись
Этим делом ребята, -
Хоть целую вечность

Пшеница мелись...

Родители их
Откочуют опять
И свежие пастбища
Будут искать.
А дети
Другой ручеек облюбуют
И в новую мельницу
Будут играть...
И яблоне надо цветы
Не однажды,
Пока плодоносную
Выправит стать.
* * *

В мире всякое бывает:
Сильный есть и слабый;
Этот - космос покоряет,
Тот - с собой не сладит.
Смерть, увы, нас уравниет.
День и ночь на страже.
Стар ли, молод - всех хватает,
Не посмотрит даже.
А меня бы наградила
В миг последний муза,
Если б трижды повторила
Музыку комуза.

В мире всякое бывает:
Смех и сожаленья;
Этот - цели достигает,
Тот - познал лишенья.
А беда всех настигает
И зимой и летом.
Смерть, увы, нас уравниет -
Что ж грустить об этом?
Был бы я в тот миг печали
Благодарен музе,
Если б трижды прозвучали
Струны на комузе.

ВОЛГОГРАДСКАЯ ТЕТРАДЬ

1. СТАЛИНГРАД

В кровавых сраженьях,
и ночью, и днем,
стоял Сталинград,
как герой, под огнем.
Земля содрогалась
от грома орудий,
но город не дрогнул
под смертным дождем.
И жить продолжал он
мечтой о победе.
Твердыню
фашисты увидели в нем.

А бомбы крошили
руины домов.
Трещали деревья
горевших садов.
В крови и чаду
жизнь боролась со смертью,
но стоек характер
советских бойцов.
Достоинно прошли они
все испытанья
в жестоком горниле
свинцовых боев.

Но голос стальной Сталинграда
звучал.
Любой на планете
его отличал.
Чего бы ни стоило,
взять этот город
стремился захватчик,
и смерть расточал.
Но наши солдаты
сражались бесстрашно.
Фашисты не вышли
на волжский причал.

А город упорством
слобил дух врага.
Его опрокинул
удар кулака.
Отвага и выдержка -
вот наши свойства,
какими в сраженьях
Отчизна крепка.
Советским героям
дивились державы,
бессмертны
все их имена на века.

Всем братством
страна на врагов поднялась.
Победа великая
здесь родилась.
Опорой бойцов
стала матушка-Волга.
И жизни отдали они,
не скупясь.
Я скорбно
цветы возложил к обелиску.
И тихой слезою
душа обожглась.

2. ДОМ ПАВЛОВА

В Сталинграде
шли бои за каждый дом.
И стрельба сплошная
слышалась кругом.
В четырехэтажный дом
враги засели,
не пробиться -
мечут молнии и гром.

Но рискнули ночью
четверо бойцов.
Яков Павлов
к дому вывел храбрецов.

Подползали -
черный снег скрипел под ними.
Рядом пули
издавали свист скворцов.

Но дошли -
и в дом бесстрашно ворвались.
И лицом к лицу
с фашистами дрались.
Перебили их немало,
остальные
от отважных
только бегством и спаслись.

Бились больше двух ночей и дней
подряд
за четыре сотни
четверо солдат.
Все фашистские атаки
отбивали.
От работы
раскалялся автомат.

Не сдавался дом
свирепым чужакам,
с иступленьем наступавшим
по бокам.
Пятьдесят и восемь суток
он держался.
дух бойцов
не удалось сломить врагам.

“Домом Павлова”
с тех пор его зовут,
за великий вклад в победу
свято чтут.
Он прославлен далеко.
И люди мира
и летят сюда,
и едут,
и плывут.

3. РУБЕН ИБАРРУРИ

В руках пулемет
все строчил и строчил,
и смертным огнем,
как косою, косил.
Испанец отважный
Рубен Ибаррури
сражался геройски за то,
что любил.

Из дома
на Волгу его привела
идея защиты России
от зла.
Сражался он рядом
с советским солдатом.
Опасность
его утратить не могла.

И против бесчисленных
вражеских сил
стоял только с ротой
Испании сын.
Но от обороны
пошел в наступленье,
и кровью своей
русский снег оросил.

И вечную память
о нем сохранит
и стойкий народ,
и надежный гранит.
Рубен стал таким же
советским героем,
с какими в обнимку
над Волгою спит.

4. ШИНЕЛЬ ГЕРОЯ

В этой выжженной шинели
Шел солдат к великой цели.
С ним она - в огонь и в воду,
И под бомбы, и шрапнели.

Пули первую встречала
И от ветра прикрывала,
И постелью послужила -
Пользы принесла немало.

И в музее Волгограда
Тоже есть шинель солдата.
Перед ней стихают люди,
Оторвать не в силах взгляда.

Сколько пуль ее пробило
И насквозь изрешетило!
Настоящим был героем
Тот, кому она служила.

Документами раскрыто,
Сколько им врагов убито,
Сколько танков уничтожил,
Как положено джигиту.

Им мечта руководила,
Чтоб страна врагов разбила.
Защищал он мать, за то что
Молоком его вскормила.

Остается сын подобный
Вечно в памяти народной.
И в историю записан
Путь героя благородный.

Ненависть к врагу святая
В бой вела его, сжигая.
И погиб он смертью храбрых,
Чтоб жила страна родная.
Здесь, в музее Волгограда,
Есть шинель того солдата.
Перед ней стихают люди,
Оторвать не в силах взгляда.

5. РАНЕНОЕ ДЕРЕВО

Встретил я утром рано
Дерево-ветерана.
Ствол его исцарапан -
То пулевые раны.
И вызывают жалость
Те боевые шрамы.

Зримо картина встала:
Грохот и свист металла,
Грудью встречая пули,
Дерево застонало.
Вот и сейчас со шрама
Тихо слеза упала.

Долго земля лечила:
Корни его поила,
Воздухом насыщала,
Солнышком одарила.
Стало оно покрепче -
Годы его продлила.

Раны его срастались -
Пули в стволе остались.
Не без последствий тяжких
Годы войны промчались.
Словно бойцы, деревья
Против врагов сражались.

Горя хлебнув довольно,
Воздух вдыхая вольно,
Дерево в Волгограде
В небо глядит спокойно.
Пусть расцветает счастье,
Пусть прекратятся войны.

6. ШРАМ ВОЙНЫ

Стоит над Волгой
дом пятиэтажный.
Совсем разрушен он
в сраженье страшном.
Был мельницей когда-то
этот дом.
Теперь же
ветхий вид его - неважный.
Никто сказать не может,
сколько раз
разрывы бомб
он выдержал отважно.

Все стены дома
честно послужили.
Снаряды, пули
кирпичи крошили.
И сердце сжалось
жалостно в груди,
и слезы скорби
в горле запершили.
Здесь много полегло бойцов
за то,
что ни на шаг
не отступать решили.

Оставили
руину фронтовую,
как память
про годину роковую.
Когда изгнать фашистов
удалось,
был Сталинград
разрушен подчистую.
Но город, что агрессора сломил,
переживает
молодость вторую.

От пуль и бомб
весь город был в смятенье.
От жуткой смерти

не было спасенья.
И кровь лилась рекой,
когда сошлись
лицом к лицу
добро и преступленье.
Дом-мельница стоит,
чтоб рассказать
о том
послевоенным поколениям.

Экскурсовод
рассказывал тревожно.
На дом смотреть без боли
невозможно.
Он долго будет
жалость вызывать.
Свидетельство такое -
непреложно.
Пусть будет мир,
пусть будет звонкий смех,
пусть будет счастье
на земле надежно.

*

ДЕВИЧЬЯ ГРУСТЬ

О чем порою
Девушки страдают?
И что таят,
Когда в печали таят?..
Туманится их взор,
Пока однажды
Возлюбленных своих
Не повстречают.

Грешно скрывать
Раздумья боязливо.
На свете каждый
Вправе быть счастливым.

Так пусть из вас
Любая встретит счастье,
Пусть ждет свою любовь
Нетерпеливо.

Вы так прекрасны все -
Скажу без лести.
Я гордецом бы стал
На вашем месте:
Ведь девушки -
Лишь гости в отчем доме.
Стать матерью -
Нет в мире выше чести!

ДЕВУШКИ

Девушки
милой улыбкою манят.
Свежесть их
наше вниманье притянет.
Каждую девушку,
с бурей любви,
славить безудержно
песнь моя станет,
голос пока не устанет.

Девушки
жизнь на земле украшают,
смехом и радостью
нас заражают.
Если с любовью
посмотрят глаза -
в трепет приводят
и кровь зажигают,
в сердце покой нарушают.

В лица девичьи смотрю -
поражаюсь.
Их красотой и душою
пленаюсь.
И наполняюсь

энергией вновь,
тою,
какой только я заряжаюсь,
тою, какой наслаждаюсь.

Девушки,
как хороши вы собою,
вашим кокетством,
любовью хмельною!
Лишь подарите
внимание мне -
я до луны
дотянусь головою,
в небо седьмое я взмою.
ДЖИЙДЕГУЛЬ

Джийдегуль - цветок вселенной,
Твой огонь во мне - весенний.
Подойди ко мне поближе -
Сразу станет жизнь блаженной.
Таю каждый день в печали -
Взор ловлю твой драгоценный.

Смехом мир преображаешь,
Но меня не замечаешь.
Ни весною ты, ни летом
О любви моей не знаешь.
Волосы, душистей яблонь,
Гладить ветру позволяешь.

Ты подобна зорьке ранней
В алом облачном сиянье.
В отдалении проходишь
Без участия, без вниманья.
Подойду я объясниться -
И опять замру в молчаньи.

Джийдегуль - краса святая,
Ты бесценна, дорогая.
Отвести глаза не в силах,
Все на свете забываю.
Ты со мной и в снах, и в грезах.
Я в огне твоём сгораю.

ДНИ

Приходят дни за днями
вереницей.
Для них любая дверь
спешит открыться.
И кто работал
до седьмого пота,
сумеет счастья своего
добиться.

Мелькают дни
составами вагонов.
Летят на скакунах
с далеких склонов,
в халате изумрудном,
в белой бурке.
Кумыс я предлагаю им
с поклоном.

Не остановишь -
пронесутся мимо.
И время гонит их
неумолимо.
Охваченные смехом
и слезами,
добро и зло
несут неотвратимо.

Приходят дни,
друг друга заменяют.
И счастье то дарят,
то отнимают.
Так пусть с добром
они стучатся в двери,
почаще пусть
счастливыми бывают.

Чтоб на планете
войны не пылали,
чтоб в мире
все народы пребывали.
Пусть пасмурные дни
бывают реже,
чтоб памяти людей
не омрачали.

ЖДУ ЗВОНКА

До стиха едва дотронулась рука -
Вижу яблоневый сад и облака.
И напомнили они мне о тебе.
Стал звонка я ожидать издалека,
Телефонного звонка...

Сразу сердце ты сумела запалить.
Этот жар в груди водою не залить.
Ожидаю, и подумалось опять,
Что смогла ты обещание забыть,
Обещание звонить...

Только муза утешенье принесет,
И за ней душа пускается в полет.
Солнце сядет, вспыхнут в сумерках огни.
Лишь звонок мое сознание вернет,
Лишь звонок меня спасет...

А быть может, отвлекли тебя дела.
Обещание забыть ты не могла.
К телефону ты, наверное, спешишь,
Чтоб скорее весть твоя ко мне пришла,
Чтоб приятною была...

Телефонного звонка я жду с тоской.
Он опять соединит меня с тобой
Там, где яблоневый сад и облака.

- Это я, - услышу голос дорогой,
И покой придет... покой...

ЖИЗНЬ - УЧИТЕЛЬ

Как чудесно жить
на белом свете!
В мир забот земных
вступают дети.
Жизнь - учитель мой
и твой учитель,
верный путь
она тебе наметит.

И стада расти
тебя научит,
и поля возделывать
получше...
Намотай на ус,
что хлеб насущный
добывать работой
не наскучит.

Жизнь дает опору нам
и крылья,
преподаст уроков
изобилье.
Кто в борьбе крепчает,
кто слабеет.
Сдюживший -
шагает без усилия.

Жизнь всегда права -
одни считают,
а другие
на судьбу пеняют.
Так давайте
предоставим слово
тем,
кто цену испытаньям знают.

Школа жизни
их обогащает,
им дорогу
опыт освещает.
Камни,
устилая путь тернистый,
скакунов строптивых
укрощают.

Пусть обида
душу обморозит,
в русло жизнь войдет -
тебя не спросит.
По ногам она сечет
ленивых,
а крылатых
к небесам возносит.

Гладких нам дорог
не проложили,
мы слезой и потом
их мостили.
Те - возносят руки
с ликованием,
эти - скорбно
руки опустили.

Жизнь - для всех и каждого
едина,
пестрая
изменчива картина.
Но пока
по жилам кровь струится,
лучшая
нам грезится судьбина.

Если отстаешь ты

понемногу,
жизнь пытается
давать подмогу.
Но она потряхнет тебя
жестоко -
лишь ступи на скользкую дорогу.

Жизнь и в зной,
и в стужу погружает -
каждый закалится,
возмужает.
Год за годом
нас экзаменует
и всегда
задачи усложняет.

Соль земли
познает каждый житель,
будет
цели избранной служитель.
Только слушай -
верный путь укажет
жизнь - учитель мой
и твой учитель.

ЗНАТНЫЙ ЧАБАН

Он с овцами всегда, с утра до ночи, -
Не каждый испытаний этих хочет.
Любой валух ухожен и упитан,
Когда пастух отарой озабочен.

Сезонов сорок зимних и весенних
И также сорок летних и осенних
С отарами в Кыргоо и Муз-торе
Провел подвижником в трудах и бденьях.

И дождь и снег секли его жестоко.
Лавин и селей повидал он много.
Бакир, известный аксакал аила,

Берег овец он, как зеницу ока.

Немало стойбищ обновил с годами.
Был начеку и днями, и ночами.
Услышав выстрелы, его собаки
Бросались смело с лаем за волками.

Без гор счастливым был бы он едва ли.
Оставил юность он на перевале.
“Кызыл жоолук”, “Ой тобо” певал он *,
И гребни гор те песни повторяли.

* “Кызыл жоолук”, “Ой тобо” - названия киргизских песен.

КАЗАШКА БАЯНИ

Казашка Баяни, постой!
Все думы - о тебе одной.
Но силуэты двух джигитов
Все время за твоей спиной.
А мне при встрече утешенье -
Хоть поздороваться с тобой.

Ты, кажется, удручена,
И тайною душа полна.
Смотри, как Иссык-Куль искрится.
А ты - угрюмая одна.
Раз отдыхать сюда тянуло -
С друзьями веселеть должна.

В раздумье тянется рука
Поднять края воротника.
О чем ты думаешь, родная -
Что жизнь довольно коротка?
Кому ж любовь свою подаришь?
Одна гуляешь ты пока.

Как ты красива, Баяни!

Хотя бы слово оброни.
Давай споем задорно вместе.
На горы, степи, вдаль взгляни.
Чтоб далеко от Иссык-Куля
С улыбкой вспомнить эти дни.

КАРАДАГ

По колено в воде
Карадаг стоит,
на безбрежный простор
далеко глядит.
Кто на отдых сюда,
в Коктебель приехал,
с наслажденьем взирает
на этот вид.

И джигитам, и девушкам
вольно тут.
Собирают цветы,
ароматы пьют.
Забираются смело
как можно выше
и любовные песни
легко поют.

Карадаг на низине
громадой встал.
Так зарос,
будто лес человек сажал.
И гранитные скалы
его венчают.
Красоты он немало
в себя вобрал.

Шпили гряд Карадага
стремятся вверх,
на подобье подпорок
небесных стрех.

И ворота из скал
поднялись над морем,
словно чуткая стража,
надежней всех.

Люду разному
здесь довелось побыть.
Проведенных здесь дней
никогда не забыть.
Перекатами волны
подножье хлещут,
но покой Карадага
нельзя смутить.

КРАСАВИЦЫ

Взгляд лишь один -
и приводит в смущенье.
Вспыхнет огонь -
и душа в озареньи.
Что за причина?
Красавицы наши -
жизни отрада,
ее украшенье.

Чары красавиц -
жемчужин природы -
помним в разлуке
мы долгие годы.
Там, где они -
наслажденье и радость,
сильной любви
благодатные всходы.

Старый и юный -
о них лишь мечтают.
Страстные взоры
на них обращают.

Долго живите,
красавицы, в счастье,
пусть ваши дети,
как вы, расцветают.

Ах, до чего же
красавицы важны!
Вижу бутоны
весенние в каждой,
сочное яблоко,
зрелую вишню,
чистый родник,
утоляющий жажду.

Солнце и месяц
в красавице светят.
Кто говорит с ней -
сиянье заметит.
Сердце красавиц -
для лучших джигитов.
Стан лебединый
навек приветит.

НА БЕРЕГУ РЕКИ

Стоит Нарын в объятьях гор,
Глядится он в речной простор.
Хоть не великий по размерам,
К себе приковывает взор.

В теснинах гор река ревет,
У Токтогула ток дает.
Из света вырастает город
И свежий, чистый воздух пьет.

Как город, люди здесь скромны,
Насквозь приезжому видны.
Глаза девичьи, как магниты, -
Взор отвести вы не вольны.

А здешняя зима строга:

Свистит буран, скрипят снега.
Но летом - все в цветах ущелья,
И город - вроде цветника.

На берегу стоит Нарын.
И вдаль глядит на цепь вершин.
Душа наполнится восторгом
От горных шпилей и долин.

НАША ЖИЗНЬ

Пределы цели жизненной
высоки.
И нелегки
тернистые дороги.
Стремительно несется жизнь
потокком,
рекою горной
бьется о пороги.
И кто решительней
и энергичней,
добьется цели
в вызревшие сроки.

Жить в мире -
интерес не затухает.
И в воду, и в огонь
судьба бросает.
То мысли обступают вас,
то вздохи,
то слезы лить
страданье заставляет.
Порой весна расщедрится
цветеньем,
целуя,
радость сердце обнимает.

Нас жизнь научит многому
с годами,
задач немало
ставит перед нами.
Мы переходим
ледники и реки.

Любви к Отечеству
горит в нас пламя.

Джигит,
неустрасимым будь и крепким!
На высоте предельной -
цель, как знамя.
ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ ПТИЦ

Поздняя осень
в колхозном саду.
Листья сгорают
легко на лету.
Многоголосое
пенье пернатых
льется с рассвета
с душою в ладу.

Дай только слуху
свободу внимать.
Птицы способны
воодушевлять.
Дивная песня
уносит нас в небо,
кажется,
можно и жизнь продлевать.

Лишь первый луч
на востоке блеснет -
снова с улыбкой
земля оживет.
Звонкие песни
в саду не смолкают.
Все чередом
в этой жизни идет.

Песня осенняя
дух возбудит,
очарованием
нас насладит.
Музыка эта
вокруг все пленила,
кажется,

и стариков молодит.

ПЕНИЕ ПТИЦ

На рассвете пенье звонко
Воробья и жаворонка.
И звенит разноголосье,
Каждый петь стремится громко.

Вторит птицам вся округа,
Льется праздничная fuga.
И качающейся веткой
Дирижирует пичуга.

Все сильнее лучи сияют,
Мрак рассвета тихо тает.
Голоса певцов смолкают,
Гаснет звук.
Но уж новый хор вступает.

Я застыл. И мне казалось,
Что симфония рождалась,
Красота земли являлась,
Пеньем струн
Ветерка сопровождалась.

Я разбужен пеньем этим,
Слушал крон зеленый ветер,
Став глубокой думой светел.
Не забыть
Крымский берег на рассвете.

ПОХОРОШЕЛА ЗЕМЛЯ

Горы подернуты
легкой мглой.

Мучает листья
палящий зной.
Хоть и подул
ветерок прохладный,
он не сумел
совладать с жарой.

С запада днем
облака пришли.
Пала слеза,
закипев в пыли.
Долго и мрачно
тучи смотрели
на изможденье
сухой земли.

Жалок у трав
захиревший вид.
Плачем зашлись
облака навзрыд.
Горы и доли
всю ночь купались.
Тьмою кромешной
был мир покрыт.

Стали деревья с травой
свежей.
Молнии взвились
огнем ножей,
с треском вспороли
ночное небо,
так, что озноб
охватил мужей.

Дождь всем растениям
силу дал,
кто от засухья
вчера страдал.
Похорошела земля
под утро,
мир красотою
в лучах блистал.

ПУТЬ ДРУЖБЫ

Изъезжена мной Украина.
И в душу запала картина
Широких днепровских просторов,
Далеких от взгорий Нарына.

На запад мы в поезде мчали.
Колеса сердцами стучали.
Сдружились посланцы народов,
И радость глаза излучали.

Вдали наши рельсы сливались.
В них солнца лучи отражались.
На всех языках и наречьях
Мы пели и звонко смеялись...

Когда-то земля здесь горела,
И слезы, и кровь претерпела.
Вздыхала от взрывов и горя,
В руинах и ранах скорбела.

А поезд стучит все поспешней.
Картиной любимся здешней:
Поля расстилаются шелком,
Кружатся березы, черешни...

СКАЛА ОРЛА

Памяти моего брата Джолдоша

Кочкор, Чолпон, Ийри Суу -
родные.
Здесь скакунов
ты обуздал впервые.
Когда ж земля
в огне войны горела,
ты оправдал

награды боевые.

Всю жизнь ты не жалел
ни сил, ни знаний,
чтоб край наш
расцветал от созиданий.
Уж так ведется, видно,
в мире этом,
что человек не может
без страданий.

Как только перевал Долон
проходишь -
Скалу Орла
знакомую находишь.
Ты здесь сказал
свои слова прощанья,
ушел навеки -
больше не воротишь.

И с выступа скалы
душа слетела,
и кровь
к ее подножью прикипела.
Подкрадывалась смерть
к тебе незримо -
и унесла от нас
в свои пределы.

Тяжелый груз семьи
ты нес с охотой.
Растил детей
с любовью и заботой.
Достиг ли ты
своей заветной цели -
осталось тайной -
вряд ли знает кто-то.

Кто знает,
сколько лет у перевала
Скала Орла
так крепко простояла?
Лишились мы тебя,
убиты горем.

Глаза точить
слеза не перестала.

СЛОВО И ДЕЛО

Современник,
мы горды трудами,
если их
венчают похвалами.
Есть у нас, однако,
краснобаи -
их слова
расходятся с делами.

Эй, друзья,
поменьше слов трескучих!
Отдадим стране
все силы лучше.
Кто народу служит
беззаветно,
тех и совесть
никогда не мучит.

Если ты разумен,
пусть не гложет
зависть к тем,
чей труд рекорды множит.
Те, кто слово
подтверждает делом,
к будущему
верный путь проложат.

СТАРОСТЬ ЕЩЕ НЕ ПРИШЛА

По кругу
стремительно время летит.
За ним не угонится
даже джигит.
И каждое время -
с особой поклажей,
никто ее тяжесть
не определит.

Приходит зима
с грузом снега и льда.
Бураны свирепствуют
и холода.
Но все завершится
хорошим исходом:
растают сугробы в горах
без следа.

В народе
одно изречение живет:
“Зима хороша,
если крепко проймет”.
Не любит работник
бесснежную зиму:
“Раз мало воды -
значит, жди недород”.

Весною и летом
нарядна земля,
цветами, травой
расшиты поля.
Лучом, как иглою,
пронзает их солнце
и нить свою тянет обратно.
горя.

В горах ли, в ложбине

лежишь на траве -
блаженный дурман от цветов
в синеве.
Как будто рукою
снимает усталость,
легко на душе
и светло в голове.

Вот осени щедрой
наступит черед.
Арбузы и дыни
она принесет,
и яблоки, и виноград,
и пшеницу...
Но тоже, подол подбирая,
уйдет.

Четыре погоды
по кругу летят
и людям подарки природы
дарят.
И каждое время
следы оставляет,
века свое шествие
не замедляют.
К ним старость еще не пришла,
говорят.

И пусть молодятся все
осень с зимой,
пусть блещут нарядами
лето с весной.
Откроем им двери,
приветим их, люди,
И счастливы будем
мы в месяц любой.

ТРУЖЕНИК

*Заслуженному учителю Киргизии
Капару Кидыралиеву*

Деревья ты сажал
трудолюбиво.
Они садами поднялись
счастливы.
Бывали нелегки
твои заботы,
но радуют глаза
плоды на диво.

Твои дела
размашисты бывают,
за что тебя
и люди уважают.
Их добрые слова -
тебе награда.
Луна - и та
сияньем одаряет.

Ты дни и ночи
делу отдавался
и опытом большим
обогащался.
Ты стал наставником
для молодежи,
и с мудрецом Бакаем*
поравнялся.

Пусть будет долгим
путь твой под луною,
а счастье -
путеводною звездой.
Твои питомцы
шапки снимали
с почтением большим
перед тобою.

* Б а к а й - один из главных героев эпоса “Манас”.

Пусть множатся еще
твои деревья,
и гнут вершины
от плодов ученья.
И пусть тебя
не покидает радость
успешных лет

душевного горенья.

ТЫ БЫЛА МОЕЙ ВЕСНОЮ

Ты была - весной,
Красоту хранившей.
Излучала свет,
как цветок пленивший.
Руку протянул -
но не прикоснулся,
тайну на всю жизнь
в своем сердце скрывший.

Раньше ты была
полною луною.
Каждый день плыла
из-за гор ладьею.
Никогда тебя
не терял из виду.
Что ж меня судьба
не свела с тобою!

Так и добрались
до поры осенней.
И румянец лиц
листопад рассеял.
И огонь души
тихо догорает.
И чем дальше ты -
меньше потрясений.

И в календари
годы отступают.
Инеем зимы
волосы блистают.
Память удержать
образ твой стремится.
Дни твоей весны

душу согревают.

Остается ты -
и моей весной,
солнечным лучом
в туче надо мною.
Много ездил я
и красавиц видел.
Не сравнить себя
им с твоей луною.

У МОГИЛЫ ТУРСУН-ЗАДЕ

Мы знаем Мирзо
по стихам и делам.
В созвездьи поэтов
сияет он нам.
С холма,
к Душанбе обращенного ликом,
он слышит
летающий из города гам.

То было
в печальном преддверьи зимы,
в четверг или в среду.
Понурые, мы
стояли у этой
священной могилы,
смирившись с судьбою,
от горя немые.

Востока поэт
на холме здесь лежит,
для нас, для киргизских поэтов,
джигит.
Мы головы скорбно
склонили к могиле,
и солнце,
казалось, за тучи спешит.

За мир он боролся,
покуда дышал.
Чтоб мир на земле не кончался,
мечтал.
Он свету
о нашей свободе поведал,
к согласью и дружбе
людей призывал.

Изъездил он весь
растревоженный шар,
в стихи отливать впечатленья
спеша.
В Бейруте, в Каире
и в Дели - повсюду
звучал его голос,
и пела душа.

Все силы отдать
делу мира он смог.
Орлиный полет его духа -
высок.
Но смерть своей сетью
его изловила,
когда он собрался
для новых дорог.

Востока певец
на холме здесь лежит,
для нас, для киргизских поэтов, -
джигит.
Мы головы скорбно склонили
к могиле,
и солнце,
казалось, за тучи спешит.

ЧУДЕСНЫЙ МИГ

На Иссык-Куле
месяц отдыхаешь -
и целый год
ты устали не знаешь.
И чувствуешь приливы
сил здоровых,
к тому же
массу впечатлений новых
среди озерных струй
приобретаешь.

По берегу гуляешь
беззаботно.
С тобой деревья
шепчутся охотно.
Руками с маху
разрезаешь волны,
или в песок зароешься,
довольный,
и загораешь
сладостно-дремотно.

И осенью
здесь солнце припекает.
Пройтись под вечер -
благодать какая!
А горизонт
на западе алеет.
Вот так очаг
огнями пламенеет.
Гладь озера
в чудесный миг смолкает.

Ильяс Амангельдыев

Перевод с таджикского

Отцу

Как музыка осенних камышей,
Твои слова еще приятней стали.
Все буйствует весна в твоей душе -
Но почему в глазах прилив печали?
Ушедших вспоминаешь ты друзей,
С трудом худые пальцы загибая.
Прости, что младшему из сыновей
Приходят мысли разные, пугая.
В тулупе желтом тихо ты идешь,
На эту осень желтую похожий.
Предчувствия меня бросают в дрожь.
Как мне тебя утешить, не тревожа?
Когда и я, как яблоко, сорвусь,
С тобой лежать есть место и для сына.
То яблоко тогда разрежут пусть -
Увидят, как чиста в нем сердцевина.
Тебя студили семьдесят ветров,
Семьдесят осеней озолотили.
За то, что людям ты служить готов,
Они тебя почетом наградили.
В нужде и сытости был верен ты
Своей душе, не зная дней спокойных.
Великое наследство чистоты
Оставишь ты для сыновей достойных.

Сулев Кюбарсепп

Перевод с эстонского

ВСЕ ЧТО СЛУЧАЕТСЯ

Все что случается
случается совершенно внезапно
внезапно деревья
покрываются молодой листвой.

Прежде чем кануть
мгновенья звучат еще в сердце
в сознание
в дыхание
в душе его эхо дрожит
о самом важном
надо жить.

На краю света
остановился поживший
и все повидавший
человек
лицом ко всем
свой век завершив.

ИДЕТ РЕБЕНОК СЛОВНО ЮНЫЙ БОГ

Идет ребенок словно юный бог
в лучах заката с головы до ног
идет туда где на краю небес
сейчас хоронят мира жар и блеск.

Спустилось солнце скоро догорит
у света на краю малыш стоит
не ведает хранимый от невзгод
что за спиной рождается восход.

СВЕТ - ЭТО ВИДЯЩИХ УДЕЛ

Свет - это видящих удел
а темнота гораздо больше
иные поглядят на свет
и ничего не видят больше.

Летели птицы надо мной
темнела стая наваждением
стоял я в сумерках внизу
в снегу колеблющейся тенью.

Мысль - это мыслящих удел
тот ясный облик дня бывшего
на человеческий язык
мне мир переводивший снова.

И сны и страхи и мечты
слились с бессонными часами
лишь в том мгновении есть жизнь
когда мы стали мыслить сами.

Десять белорусских поэтов

Максим Богданович
Перевод с белорусского

* * *

*Оглянись - и мир вседневный
Многоцветен и чудесен.*

А. Фет

Привет тебе, житье на воле!
Над головой - дубов поветь,
И видно небо, горы, поле
Сквозь листьев сеть.

Лохмотья теней на поляне
Скрывая золото лежат;
Его пласты сквозь дыры рвани

Аж взгляд слепят.

А к ночи свой багряный веер
На небе солнце развернет
И растревоженный им ветер
Вдаль понукнет.

Лишь догорит зари осколок
И потемнеют глади вод,
Заблещет серебром иголок
Лавина звезд.

В противоборстве утвердиться
Равно милы и свет, и тень,
Тот день, что для меня родится,
И сникший день.

* * *

Тихий вечер. И жара спадает,
Веселее в камышах играет
Речка, что вливается в ставок *;
А вокруг его - из верб венки,
Свежих и зеленых, хоть корявых;
Плесень украшает берег ржавый -
Словно пояс вытканый надет;
И раскрылись лилии в воде;
Маленькая ласточка порою
Пронесется низко над водою,
Чиркая крылами гладь ставка,
На лету глотая мотылька.
Окунь или линь порой всплеснуться,
И круги широко разойдутся;
Часом выползают полежать
Тихо змеи серые на гать **,
На краю которой накренилась,
Мельница; сгнила она, сносились.
Почернело колесо давно,
Мхом осклизлым обросло оно.
Но пустило колесо причина -

Заявилась к мельнику дивчина,
Чтоб кручину снял с нее скорей.
Белая исподница на ней,
Наклонила смуглую головку,
Чувствует, как сердце сквозь шнуровку
Часто бьется. Мельник пожилой,
Трижды прыснув ей в лицо водой,
Взор уставив в очи всполошенной,
Голосом ей шепчет приглушенным:
“Поклоняюсь я тебе, царица,
Чистая, студеная водица.
Ты течешь болотами и мхами,
Желтыми, сыпучими песками,
Берега крутые подрываешь,
Дерева да камни подмываешь
И несешь их к морю-окияну,
К проклятому острову Буяну.
Там и ветер буйный не гуляет,
Там и солнце красно не сияет,
Там не блещет ясная денница.
Унеси же ты туда, водица,
Тяжкую кручину Катерины.
Я округом обвожу три тына,
На замок их крепко замыкаю,
В море-окиян тот ключ кидаю.
Как со дна ключу уж не подняться,
Так словам бы этим не скончаться”.

И подносит мельнику дивчина
Яйца в решете и на тканине.

* *С т а в о к - небольшой пруд.*

** *Г а т ь - запруда.*

Геннадий Буравкин
Перевод с белорусского

* * *

Я давно живу не по Корану,
Пью я жизнь,
Как дьявольское зелье.
Каждая зима -
Как покарала.
Каждая весна -
Как поднесенье.

Я не против этого удела,
С поздним громом,
Половодьем ранним.
Хоть грехов и не преодолел, а
Сердце не желает оправданий.

Не имел излишне я к тому же
Риска,
Искушения
И пыла.
Ну и что в том,
Что порою стужа
Ревностно уста мне леденила?

Мне еще забавно,
Словно змею,
Наблюдать за ящиком Пандоры...
Сколько зим я выдержать сумею,
Сколько весен жизни будут впору?..

* * *

Как чаши - корабли
Буруны ни мотали,
Все ближе до земли
Устойчивой с годами.

Слизала соль вода
С губ смелых огрубелых.
И жалко мне всегда

Сбежавших в шторм на берег.

Кто дружбу смог поправить,
Счастливыми не стали.
Им места не занять
На тесном пьедестале.

На берегу пустом
В отчаянии тужат.
И Боговым листом
Над ними чайки кружат,

И с белых кораблей
Им позывной не послан.
И до былых друзей
Уж возвращаться поздно.

Лариса Генюш

Перевод с белорусского

МЕЛЬНИЦА

Мельница - до неба.
На седом веку
мелет нашу долю,
мелет на муку.

Белорусов жито
жерновами жмут,
перемелют с горем,
с болью перетрут.

Мельники чужие,
с ворожбою вслух,
отсевают в ситах
белорусский дух.

Мелет днем и ночью

мельница судеб,
выпадет кому-то
выпечь горький хлеб.

1939

ПУРГА

Бесится грозно пурга над землею,
вихрями снег подымает и рвет,
ломит штыки она злому конвою,
зверем над мерзлою тундрой ревет.

Бьет по глазам ледяными хлыстами,
лица горстями крупы порошит.
Закоченели охранники с псами,
лишь заключенный бунтарь не дрожит.

Славя пургу, как подмогу в могиле,
вихрям навстречу идет он сейчас,
«Бейте за то их, что нас они били!
Мучьте за то их, что мучают нас!»

Северный вихрь, что грозится, не плачет,
друг мой единый в невольных краях,
чтобы ни горя не знать, ни палачеств,
с лика земли ты смети их, как прах.

Тишка Гартный
Перевод с белорусского

КОПЫЛЬ

Эх, Копыль, Копыль! Край мой милый,
В округе Минской уголок!

Здесь всё мне дорого: и нивы,
И речка, хаты, и гаёк!..
Вокруг него бежит долиной
Шнурок веселый ручейка,
Его, как мать родная сына,
Спокон веков дала река,
Что сильно волны подгоняла
И резвые челны несла,
Бурливо взгорok подмывала
И льдами старый мост трясла...
А дальше, возле ровной нивы,
Свои ручьи к гаям бегут,
Что людям теплым летом жниво
За тяжкие труды дают.
На нивах густо разбросались
От шведских дней следы войны,
И за века не потерялись
В траве курганы старины.
Под их громадой молчаливой
Бойцы во славе могут спать -
Они ходили в час призыва
Свой край родной оборонять.
Меж тех курганов, на отгоне,
Поднялся замок с древних дней -
Свидетель власти и закона
Былых времен, своих князей.
А если взгляд подальше кинем,
Туда, за нивой концевой, -
Там хвойный бор, как острым клином,
Стоит зеленою стеной.
И хатки ветхие поникли,
Под мхом зеленых крыш молчат,
Как будто спят или притихли,
Как заморожены стоят...
*

...Люблю твоих людей, поджарых,
Тоскливый их, усталый взгляд,
С соломой новой бело-ржавой
Убогость крыш согбенных хат.
Протяжность пыльных улиц летом
И зелень рутовых садов;
Зимой же пышно разодетых
Слоистость выпавших снегов...
Все, все люблю, с такой же силой,

Кто мог еще когда любить!
Лишь боль мне сердце занозила,
Что людям этим тяжело жить,
Что жесткий рок на протяжении
Семи и более веков
Топтал в них к счастью устремленье,
Невольных гордых мужиков...
А все ж, среди той темной ночи
Их безотрадной жизни, чуть
Блеснет надежды ясный росчерк -
И вдруг поднимет волны чувств.

*

Надейся, жди прихода лета
Родного Копыля жилец!
.
Уж коли есть в земле криница -
Вода прорвется к небесам!
Где дух живой не смог смутиться,
Там смерти тупится коса.

Петербург, 11/IX 1914

В ДОРОГЕ

В небе звезды моргают, горят,
Да слепящего месяца светит рожок,
Тут и там кучки тучек висят,
То свиваясь в цепочку, то сжавшись в кружок.
 И туманом подернулся лес,
 Как ковром, ниспадавшим с небес.
Меж широких зеленых полей
Вьется узкая верткая стежечка тут,
Возле гор и оврагов по ней
Кони чинно сквозь лес дробной рысью бегут.

Слышен в тихом просторе вокруг
Колокольчика резвого стук.
А поодаль трескочет дергач,
Да пронзительной трелью сверчок верещит...
«Но, малые! Живее вы, вскачь! -
Погоня лошадок, извозчик кричит. -
Поспешайте усердней, гей, гей,
Чтоб до места доехать скорей!»
И податливо кони спешат,
Чем скорей, тем проворней лететь да лететь...
И в глазах нивы замельтешат,
Да в ушах ветерок станет тихо гудеть!
«Гей, ямщик, ты б чего-нибудь спел,
Чтоб в дороге я спать не хотел!» -
Ямщику я тихонько шепчу,
С нетерпением пения жду на заказ,
Настороженно, чутко молчу,
И вот слышу, поет: «Не в последний я раз
Тебя видел, родимая, там!..»
А ему эхо вторит: га-ам!
И легко на возу тут сидеть,
Где поют колокольчик с извозчиком в лад,
Да на даль за дорожкой глядеть
Под небесным ковром чудотворных лампад,
И как кони бегут, заглянуть,
В этот сиво-туманный мой путь!..

Могилев, 1910

Иван Каренда

Перевод с белорусского

* * *

Редко аист мелькнет,
Больше все воронья
Над родными просторами кружит.
Выползают, шипят
Гады из-под комля,
Яд спуская в нечистые лужи.

Стонет наша земля

От немислимых бед,
От мерзавцев и дикого сброда,
От неистовой лжи,
От чернобыльских мет,
Подступает погибель народа.

В темноте заждались
Мы поры грозовой
И дождей очистительных, топких.
Еще долго идти
Нам до встречи с зарей
По крутым и спасительным тропкам.

Будем падать не раз -
Ибо босы давно,
Кровью - сбитые ноги согреты.
Но должны мы идти.
И дойдем все равно
До своей вожденной победы.

* * *

Если осенью грудь
Стиснет горькой тоскою,
Перевяслом* тугим
Перевяжет года,
А за ней помело
Снежной бури зимою
Обмолотит снопы,
Не оставив следа, -
Сколько зерен дойдет -
Горсть, не более, что ли?
Я хочу, чтоб они
По весне проросли
Васильками надежды
На светлую долю -
Белорусской земле
Свежих сил принесли.

* п е р е в я с л о - жгут из скрученной соломы для перевязки
снопов

Якуб Колас

Перевод с белорусского

* * *

Бывает музыка и в стуке,
Хоть, может, это и чудно -
Благословляю я ту руку,
Что постучала мне в окно.

Все живы те улыбка, брови,
И звезды глаз из-под бровей,
Тот огонек, радушный, новый,
Что заструился из очей.

Не стоит, может быть, об этом
Ни вспоминать, ни говорить:
Иль мало песен не пропетых,
Иль мало их, огней, горит!

Волна волну встречает в море,
Да снова поплывет за даль;
И грустно станет на просторе.
С чего ей грустно? Отгадай.

Я поплыву волною давней,
Огни и песни затаю,
Приветствую я песней дальней
Ее, красу-весну мою.

1943 г.

МОЯ ЗЕМЛЯ

Как далеко ты, мать-земля родная!
Тебя не видеть - самый тяжкий груз,
Что предстоящий день сулит, не зная,
Что ночь несет, скрывающая грусть.

И сколько раз в нечаянной разлуке,
К тебе мечты и душу устремив,
Как сирота, протягивал я руки
И к лону лук, и к шуму милых нив.

Идет мой путь - то прямо, то зигзагом -
К последнему приюту бытия.
Как сон, прелестных дел и сцен ватаги
Навек отплыли в прошлые края.

Гляжу на них, на весны и денницы,
На хоры грез, сны юности моей.
Мне мир был узок и тесны границы,
Искал я палестины поновей.

А жалко их, денниц, пылавших жаром,
И косовиц, и пройденных дорог,
И тех ветров, что из-под туч сбежали,
Рассыпав в травы бриллиант даров.

Звонят, поют, как струны арфы страстно,
Луга в росе, ширь неба над тобой,
А ты плывешь, как бы волною странствий,
Окутанный покоем, теплотой.

И думаешь - что ты в огромном свете!
Былинка хилая, малявка, прах.

Повеет вязкий безмятежный ветер,
И чуешь дух земли в его крылах.
Стоят боры. Дубы, подстать магнатам,
Над реками раскинули шатры,
И лозняки на праздник тороваты,
И что-то видят в снах ночной поры.
А издали отсвечивает просинь
На рощах, на лесах и на луке,
И, плащ тумана на плечи набросив,
Лежат шляхи в березовом венке.

Такие вы, картины отчей дали,
Такая ты, родная мать-земля!
Эх, много вы видали-испытали,
Исконные дороги и поля!

Таких же бед, что нынче приступили
К тебе, мой край, вовек ты не видал:
Всех адских мук они страшнее были -
Фашистский зверь и грыз тебя и рвал.

Изранена ты, мать-земля родная,
Сыновней кровью щедро полита,
Но стан твой не сломила вражья стая,
Не ввергла в страх фашистская пята.

Земля моя! Разлученный с тобою,
Тобой дышу, живу, тебе пою.
Пред вами ж, воины, бойцы-герои,
Я в утешеньи голову склоню.

Земля моя, ты, край мой непокорный,
Мой голос различи в раскатах гроз:
С тобой я в час мучительный и скорбный -
С твоей судьбой свой рок я с детства нес.

Так верь же, верь мне, мать-земля родная:
Наш ясный день не смеркнул, не погас,
Вновь дали синь, нас лаской окружая,
Нам принесет свободы светлый час.

Я честно признаюсь, земля родная:
Молю свой рок я только об одном -
Собраться вновь в счастливом нашем крае,
Чтоб чуют радость грез земным нутром;

Соединиться, мать моя, с тобою,
Обнять тебя, щекой коснуться ран, -
Горячих ран, что мир смутили болью, -
Свидетелем остаться, как курган.

1943 г.

Янка Купала

БЕЛОРУССИЯ

Сотни лет неприятием братьев прибитая,
Сорняком зарастая, как луг сенокосный, лозой,
Ты лежала в беспамятстве пылью покрытая,
А народ твой невольню молчал и гнушался тобой.

И крутили тебя, как кому удавалось.
И настраивал каждый тебя на свой строй, на свой лад;
Аж отчаянье часом проклятьем срывалось
И неслышно в груди умирать возвращалось назад.

Спит народ - спишь и ты, неприятели верили.
Что никто не разбудит тебя, что заснула навек.
И членили тебя, всеми мерками мерили.
И что ты померла - не один так решил человек.

Час настал. К новой жизни призывы взметнулись;
Все народы поднялись за правое дело своё.
И твой сон - как украли, и дети проснулись,
Ты с народом своим стала новое строить житьё.

Хоть прибулудный доносчик пускался в дискуссии,
Хоть под право твое подрывался чужак, словно крот,
Как жила и живешь, будешь жить, Белоруссия -
Понял, вспомнил отчизну свою миллионный народ.

Стихнут вихри, затихнет пора непогодная,

Силы грозные встанут, окрепнут к другому житью;
Понесется, как звон, песнь родная, свободная,
Величая народную долю-недолю твою.

1908 г.

А ОНА

Как любовью открытой ее окружил,
Как умильно глядел в ее грустные очи, -
Так и солнцу в жару не объять спелой ржи,
Так и звездам в людей не взглядеться из ночи!

Как лелеял-голубил голубку, ее,
Как ей грудь согревал сиротливостью сердца, -
Так и мать, пеленая дитя, не поет,
И озябшим костер не дает так согреться.

Столько ей Песен песней успел я пропеть,
Столько дум я сложил о ней тайных, весомых, -
Бору с ветром шуметь и не перешуметь,
Веку не накопить и в трудах многотомных.

А какой в своем сердце возвел ей престол,
А какой увенчал любвеносной короной, -
Для венчания неба с землей не нашел
И Господь равноценной короны и трона.

Так прославил ее в славе вышних светил,
Так молил день и ночь ее быть благосклонной, -
Как не сможет и мудрость весь мир вознести,
Как не дарит росе летом чибис поклоны.

Ее счастье на счастье своем заложил -
Чародейной княжны из истории дивной.
И к ногам ее всю свою жизнь положил...

.
А она?.. А она была просто... дивчиной!..

7/V-1915 г.

Сейчас на свете самый я счастливый.
Прости, любимая. Не упрекай.
КНЯЖЕ МОЙ БЕЛЫЙ...

Столетнему гаю

Княже мой белый,
березовый гай, -
Дай заплутать
в колоннадах видалых
Не упрекай,
что тревожу твой рай,
Осень топчу на стезях
и прогалах.

Дышит здесь прелостью
желтый подстил.
Солнцем душистым
налитые - кроны.
Ты -
белорусской земли старожил,
Княже мой белый,
ветрам непокорный.

Раны души исцелю
в тишине.
Тенькнет синица -
и сердце взыграет.
Я теплотою одарен
вполне,
И добротой
березовым гаем.

И припаду я
щекою к стволам,
Мысли с берёсты
считаю несмело -
Любо без слов
побеседовать нам...
Не покидай меня,
княже мой белый.

Петр Приходько

ПРО ЧТО ГОВОРЯТ ДЕРЕВЬЯ

Всё знающий поэт, стихи слагая,
У Нарочи своей спросить бы мог:
«С какого дерева, с какого края
Шум начинается - кто устерег?»

Кто не поверит милому поэту?
Рождает бор немало разных дум,
Он зеленеет и зимой, и летом,
И не смолкает его вечный шум.

Ты слышишь, как поскрипывают сосны, -
Что хочет передать одна другой?
Свои у них и песни, и расспросы
Про каждый день над отчею землей.

Меня в тиши приветливого крова
Укроет бор и от жары, и гроз.
Мне не забыть - от древа какого
Корнями я в родную землю врос.

ТРУБА КОГО-ТО КЛИЧЕТ...

Человек играет с зорьки ранней
На всю площадь до ночной поры.
Может, кто-то обратит вниманье
И подаст земли своей дары?

У музыки - грустное обличье,
Всё стоит на месте на одном.
Медная труба кого-то кличет

Голосом охрипшим о былом.

Про давно забытую Каховку
Всё одну мелодию-тоску.
Кто-то кинет в шапку сторублевку -
Иль на крышку гроба горсть песку...

Голосом труба стремится высечь
В небе звезд падучих огонек.
Всякий час она кого-то кличет,
Жалуясь на свой несчастный рок.

Олесь Рязанов

Перевод с белорусского

СЛЕПОЙ ХУДОЖНИК

Держась за изгороди, спотыкаясь о камни,
проваливаясь в свеженасыпанные могилы
своих друзей, он идет в тот давний, далекий,
весенний сад, что некогда цвел от земли
до неба и посвящал его в бессмертие, и в каком он,
ему сдается, что-то забыл.

Когда же он рисовал, возникали картины,
что имели свои размеры, спрос и цену, однако
он сам рисовал не их, а то, что привлекало
внимание и подавало голос и чего он до конца
не мог заметить и разуместь.

Белое в свет убегало и за собой манило,
черное молча молилось возле стены, красное двигало
поступками, желтое сочувствовало образу,
зеленое внимало сказке, голубое обещало,
синее воплощало сны.

И хоть потом никогда он больше не был в саду,
сад незаметно всегда стоял у него пред глазами,

будто он сам был одним особенным атрибутом,
словно кисть или краски, а рисовал,
по правде, сам сад.

Он движим тем, что совершилось, и слепой
находит дорогу, что окончилась, а придет -
встанет меж деревьев, и деревья обступят его,
как друзья, и некие руки сочувственно в руки
ему насуют спелые, пахучие, щедрые подарки -
плоды.

ЖЕЛЕЗО

41.

Я не желал с ним
Дружить,
Я не желал с ним
Враждовать,
Я не желал о нем
Думать.

Да все равно
У меня выясняют
Каждым отчетом,
Расспрашивают
Каждым жизнеописанием,
Где тогда был я,
Когда железо
Двинулось в свой победный поход
На восток,
Что я тогда делал,
Когда насаждало
Железо в державе свой строй,
Что думал,
Когда железо
Основало необходимость

Великой перестройки.

Петер Штилиха
(Перевод со словацкого)

ВОЯКИ

Это было вчера,
но как будто сегодня:
появились нежданно из тьмы грозовой
в черных масках
и в касках огромных
мужчины, так похожие на черепах.
Тихо в круг собрались они -
на полусогнутых лапах -
и свои броневые орудья
на солнце нацелили вдруг.
Это солнце
недавно совсем
нарисовано было
на холсте белоснежном
твоей тонкой детской рукой.
У него голубые глаза,
носик, ротик и уши большие,
волоски золотились и свежий румянец сиял.
Даже краски еще не подсохли
оно уже грело.
На одно солнце больше
в галактике детства зажглось.
- Что у вас за игра? -
я спросил в черной маске мужчину.
- Это шоу, -
ответил он мне, -
Малой Звездной Войны.

- Кто же вы?
- Мы - Вояки!-
ответил он гордо. -
В каждом Солнце
мы новую видим мишень.

Я уже говорил,
это было вчера,
но как будто сегодня.
И ужасней всего,
что не сон это злой,
не мальчишечьи игры в войну
со счастливым исходом
и не драка на улице
в темную ночь.
Мой малыш,
не зову тебя нынче играть я
в ту игру тьмы проклятой,
что делит весь мир
на богатых и бедных,
на сильных и слабых,
белых - черных,
цветных - не цветных,
на слепых и на зрячих,
на честных и лживых
и на явных и тайных -
и так без конца...
Но когда наше мужество
все-таки восторжествует -
дрожь и трепет охватят
зловещую тьму,
потому что мы порох подмочим
Воякам,
с них и черные маски,
и каски стальные сорвем.
Мы загоним опять
дикарей в их пещеры,
лишь наскальные пасквили
могут остаться от них.

А потом я вернусь
рассказать тебе старую сказку
на ночь,
чтобы ты мирно заснул.
Эта сказка моя

о простом человеческом счастье
под курносым ликующим Солнцем твоим.

Мы искали его и нашли
там, в галактике детства,
оно светит и греет
всамделишной яркой звездой,
за которую так же боялись мы,
как за тебя,
увидав, когда в касках огромных
Вояки
собрались тихо -
на полусогнутых лапах -
и свои броневые орудья
на Солнце нацелили вдруг.
А потом, мой малыш,
я тебя приглашу поиграть
в ту игру,
что полна света, солнца, цветов
и игрушек -
и за них мы боялись.
Возьмемся мы за руки крепче
и споем в полный голос с тобой
нашу песню про дождь:

“Дождик, дождик пошел
с чистых облачных озер...”

Но до этой поры
я останусь пока на посту,
крепко нужно стоять на планете
у двери,
за которой ты спишь,
улыбаясь чему-то во сне.
Спи спокойно,
я рядом с тобою.
Я тебе возвещать
буду каждое утро,
что взаправду
восходит курносое Солнце твое
и с него не упал
ни один волосок золотистый,
хоть Вояки и держат его на прицеле
всегда.
Солнце, что освещает все вещи

на нашей земле,
освещает и нашу лошадку, машинку
и флейту,
Солнце, что открывает нам
тени предметов,
чтоб мы видели лучше
Вояк в черных масках, тех,
что в касках огромных,
похожие на черепах,
тихо -
на полусогнутых лапах -
ночами крадутся
и за нами следят
с черных крыш, из кустов,
лишь с гремячей жидкостью
в жилах бескровных.
Но когда наше мужество
восторжествует, малыш,
я, уверен, с тобою
еще буду здесь, на земле.

Оздемир Индже

Перевод с турецкого

Турецкий поэт Оздемир Индже родился в 1936 г. в г. Мерсине. После окончания школы и лицея уехал учиться в Анкару, где окончил факультет французского языка и литературы педагогического института Гази. С 1969 г. работал журналистом в редакции радио и телевидения Турции. Стихи начал публиковать в 1953 г. в журнале “Кайнак” (“Источник”). Первая книга “Копье” вышла в 1963 г. в Измире. С тех пор поэт опубликовал более девяти поэтических сборников и книгу статей “Поэзия и реализм”. За сборник стихов “Сезон черешен” в 1969 г. Оздемир Индже получил Майскую Премию поэзии. Поэт активно занимается и переводческой деятельностью. Он участвовал в подготовке переведенных на турецкий язык антологий мировой поэзии, сборников стихов Яниса Рицоса, Пабло Неруды, Николаса Гильена, Алэна Боскета, Владимира Маяковского. За переводы

стихов Яниса Рицоса в 1979 г. Оздемир Индже получил премию Общества турецкого языка и литературы. С русского языка Оздемир Индже перевел “Рожденные бурей” Н. Островского, “Жизнь Мольера” М. Булгакова, “Станция Зима” Е. Евтушенко, “Современная история” Н. Елисеева и другие произведения.

АНТИСУДЬБА

Вот так и пишется антисудьба
отбрось очарованье чудной шеи
и ожерелье из цветов и звезд надень.

И пишется вот так антисудьба
когда на перерыв рабочий звенит звонок
когда на пирсах кончается борьба с тюками табака и хлопка
и вянет день клонится солнце и морщится ночь
когда у женщины на шее складки отвисают
подумай ты о месяце чудесном в небе
о розах о фиалках о дроздах
о ранней сигарете и глотке раки
о первом прикосновении к руке девичьей теплой
о первом поцелуе влажных губ
непобедимой человеческой красоте
непобедимости извечной человека.

Так вот и пишется антисудьба
когда вода не только лишь вода
и хлеб не только хлеб а что-то большее
в осадке от вина на дне стакана
есть терпкость ненасытного желанья
когда вечерняя заря на горизонте
всю желтизну сливает в розоватость
а розоватость погружает в цвет кровавый
не просто в дне двадцать четыре лишь часа
но и не только тополинный листопад.

И пишется антисудьба вот так

когда груз пота пыли солнца на плечах
во рту голодном сгусток горечи и жажды
но в сердце все же шевелится что-то
внутри чем глубже соки жизни гуще
взволнованные берега взрываются пощечиной лодоса*
знай несгибаемый составлен человек
из жесткой боли глинистой земли и обжигающей воды.

* Л о д о с - южный ветер, приносящий с моря дождь и шторм.
Вот так и пишется антисудьба
и одиночество в надежду превращает.

1974

ДЕРГАЮЩАЯ БОЛЬ

Твое лицо отражает твоей порочной истории бездну,
какую бы книгу, какую бы хронику не открыл;

о жизни и смерти вопрос во встревоженной западне,
хранящей между смертью и семенем равновесье всегда.

Суденышко село на мель, сломанный киль а дне,
и как же легко мир приходит сюда.

Нужны ли писатели, что туманные фразы раздули,
если ты деловым утром в Стамбуле?

Анкара, 24.05.1981

МАЛО-ПОМАЛУ

I

Слово -
камень, скачущий по глади вод;
дверь откроешь - откроется мрак.

Мрак рассечешь - брызнет кровь,
мрак рассечешь -
рухнет царство тьмы.

II

Хлеб разломишь -
выйдет ли из него весна?

- Да, в зерне весна заключена!

Если ту весну разъять сумею,
брызнут струи пенистых ручьев,
грянут песни радостные птиц.

III

Тихо приблизься ко мне -
и увидишь:
носит садовник свежую землю в свой сад.

Румелихисары, 8.04.1981

МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СЕГОДНЯ

Вижу три тополя я из окна моего
Кровь моя полнится радостью, грустью и скорбью
Вижу три тополя я из окна моего
Первый зеленый, второй пожелтевший, коричневый третий
Словно рисунки что я увеличил по клеткам
Толстой решетки стальной на тюремном окне.

Что же там за тополями?
Что между этим окном и тремя тополями?
За тополями жестокая но и любимая жизнь
За тополями мой сын и жена и моя Анкара
А за окном ограждение из проволоки и охрана.

Мой день рожденья сегодня, мне тридцать пять
В стенах тюрьмы, меж друзей на свободе, во мне
Всюду жестокая и любимая жизнь
В сердце моем жизнь замолкла шмелем на цветке
В сердце моем моя любимая, моя юная родина
В сердце моем моей родины переплетенные корни
Мой день рожденья сегодня, мне тридцать пять.

Мой день рожденья сегодня, мне тридцать пять
Радуюсь я, хоть в тюрьме, все же родины свет
Если сказал я, что РАДУЮСЬ, значит действительно рад
Радостью узника в горькие тридцать пять лет.

1971

ПОГИБШЕМУ НА ПОЛЕ БОЯ

Не высыхают времени чернила
оно без остановки пишет ручкой
с бурностью розы ветров
неся во все концы победу
и сея семена культуры
повсюду твердою рукой
не высыхают времени чернила.

Не высыхают времени чернила
и не смывается невинных кровь.

На месте том где ты сражен
остались красные гвоздики
на месте том где ты сражен
все еще чистая кровь горячего сердца
смотрю и плачу
а слезы лишь вода и соль не больше
да и какая польза плакать там где ты сражен?

Страдаю я как будто в заточенье
тобой оставленную пустоту заполнить нечем
и нет границы времени твоей высокой правде
и говорят что плачут даже камни там где ты сражен

я тоже плачу но какая в этом польза?

Пусть мертвые не говорят
но жизни красоту они несут на спинах
и ты несешь нам на спине упрямую весну
и тысячи бутонов
и тысячи цветов окрасок всех и ароматов
и ландыши на смуглом лбу твоём
и маки на твоих плечах могучих
цветет гвоздики разбившееся сердце
и вдохновенно жизнь твоя стремится
к высокой правде ветра и воды.

И знаю я
остынет плоть твоя истлеют кости
и с реками твои сольются руки
и тело смуглое на солнце не сгорит
и женщину не смогут губы целовать
глаза не отразят величье битвы
и голос твой спокойный будет все расти
и якорь вырастет в водах залива.

Теряется твое лицо
все умножается твое лицо
точное твое лицо другие лица дополняют
и повторяют взгляд твой тысячи тебе подобных
твой голос воскресает в светлеющей ночи
твой голос воскрешается вот так светлеет ночь
и воскрешаются светлеющею ночью голоса
твои руки сегодня руки твоих друзей
твои руки сегодня припевы их песен
твои руки сегодня музыка влюбленных
твои руки окно мое распахивают настежь
и свежий воздух в комнату врывается мою.

О если бы ты знал как я истосковался по тебе
и город где ты был сражен тобою бредит в огнях
хочу я вдоволь выспаться хоть раз
проснувшись в мире где ты просыпался.

Я так истосковался по тебе! Я так измучен!

Зажмурил я глаза

зашла весна в тучу
весна из тучи вышла
и радуга над ней
зажмурил я глаза
и слышу шелест листьев у дороги
вдали реки журчанье
и запах розы и бензина
а женщина несла твой образ и разбила
рассеяла своей улыбкой мрак ночной
пришла твоя женщина
взгляд беспредельный
как даль
королева красоты
та женщина твоя
несла твой образ и разбила.

Я в смерть твою не верю
доносит ветер голос твой
я в смерть твою не верю
МОЯ КРОВОТОЧАЩАЯ РАНА

я в смерть твою не верю
о мире я с тобою говорю
я в смерть твою не верю
вон дети названные именем твоим
тебя учителя на переключках называют
с тобой ребята в армию идут
с твоим именем на устах засыпают девушки
я в смерть твою не верю
якорь вырастает в водах залива
я в смерть твою не верю
тебя встречая в снах своих!

На месте том где ты сражен
остались красные гвоздики.

1969

ПУСТЫНЯ ТЕМНОТЫ

Тревожно в дверь стучат, откроешь - никого;
Напротив - лишь пустынный вечер, вьющий шерсть,
метнулся взгляд, и обожгло огнем;

испарилась капля крови на песке.

И снова в дверь стучат который раз: открой!
Бродяга и темнота в лесу,
ты тень свою оставил там, откуда ты пришел.

Ты никогда не думал, как забылось,
что ты всегда был обожаемым болельщиком весны;
портрет тех лет все между книгами стоит.

Ты слышал? Про тебя уже сказали:
плох тот народ, следы которого в крови.

Анкара, 17.04.1981

РОЖДЕН В СОРОКОВЫХ ГОДАХ

Клопа не стене мама давит заколкой,
нет дома отца, под москитную сеткою тень,
в кармане и мелкий изюм, и кунжут, и симитные* крошки,
помытые волосы ветра полны,
все это осколки разбитого детства.

Такой вот был август, такое вот лето.
Чего-то начало, чего-то конец.

Подробности помнятся мне и другие:
жасмин и гвоздика в моем котелке разварились,
еще моего померанца росток небольшой,
зуб сильно болит, даже в ухо стреляет,
во тьме над кострами кочевников носятся птицы.

Весь мир - поле брани,
смятение в маленьком теле - что делать?

Анкара, 23.07.1979

* С и м и т - бублик (с маком).

ТРУДНО

Меняется в зеркале облик дней
Длинней стали ночи и все длинней
Трудно быть сыном узника

Эй мальчик, красивый твой взгляд лучист
Веснушчатые щеки и лоб твой чист
Трудно быть сыном узника

Вон голубь трепещущий над тобой
Вдали за колючей моей тюрьмой
Трудно быть сыном узника

Ты прочно на юных стоишь ногах
С ворсинками солнца на волосах
Трудно быть сыном узника

Стреляй в одиночество не убьешь
Ты другом и братом надежды живешь
Трудно быть сыном узника

Под крыльями птицы приносят тьму
Проказой она проникает в тюрьму
Трудно быть сыном узника

В учебниках что за люди сейчас
Их образ позорят тысячи глаз
Трудно быть сыном узника

На воле у дня ежевики вкус
Кудрями свисает каждый куст
Трудно быть сыном узника

Как кружево мать и ее рука
До гор дотянулась издалека
Трудно быть сыном узника

На длинной дороге длинней чем взгляд
В ушах светлый голос тех кто в тюрьме
Трудно быть сыном узника
Но сердцу узника утром опять
Из пепла как Фениксу восставать
Трудно быть сыном узника

Запустим же змея с тобою мы
И к солнцу за ним полетим из тьмы
Трудно быть сыном узника

Пусть кровоточит болит будь смел
Взвалить на себя бесстрашных удел
Трудно быть сыном узника

Четыре сезона роза цвела
Не вяла горечью сердцу мила
Трудно быть сыном узника

1971

Я СДЕЛАЛ НОВОЕ ОРУЖИЕ ИЗ ЖИЗНИ

Я видел что творится на земле
я видел как земля кровоточит все время
сад запылен ворота сломаны пусты кувшины
наш голос утопал в песке
кровавый след за каждой тенью
так люди учат алфавит кровавый.

Я видел что творится на земле
ходил до устья рек впадавших в море
я видел как люди из деревьев деготь получают

пшеницу мелят давят виноград
я видел детей чьи пальцы в оспинах чернильных
с фиалками засушенными в книгах
людей я видел в муках ожидания у дверей
и малышей с глазами круглыми от страха
собак по улице бегущих видел
и лавки скрывшие за ставнями витрину
я видел как горели книги и в воде газеты гнили
и чтоб не привыкать к слезам и горю
и чтоб не умирать от этой жгучей боли
я сделал новое оружие из жизни.

И затонувшее в морской пучине судно
и в уголках застывших губ усмешка
и в зеркало воды бессильное дыханье
и беспокойство площадей без малышей
и книги ставшие могилами цветов
о Турция страданий ярости борьбы
как рассказать твою историю трагедий
как двойственное лицо твое нарисовать?

Но чтобы кровь письмом забытым не осталась
года недели дни чтоб не прервались с болью
на шею чудную твою надеть бы ожерелье слов
а на запястья бы из слов браслеты.

ОБ АВТОРЕ

Рябухин Борис Константинович, русский поэт, драматург. Родился 7 ноября 1941 г. в с. Зимник, Фрунзенского района, Волгоградской области. Отец Рябухин Константин Семенович, 1915 - 1998 г.г., работал банковским служащим в Волгоградской области. Мать Белова Капиталина Алексеевна, 1917 г. рождения, работала учительницей математики в г. Астрахани, в настоящее время пенсионерка, переехала в Москву.

Рос без отца с самого рождения. С 1942 г. жил с матерью в Астрахани, окончил среднюю школу № 5. Пел, читал басни, был конферансье, участвовал в спектаклях драмкружка на школьной сцене.

Стихи начал писать с ранних лет. Со школы стал публиковать свои первые стихи и корреспонденции в местной печати. В 1959 г. опубликовал первое свое литературное произведение - басню в газете «Волга».

В 1958 г. поступил в Астраханский технический институт рыбной промышленности и хозяйства на механический факультет. Принимал участие в спектаклях Студенческого театра эстрадных миниатюр, выступал с песнями на свои слова и свою музыку, выступал на Астраханском телевидении со своими телесюжетами и стихами. В 1963 г. окончил рыбвтуз по специальности инженер-механик холодильных и компрессорных машин и установок. В том же году временно работал литературным сотрудником газеты «Комсомолец Каспия».

По распределению института поехал на Алтай. С 1963 г. работал инженером-холодильщиком гормолзаводов в гг. Рубцовске и Барнауле. Вернулся в Астрахань, где работал инженером Астраханского отделения института «Гидрорыбпроект». Продолжал выступать со своими стихами и телеочерками в местных газетах и на телевидении.

С 1966 г. переехал в Москву, но не прерывал творческую связь с Астраханью, публикуя в местных газетах поэтические подборки, выступая со стихами в рабочих коллективах.

В Москве работал сначала по специальности в институте «Гипрохолод», ЦПКБ «Главтехмонтаж», ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений.

С 1969 г. перешел в профессиональную журналистику, работал: старшим редактором и ответственным секретарем - членом редколлегии журнала Минмонтажспецстроя СССР «Монтажные и специальные работы в строительстве» (в Стройиздате), научным редактором книжной редакции издательства «Молодая гвардия», разъездным корреспондентом журнала «Смена», литературным консультантом и заведующим отделом поэзии журнала «Москва» (врем.), старшим редактором и редактором отдела - членом редколлегии журнала «Молодая гвардия», обозревателем отдела русской литературы «Литературной газеты», менеджером и заведующим

отделом газеты ИТАР-ТАСС “Двадцать четыре”, заведующим отделом и ответственным секретарем - членом редколлегии журнала “Юность”, заместителем заведующего книжной редакцией - членом дирекции издательства “Современник”. Последнее время работал в Миннаце России.

В 1976 г. стал членом Союза журналистов. Публиковал очерки в центральных журналах, на радио (вещание за рубежом) и ТАСС, печатался в коллективных сборниках. Автор восьми очерковых книг о передовиках производства.

В 1979 г. окончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии по специальности - литературный работник кино и телевидения (кинодраматург).

В 1986 г. Борис Рябухин принят в Союз писателей (литературный псевдоним Борис Карин). Его стихи публиковались в газетах «Литературная Россия», «Советская Россия», в «Литературной газете», в журналах «Молодая гвардия», «Сельская молодежь», «Уральский следопыт», «Смена», «Дон», «Юность», «Морской пехотинец», «Жизнь национальностей», «Пограничник», «Поэзия», альманахах «Алтай», «Истоки», «День поэзии», в антологиях, в десятках коллективных сборников. Он автор восьми поэтических книг: “Полюнь” (М., “Современник”, 1983); “Степан Разин”(М., “Молодая гвардия”, 1983 - журнальный вариант); “Даль отчего света” (М., “Современник”, 1986); “Перелетные годы” (М., 1990); “Степная воля” (М., 1993); “Кондрат Булавин” (М., 1993); “Степан Разин”(полный вариант, Ростов-на-Дону, 1994); “Мятежный круг” (М., 1998).

Много творческих сил Борис Рябухин отдал переводам произведений поэтов и прозаиков как России, так ближнего и дальнего зарубежья. В его переводе в журналах и книгах опубликованы стихи балкарского поэта Салиха Гуртуева, ингушского поэта Али Хашагульгова, киргизского поэта Барктабаса Абакирова, абхазского поэта Вячеслава Читанаа, азербайджанского поэта Лятифа Вели - заде, туркменского поэта Ильяса Амангельды, эстонского поэта Сулева Кюбарсеппа, эстонских прозаиков Юло Маттхеуса и Хелью Ребане, белорусского прозаика Владислава Рубанова, турецкого поэта Оздемира Индже, словацкого поэта Петера Штилиха и других.

Прозаические произведения Бориса Рябухина печатались в «Литературной России» (эссе «Одно лишь утро»), в журналах «Студенческий меридиан» (рассказ «Обтекаемый») и «Дон» (повесть «Запасный выход»).

Особое место в творчестве Бориса Рябухина занимает его диалогия “Буяны” - исторические хроники в стихах “Степан Разин” и “Кондрат Булавин”. “Можно даже в некотором смысле сказать, что автор осуществил давний замысел, который вынашивала наша литература, помня завет Пушкина, считавшего Разина самым поэтичным лицом русской истории”, - написал в своей книге “Голоса поэтов. Этюды о русской лирике” (1990 г.) известный критик Е. Осетров, назвавший Бориса Рябухина “певцом народной Руси». В центре внимания другой драматической поэмы Бориса Рябухина “Кондрат Булавин” - яркая судьба предводителя новой крестьянской войны в

бурную эпоху Петра I. В ростовской газете “Утро делового дня”, напечатавшей всю драматическую поэму “Кондрат Булавин”, критик В. Гончаров писал: “...Далекая минувшая эпоха и нынешняя реальность в чем-то перекликаются, а значит, исторические параллели не пересекаются, не останавливаются в своем то плавном, то стремительном, так сказать, пронизывании разных эпох, так богатых схожестью, родственностью, близостью возможных коллизий, ситуаций, характеров, поступков, мыслей, чувств, стремлений”. Критик С. Золотцев в “Литературной России” от 19 августа 1994 г. так отозвался о двух драматических поэмах Бориса Рябухина: “...Вроде бы негромкий поэт, а творческий поступок им совершен богатырский”.

Международное Сообщество Писательских Союзов присудило Борису Рябухину за исторические хроники в стихах “Кондрат Булавин”, “Степан Разин” и сборник стихов “Мятежный круг” Международную Литературную премию имени Николая Тихонова за 1999 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе

Драматические поэмы

Степан Разин (*историческая хроника в стихах*)

Кондрат Булавин (*историческая хроника в стихах*)

Стихи

Из сборника «Полынь», 1983 г.

“В деревне одной подмосковной...”
 “Весна опаздывала...”
 “Говорят, кто растет...”
 «Далекие очи...»
 Ермачок.

“Зимою эха не бывает...”
 “Из-за стога светится...”
 “Какой простор, какая гладь!..”
 Каспий.
 “Когда, горя от нетерпенья...”
 “Край мой - Астрахань...”
 “Ласточки купались...”
 “Моя звезда едва заметна...”
 “Мы духом страждущим богаты...”
 “Нам много снилось-переснилось...”
 “Не мне судить тебя сурово...”
 “Неужто впереди один-два взлета...”
 После грозы.
 “Солнышко едет на туче верхом...”
 Трое.
 “Убаюкан вечер зноем...”
 “Что в казну положено...”
 “Я вам писал под именем чужим...”
 “Я юность начал на Востоке...”

Из сборника «Даль отчего света», 1986 г.

Астрахань .
 “Бежим, бежим...”
 Горизонт.
 “Давай, как в праздник полагается...”
 Заклинание.
 “За мною - шлейф степенной Волги...”
 Золотая лампада.
 И свет осилил тьму - и зацарил...”
 Крупеничка.
 Месяца парус.
 “Мы все спешим и время подгоняем...”
 Набело.
 “На ветвях - остатки прежней роскоши...”
 “Неужели то смешное смущенье...”
 “- Облака мои косматые...”
 Осень.
 “Потому что Земля вращается...”
 “Поэзия - душа всего искусства...”
 Пятница.
 Работай!
 Радуга.
 Рыбак.

Старый дом.
“Сырой октябрь...”
“Ты горб за счастье поломай...”
“У меня хоромы - отчий лес...”

Из сборника «Перелетные годы», 1990 г.

“Вдруг в ноябре повеяло полынью...”
Весенний Сирин.
Вихри света.
Воскрешение.
Время просыпаться.
Джаконда.
Закон сохранения счастья.
Козел.
Любимчик.
“Мой сад заторопился...”
Мольба.
“На заре рассветной жизнь легка...”
Не крути меня, кручина.
Ночные огни.
Осеннее солнце.
Очищение.
Перелетные годы.
Птицы.
«Приходит тишина...»
Сад.
Степная воля.
“Стою у моря в непогоду...”
Сын.
“Ходят в небе тучи не напрасно...”
“Я ощущаю, мама, жизнь твою...”

Из сборника «Степная воля», 1993 г.

Аллея.
Бражный дух.
В парке “Аркадия”.
Дорохово.
Единостраники.
Кудеяр.
Последний долг.
По ту сторону судьбы.
Пурга.
Только шаг.

Из сборника «Мятежный круг», 1998 г.

Москва гласная	
Полова	
На порубежье	
Укорот	
“Во тьме моей степной стихии...”	
Пожелтели мечты	
Сцены времен	
Судный сон	
Нелетный возраст	
Духи вольницы	
Добро не борется	
Убралась	
Нотр-Дам	
Падалки	
Молчание гитары	
Пилигрим	
Сыновний бунт	
Слепой дождь	
“Непорочно зачатие в мире порочном...”	
Май	
Цыганка	
Ангелы	
“Пахнет осень дымными утратами...”	
Апокалипсис	
Распад	
Свет пути	

Из сборника «Поле любви», 2001 г.

1999.	
Атмосфера духа.	
Блюз.	
Болото	
Буйный дождь	
Велосипед.	
“Вот и посветтели...”	
Вселенская дыра	
“Далек тот берег...”	
Две радуги.	
“Дед большой построил дом...”	
Дерево.	
Длинный день.	

Живем в последний раз.
Качается мир.
Кольца Москвы.
Красная Горка.
Крестоносцы
Кукловодам.
«Лишь в храм войдешь - благословит Христос...»
Мальчик у дома.
Матери.
«Мои пращурьы - терпких полынных кровей...»
Мои скворцы.
«Мы плыли с тобой по радужной Волге...»
«Не волнуйся, не грусти...»
Не я!
«Окно новорожденного ребенка...»
«Осеннее утро. В тумане дома...»
Отец.
«От ноши ты брюзжишь...»
«Охвачен лес холодным пламенем...»
Перевод с турецкого
Победоносец.
Позднякову.
По Хвалынским холмам.
Прекрасная Елена.
Преображение Господне.
Присушка
Серебряный Орел
«Солнце - сквозь тучи...»
Сошедший с небес
Старший час
Стук
«Судного дня и не надо...»
Так бы и жил.
«Тени ветра дрожат и бьются...»
Транзитный
Треногие.
Тройка
«Туман из оврага парным молоком...»
Ты победила.
Уехать?
Чаша жара
Четвертый Рим.
Чистые пруды.
«Что не сложилось, как хотелось...»
«Я был всех сверстников моложе...»

Вечерний звон
Молчаливые люди

Из ранних стихов

“Быть бы, как солнце...”
«В березовом лесу белым-бело...»
В весенней раме
Веник.
Вишенки
Волна
Встреча
“Вот и нашли мы единое поле...”
«Вот и промчалась пора твоя вешняя...»
В пути
Встречайте меня, сосны (*песня*)
Гроза.
Диалог
До первой борозды.
Друзьям далеким
«Дует ветер на луну...»
«Думал я, душа остыла...»
Закон сохранения счастья
Ива
«И вновь спешить...»
Картошка.
Крест призвания
Лида.
Мать
На Ольшанке.
На рассвете.
“Небо такое же синее...”
“Не выходи один под вечер...”
“Не позвонить, не написать письма...”
Несем ее устои.
«Отдай мое фото!»
“Отлетела веточка...”
«Охвачен лес холодным пламенем...»
Перед штормом
Поплачь!
Поцелуй
Предгрозье.
Прямой дорогой.
“Свет твоей улыбки...”
Сухари.

Тайга расступается.
“Там, где сосны живут...”
Хлеб.
Чайник делал бурю.
«Что это было - ветра ли порыв?...»
«Я шел к тебе десятки лет...»

Переводы

Али Хашагульгов
Перевод с ингушского

Путь творца
Свидетельство
Имя.
Окошко
Стены
Связь с солнцем
Ржавчина
Спичка
Тополь, обнявший солнце
Лазарь
Прометей
Четыре
Знамя
Детский срок
Юноша
Пень
Запах дождя
Удивление
Дверь
Выставка
Поэт
Вопросительный знак
Монолог Эвридики
Кресло
Высота
Яблоко
Александр
Брехту
Жена Лота
Из истории
Дети

Дважды сирота
Камни
Звезды
Тувиму
Двое
Венцы
Пирамиды
Глаз
Горец
Хромой Тимур и поэт Кермани
Улитка
Воздух
Родина
Последние
Другой мир.

Салих Гуртуев
Перевод с балкарского

Вечный огонь
«Петлю хочешь затянуть...»-
Сердце мое
Сирота
Слушаю сердце земли

Вячеслав Читанаа
Перевод с абхазского

Будь хозяином вечно
«Был день и скучен, и тосклив...»
Вечерняя картина
«Вешний лес горит в молодом огне...»
«Время мчится...»
Глубокое русло
Горы
«Грустными стали неясные дни...»
Две речки
Деревья
Дороги
Запомнила лишь ты
Звездные птицы
Изгнанная вода

«Как новое счастье, на крыльях весны...»
Как новое счастье, на крыльях весны.
«Колыбель мою качая...»
Колыбель мою качая.
Лесная песня
Мать
Начало
Наши поля
Неоглядная вода
«Ночную даль пленила тишина...»
Ночь в горах
Осень
Песня
Песня ветра
Плач ветра
«Под крылами журавля...»
Полночь
Сегодня ночью
Сердце
Сказочная земля
«Солнце упало - и росы остыли...»
Сон родной земли
«Стихла ночь в глубоком сне...»
Строка моя
«Ты золотым веретеном...»
Ты любила
«Что душа о лете плачет?...»

Лятиф Вели-заде

Перевод с азербайджанского

Окоп
Хватит цветка одного
«Север студит зимой и весной...»
Любимые руки

Камень

Барктабас Абакиров

Астра	
Вешний цвет	
«В мире всякое бывает...»	
Волгоградская тетрадь	
1. Сталинград	
2. Дом Павлова	
3. Рубен Ибаррури	
4. Шинель героя	
5. Раненое дерево	
6. Шрам войны	
Девичья грусть	
Девушки.	
Джийдегуль.	
Дни.	
Жду звонка.	
Жизнь - учитель.	
Знатный чабан.	
Казашка Баяни.	
Карадаг.	
Красавицы.	
На берегу реки	
Наша жизнь.	
Осенняя песня птиц.	
Пение птиц.	
Похорошела земля.	
Путь дружбы.	
Скала Орла.	
Слово и дело.	
Старость еще не пришла.	
Труженик.	
Ты была моей весной.	
У могилы Турсун-заде.	
Чудесный миг.	

Ильяс Амангельдыев
Перевод с таджикского

Отцу.	
---------------	--

Сулев Кюбарсепп
Перевод с эстонского

Все что случается.
Идет ребенок словно юный Бог.
Свет - это видящих удел.

Десять белорусских поэтов
Перевод с белорусского

Максим Богданович

«Привет тебе, житье на воле!..»
«Тихий вечер. И жара спадает...»

Геннадий Буравкин

«Я давно живу не по Корану...»
«Как чаши-корабли...»

Лариса Генюш

Мельница.
Пурга.

Тишка Гартный

Копыль
В дороге

Иван Каренда

«Редко аист мелькнет...»
«Если осенью грудь...»

Якуб Колас

«Бывает музыка и в стуче...»
Моя земля.

Янка Купала

Белоруссия
А она...

Кастусь Жук

Озерная идиллия
Княже мой белый.

Петр Приходько

Про что говорят деревья
Труба кого-то кличет...

Олесь Рязанов

Слепой художник
Железо. 41.

Петер Штилиха
Перевод со словацкого

Вояки

Оздемир Индже

Перевод с турецкого

Антисудьба
Дергающая боль.
Мало-помалу.
Мой день рождения сегодня.
Погибающему на поле боя.
Пустыня темноты.
Рожден в сороковых годах.
Трудно.
Я сделал новое оружие из жизни.

Рябухин Борис Константинович

ИЗБРАННОЕ
Драмы в стихах. Стихотворения. Переводы

Издание в редакции автора

Автор благодарит за участие в издании этой книги

Технический редактор

Корректор

Сдано в набор Подписано в печать

Формат Гарнитура Бумага

Печать офсетная. Заказ № Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии №

..... г. Москва,